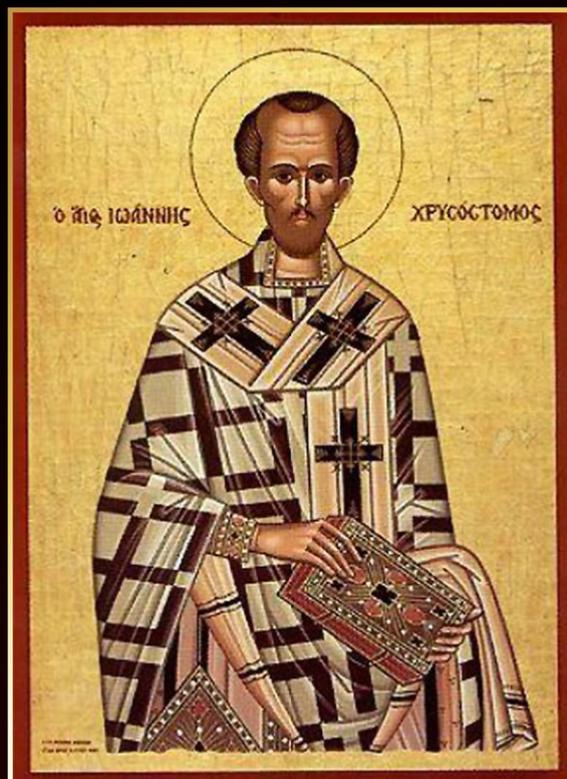

СВЯТИТЕЛЬ Иоанн Златоуст

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ Том II

Святитель Иоанн Златоуст
Полное собрание творений. Том II

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Златоуст С.

Полное собрание творений. Том II / С. Златоуст —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Второй том 12-томного Синодального издания «Полного собрания творений» святителя Иоанна Златоуста, которое было выпущено в Российской империи с 1895 по 1906 гг. представляет собой тексты, посвященные духовным и религиозным проблемам. Они содержат размышления и поучения о внутреннем богатстве человека, о телесной и духовной чистоте, о моральности и любви к Богу. Иоанн Златоуст (347–407 гг.) известен как величайший христианский мыслитель, один из троих Учителей церкви (наряду с Василием Великим и Григорием Богословом), сооснователь Константинопольского патриархата, человек, вера которого была сильнее мук и смерти.

© Златоуст С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Том II (Часть 1)	5
БЕСЕДЫ О СТАТУЯХ, ГОВОРЕННЫЕ К АНТИОХИЙСКОМУ НАРОДУ	13
БЕСЕДА ПЕРВАЯ, произнесенная в бытность пресвитером, в Антиохии, в старой церкви [1], на слова: «употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тимоф. 5:23)	13
О СТАТУЯХ БЕСЕДА ВТОРАЯ, произнесенная в Антиохии, в церкви, так называемой, старой, когда он был пресвитером – о бедствии, постигшем город, по случаю низвержения статуй благочестивого царя Феодосия Великого, на слова апостола: «богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали» (1 Тим 6:17), и против любостяжания	25
О СТАТУЯХ БЕСЕДА ТРЕТЬЯ, по случаю отправления епископа Флавиана для ходатайствования перед царем о городе, также о том, – что такое истинный пост, что злословить хуже, чем снестать человеческую плоть, – о казненных за возмущение, и против жаловавшихся на то, что многие схвачены невинно	34
О СТАТУЯХ БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ Увещание к народу о твердости и терпении примерами Иова и трех отроков и о воздержании от клятв	43
О СТАТУЯХ БЕСЕДА ПЯТАЯ Еще увещание к народу о мужественном перенесении угрожающего бедствия по примеру того, что случилось с Иовом и ниневитянами; и о том, что бояться должно не смерти, а греха; и о том, что, значит умереть худо; и о том, что нужно со всяким тщанием избегать клятв	49
О СТАТУЯХ БЕСЕДА ШЕСТАЯ о том, что бояться начальников полезно, и рассказ о случившемся на пути с теми, кои несли к Царю весть о возмущении; также о том, что кто терпит что-либо несправедно и благодарит Бога, попускающего это, равен тому, кто терпит за Бога; предлагаются опять примеры трех отроков и печи вавилонской; и о воздержании от клятв	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Святитель Иоанн Златоуст ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ

Том II (Часть 1)

I. Беседы к Антиохийскому народу о статуях

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Чудесная красота и разнообразие св. Писания. – Даже наималейшие изречения в нем драгоценны. – Объяснение текста: «Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5:23). – Добродетели Тимофея. – Чем более святые достигают заслуг, тем более страдают. – Позволение употреблять немного вина. – В бедствиях святых более обнаруживается могущество Бога. – Почему Бог допускает святых страдать и подвергаться различным бедствиям? Почему Бог отдал тело Иова во власть дьявола? – Наши отношения ограничены пределами настоящей жизни. – Увещание к богохульникам об исправлении.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Скорбь проповедника о совершившемся в Антиохии безумном мятеже, во время которого низвергнуты были царские статуи. – Бедственное состояние жителей города. – Христианин должен все сносить с надеждой на будущее. – Против богохульников. – В чем состоит истинное богатство. – Похвала и награда гостеприимству. – Плоды милосердия. – Непрочность богатства. – Бедность для тех, кто благоразумно сносит ее, есть великое богатство. – Об истине св. евхаристии.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Об отправлении епископа Флавиана ходатайствовать пред императором о помиловании несчастного города. – В чем состоит истинный пост. – Бог хочет, чтобы люди сами к Нему прибегали. – Бесплезность поста, если мы не воздерживаемся от пороков. – Описание настоящего бедствия. – Частые землетрясения в Антиохии. – Нравственное увещание.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. Увещание к народу о терпении. – Пример праведного Иова и трех отроков. – О воздержании от клятв. – Плоды скорбей. – Бедствие, как причина перемены к лучшему. – Поклонение персов огню как Богу. – Нравственное увещание.

БЕСЕДА ПЯТАЯ. Терпение Иова – основа его славы. – Бедствия настоящей жизни – ничто. – Единственное истинное бедствие есть грех. – Нужно бояться не смерти, а оскорбления своими грехами Спасителя. – Чистая совесть не страшится смерти. – Покаяние утишает гнев Божий. – Покаяние ниневитян. – Нужно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ. Власти отвращают от преступления внушаемым ими страхом. – Церковь утешает тех, кто были уstraшены властями. – Различные побуждения к утешению жителей Антиохии: прежние и теперешние невзгоды достаточны для божественного милосердия. Бог уже показал знаки своего покровительства: препятствия, замедлившие прибытие царских уполномоченных. – Милость императора по случаю праздника Пасхи. – Не должно бояться смерти; должно бояться греха. – Лазарь и бессердечный богач. Три отрока в печи огненной. – Увещание не клясться.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ. Нужно скорбеть только о грехе. – На слова: В начале сотворил Бог небо и землю. – Адам, где ты? – В них заключается много утешения. – Нужно отстать от привычки клясться.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ. Св. Писание есть неиссякаемый источник утешения. – Преимущества, какие оно доставляет людям. – На слова: Бог ходил вечером по раю. – Страх Адама; страх грешника вообще. – Увещание к добродетели. – Должно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ. Любовь проповедника к жителям Антиохии. – Поздравление им с их преуспеянием в добре. – Сожаление, что многие пренебрегают священными словами. – Почему св. Писание явилось так поздно? – Красота творения. – Звезды. – Ночь и день. – Порядок времен, земля и стихии, солнце – все это поведует всемогущество и премудрость Творца. – Должно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ. Великая польза от слушания слова Божия. – Чудеса творения. – Представляемое ими изумительное разнообразие. – Неизвинительность язычников в том, что они боготворили вселенную. – Должно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ. Милость и прощение жителей Антиохии. – Чудеса творения. – Тело человеческое. – Глаза. – Уши. – Мозг. – Сердце. – Превосходство человека над животными. – Польза, какую человек получает от разных видов животных. – Должно воздерживаться от клятвы и готовиться достойно отпраздновать праздник Пасхи.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ. Благодатное действие прощения оскорблений, нанесенных императору. – О том, что Бог проявляется в творении. – Творя человека, Бог вложил в его сердце начала естественного закона. – Тщательно должно избегать клятвы.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ. Поздравление народу по поводу того, что он избавился от своей тревоги и что после бури наступила тишина. – Возвращение к прежнему предмету. – Естественный закон, совесть и другие средства, которыми пользуется божественная благодать для приведения нас к добродетели. – Дурная привычка антиохийцев – клясться при общественных и частных делах. – Радость об исправлении некоторых от этой привычки, но желательно было бы полное избавление от нее. – Увещание к исправлению.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Новый тревожный слух после успокоения. – Неосновательность его и благодарение Богу за отвращение угрожавшей бури. – Продолжение прежнего предмета о клятвах. – Гибельность клятвы, доказываемая примером Ирода, который для исполнения своей безумной клятвы погубил Иоанна Крестителя. – Даже клятва частного лица причиняет много неудобств, а клятва государя может сделаться истинным бедствием для целого народа. – Пример неразумных клятв Саула и Иеффая. – Зло, причиненное царем Седекией иудейскому народу чрез нарушение клятвы в верности Навуходоносору. Как все воздерживались от бань во исполнение запрещения, наложенного Феодосием, так все должны исполнять и повеление Спасителя о непопозволительности клятвы. – В Антиохии впервые последователи Христа стали называться христианами; поэтому ей следует быть и первым городом, изгоняющим всякое богохульство. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ. Полезность страха. – Он больше приносит пользы, чем веселость. – Толкование на текст из книги Иисуса Сираха 9:18. – Средства обеспечения нас от опасностей мира сего. – Клясться хуже чем убивать. – Увещание о том, чтобы верные избегали клятв. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Страх жителей Антиохии при слухе о прибытии в их город воинов и успокоение их правителем. – Обличение этой слабости, недостойной христиан. – Продолжение беседы о клятве. – Узы ап. Павла и их поучительность. – Христианин, подобно ап. Павлу, должен любить страдания, ведущие его к славе вечной жизни. По поводу третьей недели великого поста проповедник увещевает слушателей не столько высчитывать количество протекшего времени, сколько сумму своего преуспеяния в добродетели и особенно в борьбе с дурной привычкой клясться. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ. Благодарение Богу за отвращение угрожавшего Антиохии бедствия и похвала ревности иноков и отшельников, ходатайствовавших о помиловании города. – Равнодушие языческих философов к бедствию города и превосходство христианской любви. Утешение народу по случаю лишения Антиохии некоторых прав и преимуществ. – Истинная слава города должна быть не во внешних преимуществах, а во внутренних добродетелях его жителей. – Антиохия славна тем, что в ней впервые верные получили имя христиан,

она щедро помогала Иерусалиму во время голода и отвергла заблуждения, которые хотели распространить иудеи. – Такие преимущества неотъемлемы у нее. – Увещание к поддержанию благочестия и религиозности. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Порицание тех, которые чрезмерно радовались тому, что прошла половина великого поста. – Нужно радоваться степени достигнутой за это время духовного преуспевания. – Объяснение слов ап. Павла: «Радуйтесь всегда». Доказательства того, что ни богатства, ни почести, ни здоровье, ни все земные блага не могут дать чистой и истинной радости. – Такая радость принадлежит только христианину, пребывающему верным закону Господню. – Скорбь апостола и превосходство этой скорби над всеми удовольствиями мира сего, потому что она находит себе неиссякаемое утешение в надежде на жизнь вечную. – Обличение жителям Антиохии за то, что они стали уже предаваться играм и удовольствиям, хотя начальники их еще находились в темнице. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Похвала мученикам по случаю перенесения их мощей. – Похвала их вере и простоте. – Превосходство их неведения над всеми познаниями древних философов. Объяснение богохульства и привычки клясться. – Печальные последствия этой дурной привычки. – Бедствия, навлеченные на народ клятвой царя Седекии. – Необходимость усилий в деле исправления. – Выражение надежды, что Антиохия совершенно избавится от греховной привычки клятвы и клятвопреступничества. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ. Недостаточность сорокодневного пощения для надлежащего приготовления к пасхальному причащению. – Прежде и более всего необходима добродетель. – Увещание забывать обиды. – Мщение за обиды мучит людей раньше огня адского. – Не должно клясться. – О тех, которые еще не исправились от этой дурной привычки. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. О возвращении епископа Флавиана и о прощении, данном императором городу Антиохии. – Ходатайственная речь епископа Флавиана пред императором и ответ Феодосия. Наставление антиохийцам о том, как жить и вести себя в будущем. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

II. Слова огласительные

СЛОВО ПЕРВОЕ. К готовящимся к крещению. – Похвала усердию и благоговению сподобившихся крещения. – Различные наименования крещения – баня, возрождение, просвещение и другие. – Отличие крещения от омовений ветхого завета. – Крещение в отличие от них омывает душу, а не тело. – Крещение очищает нас от грехов. – О покаянии после крещения. – Увещание к удалению от грехов, особенно грехов языка, клятвы и клятвопреступления.

СЛОВО ВТОРОЕ. Преимущества, даваемые св. крещением. Крещенный называется верным, потому что он верует в Бога и Бог дает ему чистоту и святость души, усыновление и царство небесное. – Обязанности, налагаемые крещением. – Смысл слов: «отрекаюсь от сатаны». Нужно отречься не только от сатаны, но и от всех его обольщений, как театр, цирк, суеверное наблюдение дней, чары и тому подобные мерзости, которых должен избегать человек, воспринявший учение Иисуса Христа.

III. Беседы о бессилии дьявола

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Похвала усердию слушателей даже к продолжительным беседам. – О божественном промыслении. – Не Бог лишает нас своих даров, а мы сами теряем их. – Мы получили лучший из даров – вечное блаженство. – Бог всегда печется о нашем благе. – Пример этого – смешение языков, которое также послужило ко благу людей. – О нравственном

и физическом зле, различие между ними: последнее служит лекарством для первого. – Что сделали бы дьяволы, если бы мир был предоставлен им. – Почему из двух злых людей один наказывается, а другой нет? Увещание о том, что не должно обвинять Промысл Божий.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Приветствие епископу Флавиану, присутствовавшему при беседе. – Возвращение к прежнему предмету. – Почему не был уничтожен дьявол? – Уничтожение дьявола уменьшило бы заслугу христиан. – Злоба происходит не от природы, а от злого употребления, какое человек делает из своей свободы. – Между тем как все служит в пользу человеку благонамеренному, все вредит тому, кто не хочет добра. – Последний злоупотребляет всем – творением, своим телом, крестом, апостольской проповедью. – Сам Иисус Христос, будучи светом миру, ослепляет немощные души. – Нужно постоянно бодрствовать над собою – в молодости ли, в старости ли. – Различные способы покаяния. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Два класса людей: одни слушали беседу о лукавстве дьявола, а другие в это же время находились в театре, чтобы услаждаться соблазнами дьявола. – От чего происходит это различие? – От воли тех и других, потому что только воля делает нас или добродетельными или порочными. – Если будем иметь добрую волю, то даже дьявол вместо того, чтобы вредить, будет служить нам. – Вот почему Бог не уничтожил дьявола и почему Он допускает совместно жить и добрым и злым. – Следовательно только воля наша делает нас виновными, и эта истина доказывается притчей о десяти девах, покаянием ниневитян, падением Адама и торжеством Иова. Заключительное увещание. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург)

IV. Беседы о покаянии

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Любовь проповедника к своим слушателям. – Отчаяние и небрежение одинаково опасны. – От этих двух недостатков погибли сатана и Иуда. Смирненное упование спасло ап. Павла, мытаря, ниневитян. – В коринфском блуднике ап. Павел более опасается отчаяния, чем самого греха. – Дальнейшее развитие этой мысли и подтверждение ее историй блудного сына. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Не должно отчаяваться грешнику. – Если Каин не получил прощения, то это за отчаяние. – Если Давид получил прощение, то это за свое упование и за исполнение того, что сказал ему пророк. – Исповедать свой грех – первый путь покаяния. – Пример Ахава в деле Навуфеева виноградника. – Иона и ниневитяне. – Третий путь покаяния – смирение. – Пример фарисея и мытаря. – Смирение ап. Павла. – Увещание к слушателям. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Обзор предыдущей беседы о трех путях покаяния. – Путь четвертый – милостыня. – Объяснение притчи о десяти девах. – Без масла человеколюбия девство не может открыть неба. – Сила милостыни. – Она будет защитой делателей ее в день судный. – Продолжение притчи о десяти девах. – Трудность девства, неизвестного древним. – Обобщение и заключение. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. Утешительность покаяния. – Пример других как ободрение нам в деле покаяния. – Легкость делания добродетели в бедствии и трудность его в благоденствии. – Святые не унывают в несчастии, не надмеваются в счастье. – Христиане должны искать себе убежища не у людей, а в недрах Божиих. – Если Бог попускает нам часто страдать, то это для того, чтобы побудить нас прибегать к Нему.

БЕСЕДА ПЯТАЯ. Пост собирает нас в доме Божием и приводит нас в объятия нашей матери Церкви. – Он отгоняет демонов, поддерживает добродетель отшельников, приводит Моисея и Илию в присутствие Божие. – Пренебрежением к посту навлекается смертный приговор, чрез соблюдение его отменяется этот приговор. – Пример ниневитян. – Трехдневный

пост спас их. – Покаяние очищает грехи в продолжительное время. – Пример ап. Петра. – Постом Даниил избавился от львов и три отрока от печи огненной. – Пост полезен даже для здоровья. – Заключение.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ. Вступительные замечания по поводу многочисленности собрания. – Пост не приносит пользы тем, которые, воздерживаясь от пищи, не воздерживаются в то же время от греха. – Бесполезно поститься и в то же время посещать зрелища. – Слово против зрелищ. – Пребывание в театре – влечет за собою прелюбодеяние. – Объяснение изречения: кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. – Кажущаяся трудность этого изречения. – Бог не требует ничего невозможного. – И ветхий и новый закон происходят от одного и того же Законодателя. – Доказательство этого у пр. Иеремии. – В нагорной проповеди сопоставляются законы ветхого и нового завета, чтобы показать, что они не противоречат между собою, а дополняют друг друга.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ. Покаяние, как целебное средство для греха. – Чудесное долготерпение Божие к грешникам, доказываемое тем, что от худого корени могут иногда происходить добрые плоды. – Пример Иова, происшедшего от Исава. – Причина долготерпения к грешникам заключается в надежде на их исправление. – Ко благу всех Бог бывает часто снисходителен к грешнику и строг к праведнику. – Покаяние достигается не продолжительностью времени, а расположением сердца. – Человек медлителен к созиданию, скор к разрушению, – что противно Богу. – Бог семь дней назначил для разрушения Иерихона. – О Рааве, как покаявшейся грешнице и сделавшейся прообразом Церкви. – Грехом порождается скорбь, а скорбью разрушается грех. – Кто дает бедному, тот одождает этим Бога.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ. Подобно Ноеву ковчегу, церковь принимает в свои недра коршунов, волков и змей; но в то время, как ковчег выпустил их такими же, как и принял, церковь преобразует их покаянием в голубей, овец, агнцев. – Покаяние принесет пользу и тому, кто всю свою жизнь проводил в грехе. – Милосердие Божие безгранично. – Греховность человека исчезает в милосердии Божиим, как искра в море. – Не должно стыдиться прибегать к церкви с покаянием. – Стыдиться нужно только греха. – Дьявол внушает нам дерзость к греху и стыд к покаянию. – Доказательство этой истины в св. Писании. – Объяснение первой главы из книги пророка Исаии.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ. О необходимости добрых дел. – Опровержение возражений о трудности этих дел среди суеты мира сего. – Увещание к посещению церкви и к благоговейному пребыванию в ней во время совершения страшных Таин Христовых. – Напоминание о кончине мира. – Необходимость совершения добрых дел и покаяния на земле, потому что по окончании настоящей жизни закончится возможность для них.

Похвальные беседы на праздники Господа нашего Иисуса Христа и Его святых

V. Беседа в день Рождества Господа нашего Иисуса Христа

О времени установления праздника Рождества Христова. – Тайна Рождества Христова. – Укрепление верующих против издевательств язычников. – Обличение злоупотребления при св. причащении. – К св. тайнам должно приступать с благоговением и благоприличием. – Величие и святость этого таинства.

VI. Беседа о Крещении Господа и о Богоявлении

Увещание народу о посещении церкви. – О двояком явлении Иисуса Христа: о Его явлении волхвам и о будущем последнем пришествии, когда Он явится во славе своей. – Чудесное сохранение крещенской воды от порчи. – Различие между крещением иудейским и христианским, между крещением Иоанна Предтечи и Господа Христа. – Объяснение того, как Христос исполнил всякую правду. – Увещание к народу о том, что к св. причащению должно приступать с благоговением и страхом.

VII. О предательстве Иуды

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Вопрос о злополучии Иуды и тех, кто гонят праведников. – Несчастливы не те, кого гонят, а те, кто гонят, потому что гонения первым открывают двери рая, а последним врата ада. – Посему гонимые должны молиться о гонящих. – Изложение истории предательства Иуды. – Необходимость и всем нам беречься того, чтобы не впасть в грех этого апостола. – Дело Иуды и женщины-грешницы, как доказательство свободы воли. – Тайная вечеря и пасха иудейская. – Установление таинства евхаристии. – Прощение обид, как одно из лучших средств приготовления к св. причащению.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Изложение мысли, что должно оплакивать не тех, кто страдают, а тех, которые причиняют страдания другим. – Почему нужно молиться о врагах своих, а не проклинать их. – Изложение обстоятельств предательства Иуды. – Подробности Тайной Вечери и установления св. Евхаристии. – Сравнение пасхи христианской с пасхой иудейской. – Невозможность совершения последней после рассеяния народа. – Увещание к народу приступать к св. причащению с благопристойностью и благоговением.

VIII. О кладбище и кресте

О названии кладбища и о кресте Господа и Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа. – Причина произнесения беседы вне города. – О том, как Христос победил смерть. – Чем победил дьявол, тем и сам побежден был. – Победа эта без нашего труда. – Почему разодралась завеса в храме? – О том, как должно приступать к св. причащению. – Призывание Св. Духа.

IX. О кресте и разбойнике

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Прославление св. креста. – Он есть жертвенник, на котором Господь Иисус Христос совершил свою жертву, и открывает нам небо. – Все наше счастье происходит от креста. – Он есть ключ, открывающий нам двери рая. – Первый вошел в эти двери добрый разбойник. – Пример этого разбойника, как поощрение дерзновению веры. – Крест, который явится в последний день несомый ангелами и архангелами. Необходимость молиться за врагов в подражание Христу-Спасителю и в послушание поучений св. ап. Павла, тем более, что и в ветхом завете, где менее изобиловала благодать, Моисей, Давид и Самуил молились за врагов. – Мы должны следовать по их стопам. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Прославление св. креста. – Вытекающие от него блага. – Почему Иисус Христос, жертва нового завета, был заклан вне стен Иерусалима? – Добрый разбойник. – Изъяснение сказанных им слов на кресте. – Великая награда за славное исповедание веры. – Иисус Христос в последний день явится со Своим крестом. – Увещание верующим прощать

своих врагов. – Указание на пример Господа Христа и святых праведников как в ветхом, так и в новом завете. (Исправления – Людмила Жмурина, С.-Петербург).

Х. О воскресении мертвых

Истина воскресения мертвых. – Доказательства ее. – Учением о Промысле Божиим. – О способе направлять свою жизнь согласно с волей Божией. – Христиане должны сносить страдания, имея в виду вечное блаженство. – Награды, предстоящие добродетельным людям в будущей жизни. – Объяснение нескольких относящихся сюда текстов. – О тленности земных благ. – Обличение заблуждения манихеев и доказательство того, что тело и природа человеческие не суть зло сами по себе. – Пояснение истины воскресения.

XI. Против упивающихся и о воскресении

Истинный пост состоит в воздержании от греха. – Все могут содержать такой пост и этому не может не препятствовать слабость здоровья. – Изображение упившегося человека, который хуже бесноватого. – Объяснение текста: «Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом» (Ефес. 5:18). Есть следовательно упоение духовное. – День воскресения Христова – общая радость на небе и на земле. – Возможность для всех участвовать в этой радости. – Род человеческий умер в Адаме и воскрес в Иисусе Христе. – Развитие этой истины. – Увещание к новокрещенным избегать даже и того, что может казаться безразличным, как смех, нескромные взгляды, – что может повести и к дальнейшим порокам.

XII. О вознесении

Объяснение цели и значения праздника. – Это есть примирение человека с Богом, примирение, посредником которого явился Иисус Христос. – В вознесении природа человеческая поставлена превыше небес. – Чтобы понять это необычайное возвышение нашего естества, необходимо видеть, как она была унижена. – Ангелы страдали вследствие нашего падения и потому возликовали при виде того, как наш Избавитель родился и затем вознесся на небо. – Явление ангелов-утешителей осиротелым апостолам. – Верные, как богатые, так и бедные должны обращать свои взоры к небу в ожидании возвращения Спасителя и своею доброю жизнью удостоиться того, чтобы быть превознесенными с Иисусом Христом, когда Он придет судить живых и мертвых.

XIII. О Пятидесятнице

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Необходимость непрерывного празднества в церкви Христовой. – В ветхом завете было три праздника в году. – Для христиан все дни должны быть посвящены Богу. – Поэтому кто из них является в церковь только по великим праздникам, оказывается неверным своему призванию. – Ап. Павел показывает, в чем должно состоять это непрерывное празднество (1 Кор. 5:8). – Дар Духа Святого есть дар примирения. – Вот почему Он сошел только после того, как прославлен был Иисус Христос, т. е. изгладил наши грехи, препятствовавшие примирению. – Истина примирения и сошествия Св. Духа, доказывается чудесами, которые совершали апостолы. – Ответ на возражение: если чудеса служат доказательством присутствия Св. Духа, то значит Его нет в церкви теперь, так как в ней не совершается чудес. – Если бы Св. Дух не обитал в церкви, то в ней не было бы ни крещения, ни священства и других

таинств. – Объяснение того, почему Св. Дух сошел в день Пятидесятницы и в виде огненных языков. – Увещание слушателям о богоугодной жизни.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Увещание слушателям радоваться по случаю праздника, который есть главизна праздников. – В этот день мы получили исполнение обетования Сына Божия. – Все благодатные дары мы получаем от Духа Святого. – Его Божественность вопреки лжеучению македонян. – Объяснение того, почему Иисус Христос не тотчас послал Св. Духа своим ученикам по вознесении и почему Св. Дух сошел в виде огненных языков. – Необходимо украшать свои души всеми добродетелями, чтобы получить плоды, приносимые Св. Духом. – Увещание к человеколюбию и обличение зависти. – Увещание новокрещенным о том, чтобы сохраняли полученный ими дар благодати.

БЕСЕДЫ О СТАТУЯХ, ГОВОРЕННЫЕ К АНТИОХИЙСКОМУ НАРОДУ

Знаменитые беседы к Антиохийскому народу о статуях произнесены святым Иоанном Златоустом в святую четырехдесятницу 388 года. Поводом к их произнесению послужил страшный мятеж, произведенный в Антиохии уличной чернью, которая оскорбила и разбила императорские статуи. Первая беседа была произнесена еще до мятежа, но вторая уже после мятежа, о чем ясно говорит и ее содержание. Всех бесед было произнесено 21, и в них с поразительной живостью изображается состояние Антиохии в это страшное время.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ, произнесенная в бытность пресвитером, в Антиохии, в старой церкви ¹, на слова: «употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тимоф. 5:23)

Слышали вы апостольский голос, небесную трубу, духовную лиру? В самом деле, (голос) как труба, которая, подавая страшный боевой сигнал, пугает врагов, поднимает упавший дух своих, возбуждает в слышащих великое мужество и делает их непобедимыми для дьявола, или как лира, которая, приятно услаждая нас, укрощает волнения нечистых помыслов и вместе с удовольствием доставляет нам и великую пользу. Итак, слышали вы сегодня, как Павел беседует с Тимофеем о многих важных предметах? Так он писал ему в послании о рукоположении: «рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах» (1 Тим. 5:22), и представил тяжкую опасность такого беззакония, показав, что за грехи одних подвергнутся наказанию вместе с ними и другие, так как через хиротонию они сообщают силу нечестию. Затем он говорит: «употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5:23). Он беседовал с нами сегодня и о повиновении слуг, и о безумии сребролюбцев, и о безрассудности богатых, и о многом другом. Так как всего зараз изъяснить невозможно, то, что из сказанного пожелаете вы, чтобы мы взяли для беседы с вами, возлюбленные? В прочитанном, как будто на лугу, я вижу множество разнообразных цветков, обилие роз, фиалок и лилий, – повсюду рассеянный разнообразный и обильный плод духа и великое благоухание. Вернее же сказать, чтение божественных писаний есть не только луг, но и рай, потому что цветы эти имеют не одно лишь простое благоухание, но и плод, который может питать душу. Так что же из сказанного желаете вы, чтобы мы представили вам сегодня? Желаете, чтобы мы занялись теперь тем, что кажется самым легким и удобопонятным для всякого? Я согласен, да и вам, как хорошо я знаю, понравится это. Но что, легче прочего? Что же иное, как не то, что представляется и легким для всякого и кратко может быть высказано? Что же это такое? «Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов». Итак, употребим всю беседу на это изречение.

Не по честолюбию делаем мы это, и не из стремления похвалиться даром слова, потому что мы говорим не свое, а то, что внушает благодать Духа; говорим для того, чтобы возбудить беспечных из слушателей и убедить, сколь великое сокровище Писаний как не надежно и не безопасно проходите их без внимания. В самом деле, если случится, что это легкое и ясное изречение, которое, как многим кажется, не заключает в себе ничего необходимого, послужит нам причиной великого богатства и поводом к высочайшему любомудрию, то гораздо больше

---

¹ Старой называлась часть города, расположенная при реке Оронте; здесь была церковь, называвшаяся также «старой» или еще «апостольской», так как основана была апостолами.

те (изречения), которые и сами по себе показывают свое богатство, наполняют бесчисленными сокровищами внимающих им. Не будем поэтому пренебрегать и теми мыслями Писаний, которые почитаются маловажными, потому что и они от благодати Духа; благодать же Духа никогда не бывает малой и скудной, а великой, удивительной и достойной щедроты Давшего. Итак, будем слушать их не поверхностно. Ведь и очищающие руду, когда бросят ее в плавильную печь, вынимают не только одни куски золота, а с великой тщательностью собирают и маленькие крупинки; так как и мы очищаем золото, извлеченное из апостольских рудников, не в плавильню бросая, а влагая в помышления вашей души, не пламя возжигая, а воспламеняя огонь духа, то будем тщательно собирать и маленькие крупинки, потому что хоть и кратко изречение, но велико значение. Как драгоценные камни получают свою цену не от тяжести составного вещества, а от красоты, так точно и чтение божественных Писаний. Языческая наука, раскрывая много пошлостей и внушая слушателям много пустяков, отпускает их с пустыми руками, ни много, ни мало не приобретшими себе чего-либо хорошего. Благодать же Духа не так, а совершенно напротив: немногими словами она внушает любомудрие всем, кто внимает ей, и часто бывает достаточно взять отсюда одно только речение, чтобы иметь средства на весь путь жизни.

2. Если таково богатство, то воспрянем и трезвенной мыслью воспримем то, что будет сказано, так как я намереваюсь далеко углубиться словом. Многим кажется, что вышеуказанное наставление и не нужно, и излишне. Говорят: разве Тимофей сам по себе не мог знать, чем надо пользоваться, а ожидал узнать это от учителя? Неужели учитель не только дал повеление, но и запечатлел письменами, вырезав его как бы на медном столбе в данном ему послании, и не постыдился написать об этом в послании ученику, назначенном для народного чтения? (Это для того сделано), чтобы тебе знать, что наставление не только не излишне, но и необходимо и чрезвычайно полезно. И это, – т. е. что оно было не сказано только, а изложено в письме и через послание передано всем грядущим поколениям, – не дело Павла, а благодати Духа. Перейду сейчас к самому доказательству. В самом деле, наряду с указанным некоторые не меньше недоумевают и относительно еще другого, спрашивал себя: для чего допустил Бог, чтобы муж, имевший такое дерзновение, муж, кости и останки которого изгоняли демонов, подвергся такой болезни? В самом деле, он не просто болел, а всегда и беспрестанно, непрерывно следовавшими друг за другом недугами, не дававшими ему отдыха даже на краткое время. Откуда видно это? Из самых слов Павла. Он не сказал: «ради недуга», но: «ради недугов», и не просто «недугов», но указал и на их непрерывность, говоря: «частых твоих недугов». Пусть выслушают это те, которые, подвергшись продолжительной болезни, сетуют (на свои страдания) и изнемогают. Но вопрос заключается не в одном лишь том, что он (Тимофей) болел, будучи святым, и болел так беспрестанно, а в том, что ему вверены были и общественные дела. Если бы он был одним из тех, которые удалились на вершины гор, поставили свою хижину в уединении и избрали жизнь, чуждую общественных занятий и трудов, то вопрос не был бы так затруднителен. Но подвергнуть узам недуга человека, поставленного на служение общественное, человека, которому вверены заботы о стольких церквах, который с таким рвением и старанием устраивает целые города, народы и всю вселенную, – это больше всего способно смутить того, кто не относится к этому с надлежащим вниманием. В самом деле, ее уже не ради себя самого, то, по крайней мере, ради других необходимо было, чтобы он был здоров. Он был доблестнейшим вождем. Война у него была, говорит (Писание), не только с неверными, но и с демонами, и с самим дьяволом. Все эти враги нападали с великой силой, рассеивая войско и захватывая в плен; а он мог обратиться к истине бесчисленное множество, и был немощен. Если от болезни, говорит, и не происходило никакого еще ущерба для дела, то все же она одна способна уже была сделать верных более боязливými и беспечными. Если воины, видя своего вождя прикованным к постели, становятся унылы и нерешительны в битве, то гораздо более естественно было, чтобы и верные, видя тогда своего учителя, совершившего столько знаме-

ний, в постоянных недугах и телесных страданиях, испытали нечто свойственное людям. Но не одно только это, а и нечто еще другое служит вопросом для сомневающихся, именно – почему, если Тимофей находился в таком состоянии, ни сам он не исцелил себя, ни его учитель. Они пробуждали мертвых, изгоняли демонов, вполне властвовали над смертью, а одного немощного тела не исцелили; показав столь великую силу и при жизни и по смерти на чужих телах, не восстановили пришедшего в упадок желудка. Но самое главное в том, что Павел, после стольких и таких знамений, которые он совершил одним простым словом, не совестился и не стыдился писать Тимофею, чтобы он прибежал к услугам вина. (Представляется это особенно важным) не потому, что постыдно пить вино, – да не будет! это учение еретиков, – а потому, что он не почитал стыдом того, что без помощи вина нельзя исправить болящего члена, и так был далек от стыда за это, что выставил даже это (наставление) на вид всем будущим поколениям. Видите, до какой глубины мы довели свое слово? Видите, как кажущееся ничтожным изобилует бесчисленными вопросами? Приведем же и решение. Я для того и сошел в великую глубину, чтобы, возбудив ваш ум, подготовить наши мысли.

3. Но позвольте мне прежде, чем привести решение этих вопросов, сказать кое-что о добродетели Тимофея и заботливости Павла. Что, в самом деле, было нежнолюбивее того, кто, находясь на столь дальнем расстоянии и будучи занят множеством дел, так беспокоился о здоровье желудка ученика и так заботливо писал об излечении болезни? Что, с другой стороны, равно было добродетели Тимофея? Он так презирал роскошь и смеялся над пышным столом, что впал даже в недуг от слишком сурового образа жизни и чрезмерного поста. Что он был таким не от природы, а постом и употреблением воды разрушил силу желудка, послушайте, как сам Павел определенно говорит об этом. Он не просто сказал: «употребляй немного вина», а, сказав наперед: «впредь пей не одну воду», затем уже присоединил совет употреблять вино; словом же: «впредь» он обозначал, что до того времени Тимофей пил воду и вследствие этого стал болен. Кто не подивится его любознательности и строгости? Он достиг самых небес, взошел на вершину добродетели, и это свидетельствует о нем его учитель, говоря: «послал к вам Тимофей, моего возлюбленного и верного в Господе сына» (1 Кор. 4:17). А когда Павел называет его чадом, и чадом верным и возлюбленным, то этих слов достаточно, чтобы показать всю его добродетель, потому что суждения святых не зависят ни от расположения, ни от вражды, но чужды всякого пристрастия. Тимофей не был бы так достоин удивления, если бы был чадом Павла по естеству, как он дивен теперь, потому что, не будучи нисколько родным ему по плоти, он усыновил себя ему через сродство по благочестию, тщательно сохраняя во всем черты его любознательности. Как телец, сопряженный с волом, он влачил вместе с ним по всей вселенной ярмо и нисколько не ослабевал вследствие своего возраста, а был полон стремления соперничать в трудах с учителем. И этому свидетель опять сам Павел, который говорит: «никто не пренебрегай его: ибо он делает дело Господне, как и я» (1 Кор. 16:10–11). Видишь, как свидетельствует он о равной ему самому ревности (Тимофея)? Затем, чтобы не показалось, будто он говорит это по расположению, он самих слушателей делает свидетелями добродетели своего сына, говоря: «его верность вам известна, потому что он, как сын отцу», так «служил мне в благоговении», вы узнали добродетель его и испытанную душу (Филипп. 2:22). И, однако, поднявшись до такой высоты совершенства он и тогда не был самонадеян, а оставался робким и чрезвычайно боязливым, почему он строго и постился, и не испытал того, что бывает со многими теми, которые, подвергнув себя лишь на десять или двадцать месяцев посту, тотчас же оставляют все. А он не потерпел ничего подобного и не сказал даже себе чего-нибудь в роде следующего: что мне за нужда теперь поститься? Я победил, стал господином страстей, умертвил свое тело, демонов устранил, дьявола отогнал, мертвых воскресил, прокаженных очистил, я страшен для супротивных сил. Что мне теперь за нужда в посте и в той безопасности, какую дает он?

Ничего подобного он ни сказал, ни подумал, но чем больше преисполнялся бесчисленных заслуг, тем более боялся и трепетал. И такому любознательности он научился у учителя, ибо и

тот, будучи восхищен на третье небо и вознесен в рай, слышав неизреченные глаголы и став участником таковых таинств, и как бы на крыльях обтекая всю вселенную, говорил в послании к Коринфянам: боюсь, «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор. 9:27). Если же Павел страшился после совершенных им столь славных и великих дел, Павел, который мог сказать: «для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6:14), то гораздо больше следует бояться нам, и тем – именно – больше, чем больше приобретаем мы совершенства потому что и дьявол становится тогда лютее, тогда делается более свирепым, когда видит, что мы заботливо устраиваем свою жизнь. Когда видит, что грузы добродетели сложены и изобильно накоплены, тогда-то и старается причинить более тяжкое крушение. Ибо человек ничтожный и презренный, если и поскользнется и падет, приносит обществу не столь большой вред; а тот, кто стоит наверху добродетели с великой славой как бы на какой высоте, будучи виден и известен всем и составляя у всех предмета удивления, когда падает, подвергшись искушению, причиняете великое разрушение и вред; не потому только что он сам пал с высоты, но и потому еще, что он сделал более беспечными многих из тех, кто взирал на него. И подобно тому, как в теле не бывает еще большого вреда, когда разрушен какой-нибудь иной член, а когда выколоты глаза или повреждена голова, то все тело становится бесполезным, так следует сказать тоже и о святых и людях с великими заслугами: когда они гаснут, когда причинят себе бесчестие, то приносят всецелый и непоправимый вред и остальному телу.

4. Тимофей, зная все это, отовсюду защитил себя. Так он знал, что юность трудна, что она легко воспламеняема, легко поддается обольщениям, легко попадает на скользкий путь и нуждается в очень крепкой узде, потому что она есть как бы костер, который захватывает все лежащее вне его и легко воспламеняется; и он тотчас же отовсюду оградил его, чтобы умерить его, и всячески старался погасить этот пламень; и коня без узды и удила укрощал он с великой силой, пока совершенно не усмирил его бешеных прыжков, пока не сделал его покорным удилам и предал руки разума обуздывающего его с великой силой. Пусть немоществует, говорил он, тело, но пусть не ослабевают душа; пусть обуздывается плоть, но да не будет препятствий для течения души к небу. Но вместе с этим, больше всего можно удивляться в нем еще тому, что, будучи столь немощным и борясь с таким тяжелым недугом, он не радел о делах божественных, но повсюду летал больше, чем здоровые и сильные телом, то в Ефес, то в Коринф, часто в Македонию, в Италию, повсюду являясь с учителем на суше, на море, принимая участие во всех его подвигах и непрестанных опасностях; и слабость тела не поругалась над любомудрием души. Такова ревность по Боге, столь легкие крылья дает она. Как людям, имеющим сильные и здоровые тела, нет никакой прибыли от здоровья, если душа презренна, беспечна и ленива, так и обессиленным нет никакого вреда от слабости, если душа благородна и находится в бодрствующем состоянии. Некоторым кажется, что это наставление и совет дают оправдание для более беззастенчивого употребления вина. На самом деле не так. Если кто-нибудь тщательно исследует это изречение, то увидит, что наставление предписывают скорее пост. Заметь, в самом деле, что Павел дал этот совет не сначала и не с первых шагов, а посоветовал тогда только, когда увидел, что все силы (у Тимофея) уже подорваны. И тогда он не просто посоветовал, а с некоторым предварительным ограничением; не просто сказал он: «вино употребляй», а: «немного вина»; не потому, что Тимофей нуждался в таком наставлении и совете, а потому, что мы нуждаемся. Написав послание ему, он ставит нам меру и пределы употребления вина, повелевая пить столько, сколько надо для того, чтобы восстановить ослабевшие силы, сколько требуется, чтобы доставить здоровье телу, а не новую еще болезнь, потому что неумеренное питье вина не меньше, чем и чрезвычайное употребление воды, даже гораздо больше причиняет тяжких болезней и душе и телу, производя борьбу страстей, внося в ум бурю нечистых помыслов, расслабляя и расшатывая силы тела. Не так разрушается земля, обременяемая постоянным обилием вод, как расшатывается, расслабляется и исчезает сила тела, постоянно затопляемая питьем вина. Будем поэтому избегать крайностей с той и другой

стороны, заботясь и о здоровье тела и сдерживая его необузданные порывы. Вино дано Богом не для того, чтобы мы упивались до пьяна, а чтобы были трезвыми, чтобы веселились, а не скорбели, ибо «вино», говорится, «веселит сердце человека» (Пс. 103:15), а ты делаешь его причиной печали. И действительно, чрезмерно упивающиеся бывают мрачны духом, так как над умом их разливается великий мрак. Наилучшее лекарство – когда ты соблюдаешь полнейшую умеренность. Это – полезная нам твердыня и против еретиков, клеветующих на создание Божье; потому что если бы вино было одним из запрещенных предметов, то Павел не позволил бы его, не сказал бы, что надо употреблять вино. Да не только против еретиков, а и против более простых из братьев наших, которые всякий раз, как видят, что некоторые вследствие пьянства ведут себя непристойно, забывая порицать этих последних, поносят данный Богом плод, говоря: да не будет вина! Скажем поэтому им: да не будет пьянства, потому что вино дело Божье, а пьянство – дело дьявола. На вино производит пьянство, а невоздержание производит пьянство. Не поноси творения Божия, а порицай безумие со-раба. А ты, оставив без наказания и исправления согрешающего, оскорбляешь Благодетеля?

5. Итак, когда услышим, что кто-нибудь говорит подобное, то заставим его молчать, потому что не пользование, а неумеренность производит пьянство, пьянство – корень всех зол. Вино дано для того, чтобы восстанавливать силы слабого тела, а не для того, чтобы разрушать силу души, чтобы устранять немощь плоти, а не вредить здоровью души. Не доставляй поэтому своим неумеренным пользованием даром Божиим поводов (к порицанию его) людям неразумным и бесстыдным. Что, в самом деле, достойно большего сожаления, чем пьянство? Пьяница живой мертвец; пьянство – демон самозванный, недуг, не имеющий прощения, падение, лишенное оправдания, общий позор рода нашего. Пьяница не только бесполезен в собраниях, не только в делах частных и общественных но и по одному просто виду противнее всех, дыша зловонием. Изрыгания, позевания и крики пьяных неприятны и противны, и тем, кто видит и присутствует вместе с ними, внушают крайнее отвращение. Но верх зла в том, что этот недуг делает для пьяницы недоступным небо, и не позволяет достичь вечных благ, так что вместе с позором здесь и там ожидает страдающих этим недугом тягчайшее наказание. Посему уничтожим эту дурную привычку и послушаемся слов Павла: «употребляй немного вина». Да и самое это употребление в небольшом количестве он позволил ради немощи, так что, если бы не было этой изнуряющей немощи, он не заставил бы ученика принимать и малого количества. Так и данные нам необходимые для жизни пищу и питье мы всегда должны измерять временем и необходимостью, никогда не переходить за пределы необходимости и ничего не делать безрассудно и беспорядочно. Теперь, когда мы узнали заботливость Павла и добродетель Тимофея, направим беседу на самое решение поставленных вопросов. В чем же эти вопросы? Необходимо повторить их снова, чтобы яснее было решение. Для чего (спрашивают), допустил Бог впасть в недуг такому святому и совершавшему столь великие дела, и почему ни сам он, ни учитель не могли устранить болезни, а возымили нужду в помощи вина? В этом состоял вопрос. Самое же решение нужно привести так, чтобы не только если бы кто-нибудь подвергся такой болезни и недугу, но и если бы кто-нибудь из людей святых, великих и достойных удивления подвергся бедности, голоду, узам, истязаниям, обидам, клеветам и всем вообще бедствиям настоящей жизни, то и относительно их в том, что будет сказано сегодня, можно было отыскать точную и яснейшую защиту против желающих обвинять (за это Бога). Вы ведь слышали, как многие спрашивают: почему, в самом деле, один, будучи человеком смиренным и кротким, каждый день привлекается в суд каким-нибудь преступником и злодеем, терпит множество бедствий, – и Бог допускает это? Почему другой, ложно обвиненный, умер несправедливо? Один, говорят, потоплен, другой низринут со скалы; и мы могли бы назвать многих святых, живших и в наше время и при наших предках, которые потерпели много разнообразных и разнородных мучений. Чтобы понять смысл всего этого, и ни самим не смущаться, ни других не допустить до соблазна, обратим тщательное внимание на то, что будет теперь сказано.

6. Я могу указать вашей любви восемь причин всякого рода и вида бедствий святых. Поэтому все усиленно напрягите ваше внимание, зная, что нам не будет уже никакого извинения и оправдания, если мы будем соблазняться приключаящимися бедствиями, если, при существовании стольких причин, станем смущаться и тревожиться, как будто бы (их) не было ни одной. Итак, первая состоит в том, что Бог попускает им терпеть беды, чтобы они вследствие величия своих заслуг и чудес не впадали скоро в гордость. Вторая в том, чтобы другие не думали о них больше, чем свойственно человеческой природе, и не полагали, будто они боги, а не люди. Третья, – чтобы сила Божия являлась могущественной, побеждающей и умножающей проповедь через людей слабых и связываемых узами. Четвертая, – чтобы яснее обнаружилось терпение их самих, как людей, которые служат Богу не из-за награды, а являют такое благомыслие, что и после великих бедствий обнаруживают чистую любовь к Нему. Пятая, – чтобы мы любуемудрствовали о воскресении. В самом деле, когда ты увидишь, что муж праведный, исполненный великой добродетели, терпит без конца бедствия, так и уходит из этого мира, то ты невольно вынужден будешь подумать о тамошнем суде, потому что если люди не дозволяют трудящимся за них уйти без награды и воздаяния, то гораздо больше Бог не захочет когда-нибудь отпустить не увенчанными тех, кто столько потрудился; а если Он никогда не захочет лишиться их воздаяния за труды их, то необходимо должно быть какое-нибудь время после здешней смерти, в которое они получают воздаяния за здешние труды. Шестая (причина) в том, чтобы все, подвергающиеся несчастиям, имели достаточное утешение и облегчение, взирая на них и помня о случившихся с ними бедствиях. Седьмая, чтобы, когда мы призываем вас (подражать) добродетели их и каждому из вас говорим: «подражай Павлу и соревнуй Петру», вы, по причине чрезмерной высоты заслуг, не подумали, что они были людьми иной природы, и не отказались боязливо от подражания. Восьмая, чтобы, когда нужно ублажать и сожалеть, мы знали, кого нужно почитать блаженным, а кого жалким и несчастными. Таковы причины. Но их все надо подтвердить из Писаний, и с точностью показать, что все сказанное не изобретение человеческих размышлений, а мысли божественных Писаний. Тогда и слово наше будет заслуживать большего доверия, и глубже западет в ваши души. Что скорби содействуют святым к тому, чтобы быть кроткими и смиренными, а не надмеваться от знамений и заслуг, и что поэтому Бог попустил быть им, послушай, как относительно этого самого говорят и пророк Давид и Павел. Первый говорит: «благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим» (Пс. 118:71), а второй, сказав, что восхищен был на третье небо и вознесен в рай, прибавил: «и чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился» (2 Кор. 12:7). Что яснее этого? «Чтобы я не превозносился», говорит он, – по причине этого Бог допустил ангелам сатаны мучить меня. Ангелами же сатаны он называет не каких-либо демонов, а людей, служащих дьяволу – неверных, тиранов, язычников, которые постоянно его теснили и постоянно гнали. В словах же его смысл такой: Бог, как бы так говорит он, мог прекратить непрерывные гонения и притеснения; но когда я восхищен был на третье небо и вознесен в рай, то, чтобы из-за чрезмерности этих откровений я не возгордился и не стал высокомерен, Бог допустил эти гонения и дозволил ангелам сатаны мучить меня гонениями и скорбями, чтобы я не превозносился. Хотя и святые и достойны удивления сподвижники Павла и Петра, и все, кто ни есть такие, но все-таки они люди и нуждаются в большой осторожности, чтобы не впасть легко в гордость. И святые больше всего (нуждаются в этом); потому что ничто так не влечет к гордости, как сознание заслуг и дерзновенная душа. Чтобы они не потерпели ничего подобного, Бог и попустил быть искушениям и скорбям, которые могли бы смирать их и побуждать во всем соблюдать меру.

7. А что бедствия святых много содействуют и к проявлению силы Божьей, об этом послушай у того же апостола, который сказал то раньше. Чтобы ты не говорил, как думают неверные, что Бог, допускающий эти бедствия, бессилен, и что, не имея власти избавить своих (читателей) от опасностей, попускает им постоянно бедствовать, посмотри, как показал Павел, что проис-

ходящее не только не свидетельствует о Его бессилии, но еще более являет всем Его силу. Сказав: «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня», и указав этими словами на непрерывные искушения, он присовокупил: «трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня; но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12:8–9). Тогда, говорит, обнаруживается Моя сила, когда вы в немощи, и через вас, когда вы кажетесь слабыми, растет и всюду распространяется слово проповеди. Так, когда после бесчисленных ударов он отведен был в темницу, то пленил темничного стража. В колоде были ноги, в цепях руки, но темница потряслась в полночь, когда воспели (апостолы).

Видишь ли, как сила Его в немощи совершается? Если бы Павел был свободен и поколебал темницу, то случившееся не было бы так удивительно. Поэтому Бог и говорит: оставайся в узах, и да потрясутся отовсюду стены, и да разрешатся от оков узники, чтобы больше видна была сила Моя, когда через тебя связанного и скованного, освобождаются все узники. И темничного стража поразило тогда именно то самое, что, будучи содержим так крепко, Павел одной только молитвой мог потрясти основания, растворить двери темницы и разрешить всех узников. Но не здесь только, а и с Петром и с самим Павлом, и с остальными апостолами, можно видеть, что постоянно случается это, что (т. е.) благодать Божия всегда обнаруживается в преследованиях, является в утеснениях и громко возвещает о своей силе. Поэтому Он говорил: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». А что многие склонны были бы часто предполагать о них (святых) больше, чем свойственно человеческой природе, если бы не видели их терпящими такие бедствия, послушай, как страшился этого Павел. «Если захочу», говорит он, «хвалиться, не буду неразумен, но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал обо мне более, нежели, сколько во мне видит или слышит от меня» (2 Кор. 12:6). Что значат его слова? Я мог бы, говорит он, указать на гораздо большие чудеса, но не хочу, чтобы величие знамений не внушило людям обо мне большого мнения. Поэтому и бывшие с Петром, когда исцелен был хромым и все с изумлением смотрели на них, успокаивая народ и убеждая, что они ничего не обнаружили сами от себя и своей силой, говорят: «что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит» (Деян. 3:12)? Опять и в Листрах были не только поражены, но и привели украшенных венками быков и хотели принести жертву Павлу с Варнавой. Заметь коварство дьявола: через кого Господь хотел искоренить во вселенной нечестие, через тех самых он старался ввести его, опять убеждая признавать людей богами, что он делал и в прежние времена. И это его дело больше всего дало начало и корень идолослужению, потому что многие и счастливо окончившие войны, и водрузившие трофеи, и построившие города и совершившие иные какие-нибудь подобного рода благодеяния для тогдашних людей признаны были богами, почтены храмами и алтарями, и весь список языческих богов состоит из этих людей.

Чтобы не случилось этого и со святыми, Бог попустил им быть постоянно гонимыми, принимать бичевания, подвергаться недугам, чтобы крайняя телесная немощь и обилие искушений убеждали живших тогда, что совершавшие столь великие чудеса были все же людьми и ничего не приносили сами от себя, а все совершала через них, одна лишь благодать. Ибо если, те сочли за богов людей, совершивших незначительные и ничтожные дела, то гораздо более заподозрили бы они этих, творивших такие дела, каких никто никогда не видал и не слышал, если бы последние не испытывали ничего, свойственного людям. Если, даже не смотря на то, что они подвергались бичеваниям, низвергались, заключались в узы, изгонялись, сталкивались каждый день с опасностями, некоторые все-таки впали в это нечестивое мнение, то гораздо больше они подумали бы, если бы те не терпели ничего, свойственного людям.

8. Такова третья причина бедствий. Четвертая же состоит в том, чтобы не думали люди, будто бы святые служат Богу по надежде на настоящее счастье. В самом деле, многие, живя распутно, будучи часто упрекаемы многими и призываемы к подвигам добродетели, и слыша о похвалах святым замужество в бедствиях, начинают на них клеветать по этому поводу. И

не только люди, а и сам дьявол заподозрил то же самое. В самом деле, когда Иов владел большим богатством и наслаждался полным изобилием, то злой тот демон, будучи за него упрекаем Богом, не имея ничего сказать, ни оправдаться в своих преступлениях, ни набросить сомнение на добродетели праведника, тотчас же прибегает к этой защите, говоря: «не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него» (Иов. 1:10). За награду, говорит он, – наслаждаясь таким изобилием, – он добродетелен. Что же Бог? Он, желая показать, что не за награду служат Ему святые, лишил его всего богатства, предал бедности и допустил подвергнуться тяжелой болезни. Затем, укоряя дьявола, что он напрасно заподозрил, говорит, что (Иов) «доселе тверд в своей непорочности; а ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его» (Иов. 2:3). Для святых достаточной наградой и воздаянием служит самое служение Богу, как и для любящего довольно и той награды, чтобы любить, кого любит, так что он и не ищет ничего сверх того, и не думает, чтобы что-нибудь было больше этого. Если же так бывает в отношении к человеку, то гораздо больше в отношении к Богу. Поэтому и Бог, желая показать это, дозволил больше, чем требовал дьявол. Тот говорит: «прости руку Твою и коснись» его (Иов. 2:5), а Бог не так, но говорит: «вот, он в руке твоей» (Иов. 2:6). Подобно тому, как на мирских состязаниях сильные и здоровые телом атлеты являются не тогда, когда бывают окутаны увлажненной маслом одеждой, а выступают на арену, сбросив ее, нагими, и тогда поражают зрителей полной соразмерностью всех членов, когда ничто уже не скрывает их тела; так и Иов: когда окружен был всем тем богатством, то для многих неизвестно было, каков он; когда же бросил его подобно тому, как атлет снимает одежду, и вышел нагим на подвиг благочестия, то в таком обнаженном виде, так поразил всех зрителей, что и само воинство ангельское, зревши это, громко воскликнуло, видя твердость души его, и рукоплескало победителю. Как я сейчас сказал, он не тогда виден был людям, когда владел всем тем богатством, а тогда, когда, сбросив его, подобно одежде, оказался нагим посреди вселенной, как бы в театре, и все были поражены хорошим состоянием души его; и не только благодаря этой нагоде он выказал себя, но благодаря также и борьбе и терпению в болезни.

Как я сказал раньше, его поразил не сам Бог, чтобы дьявол опять не сказал: «Ты пощадил и навел не такое искушение, какое нужно было бы», а отдал самому дьяволу и гибель стада и власть над телом. Я, говорит Он, уверен в борце; поэтому не препятствую употребить с ним, какие хочешь, приемы борьбы. Но подобно тому, как хорошие и вполне полагающиеся на свое искусство и крепость тела борцы часто вступают в борьбу с противниками не прямо стоя и не на равных условиях, а дозволяют им перехватить себя посередине, чтобы сделать более блистательную победу, так и Бог допустил дьяволу схватить святого посередине, чтобы, когда тот победит после такого преимущества борьбы (на стороне дьявола) и распрострет его на земли, был более блистательным венец. Золото испытано; как хочешь пытай его, как хочешь пробуй, ты не найдешь в нем грязи. Но (Бог) показывает нам не только мужество других, но и представляет еще иное великое утешение. Что, в самом деле, говорит Христос? «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так» творили и пророкам отцы их (Матф. 5:11–12). И Павел опять, желая утешить македонян, говорит: «ибо вы, братья, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев» (1 Фесс. 2:14). Точно также он увещевает и евреев, перечисляя всех праведников, (страдавших) в печах, ямах, в пустынях, горах, в пещерах, проводивших жизнь в голоде и тесноте (Евр. 11:38), потому что общение в страданиях доставляет некоторое утешение изгнанникам. А что страдания святых дают, опять, поводы говорить и о воскресении, послушай, как говорит об этом сам Павел: «по [рассуждению] человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают» (1 Кор. 15:32)? И еще: «если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15:19). Бесчисленные терпим мы бедствия в настоящей

жизни, говорит он; поэтому, если нельзя надеяться на другую жизнь, то кто был бы несчастнее нас?

9. Отсюда очевидно, что наша жизнь не ограничивается пределами настоящего существования. И это становится ясным из искушений. Никогда бы не потерпел Бог, чтобы претерпевшие столько великих бедствий и прошедшие всю настоящую жизнь в искушениях и бесчисленных опасностях не были вознаграждены гораздо большими дарами. Если же Он не потерпел бы (этого), то, очевидно, что Он уготовал некую иную, лучшую и более светлую жизнь, в которой Он должен увенчать борцов благочестия и прославить (их) перед взорами всей вселенной. Итак, когда ты увидишь, что праведник находится в нужде, терпит бедствия, подвергается недугу, бедности, и заключает настоящую жизнь множеством других бедствий, тогда скажи себе, что если бы не было воскресения и суда, то Бог не попустил бы потерпевшему за Него столько зол отойти отсюда, не испытав ничего хорошего. Очевидно отсюда, что Он уготовал им другую жизнь гораздо более приятную и счастливую, чем настоящая, потому что если бы было не так, то Он не дозволил бы многим нечестивым жить в роскоши в течение настоящей жизни, а многим праведникам не допустил бы оставаться в бесчисленных бедствиях. Но так как уготован иной век, в котором Он намерен воздать всякому по достоинству, одному – мзду нечестия, другому – мзду добродетели, то Он и терпит, видя, как один бедствует, а другой роскошествует. И другую причину постараюсь представить от Писаний. В чем же она заключается? В том, чтобы мы, будучи призываемы к той же самой добродетели, не говорили, что они (святые) имели иную природу, или что они не были людьми. Поэтому некто, говоря о великом Илие, сказал так: «Илия был человек, подобный нам» (Иак. 5:17). Видишь ли, что соучастием в страданиях апостол показывает, что он (Илия) был человеком, как и мы? И еще: «и я человек смертный, подобный всем» (Прем. 7:1), – и это ручается за общность природы. А чтобы ты знал, что страдания святых научают нас ублажать того, кого (именно) нужно ублажать, это ясно из следующего. Когда ты слышишь Павла, который говорит, что «даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся» (1 Кор. 4:11), и что «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12:6), то ясно, что мы будем восхвалять не тех, кто наслаждается спокойствием, а тех, которые терпят притеснения и скорби за Бога, и будем соревновать живущим добродетельно и заботящимся о благочестии. Так и пророк говорит: «которых десница – десница лжи, дочери наши – как искусно изваянные столпы в чертогах: плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших, волы наши тучны. Да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть» (Псал. 143:11–15). Ты же что говоришь, пророк? – «Блажен народ, у которого Господь есть Бог» (Псал. 143:15). Не того, кто обогащается имуществом, а того, кто украшается благочестием, говорит он, я считаю блаженным, хотя бы он терпел бесчисленные бедствия. Если же нужно назвать и девятую причину, то мы указали бы на то, что скорби делают более испытанными тех, кто подвергается им, ибо «от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает» (Римл. 5:3–5). Видишь ли, что искусство, являющееся из скорби, внушает нам надежду на будущее, и пребывание в искушениях заставляет нас иметь хорошие надежды на будущее? Таким образом, я не без основания говорил, что эти скорби утешают нас надеждами на воскресение и делают искушаемых лучшими: «золото испытывается в огне», так и человек принятый в «горниле уничижения» (Сирах. 2:5). Можно указать и десятую причину. Какую же именно? Ту самую, которую я называл уже часто и раньше, именно, – если у нас есть какие-нибудь пороки, то устраним здесь и их. И на это указывая, патриарх говорил богатому, что «Лазарь» воспринял свое «злое», почему «утешается» (Лук. 16:25). И кроме этой найдем опять иную причину. В чем же эта? В том, чтобы умножить нам венцы и награды, потому что в той мере, как возрастают скорби, умножаются и воздаяния, вернее же – гораздо больше, потому что «недостойны», говорит апостол, «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Римл.

8:18). Итак, имея возможность указать столько причин страдания святых, не будем ни роптать в искушениях, ни сомневаться, ни смущаться, а станем и сами воспитывать свои души, и других научать этому. И если ты увидишь человека, который живет добродетельно, стремится к любомудрию, угождает Богу, и затем терпит бесчисленные бедствия, то не соблазнься, возлюбленный! И если ты увидишь, что кто-нибудь приступает к духовным делам и думает достичь чего-нибудь полезного, затем терпит неудачу, то не смущайся. И я знаю, что многие спрашивают так: один, говорят, отправился в Мартирион ², чтобы доставить средства помощи бедным, но подвергся кораблекрушению и погубил все. Другой, опять, делая то же самое, попался разбойникам и едва спас свою жизнь, убежав от них нагим. Что же сказать нам? То, что не должно сетовать ни о чем этом, потому что хотя (тот человек) и подвергся крушению, однако он имеет совершенный плод правды, так как выполнил все свое: собрал имущество, сохранил, приступил к делу, отправился в путь, а кораблекрушение нисколько уже не зависело от его решения. Но для чего Бог допустил это? Для того, чтобы сделать этого человека испытанным. Но бедные, говорят, лишились денег? Не так ты заботишься о бедных, как создавший их Бог, потому что если они и лишились их, то Он может с другой стороны доставить им еще больший источник благосостояния.

10. Не будем, поэтому, требовать у Него отчета в происходящем, а прославим за все. Не без цели и не напрасно попускает Он часто подобное, но, не покидая заботой тех, кто должен бы получить утешение от этих денег, доставляя только им вместо того другой способ пропитания, Он делает и более искушенным потерпевшего крушение и большую награду приготовляет ему, потому что благодарить Бога, подвергшись таким бедам, составляет гораздо большую заслугу, чем давать милостыню.

В самом деле, не только то, что мы отдаем, творя милостыню, но и то, что мы мужественно переносим, когда у нас отнимают другие, приносит нам обильный плод. И чтобы ты знал, что последнее больше первого, я поясню это примером случившегося с Иовом. Последний, когда владел имуществом, отворял свой дом для бедных, отдавал все, что было; но он не был так славен тогда, когда отворял свой дом бедным, как тогда, когда, услышав, что дом обрушился, не отчаялся. Он не был так славен, когда, обстригая овец, одевал нагих, как был славен и знаменит, когда, услышав, что упал огонь и уничтожил все стада его, возблагодарил Бога. Тогда он был человеколюбив, теперь стал любомудр. Тогда он жалел бедных, теперь же благодарил Владыку. И он не сказал себе: что же это? Стада уничтожены, от которых питалось множество бедных; если уж я не достоин был наслаждаться этим богатством, то, по крайней мере, следовало бы пощадить ради тех, которые получали (от них) долю. Но ничего подобного он ни сказал, ни помыслил, а знал, что Бог все устраивает на пользу. И чтобы ты знал, что Иов нанес дьяволу более сильный удар именно тогда, когда, будучи лишен (всего), возблагодарил (Бога), чем когда, владея (имуществом), являл сострадание, поразмысли о том, что, когда он владел, дьявол мог высказать некоторое подозрение, хотя и ложное, он все же мог сказать: «разве даром Иов чтит Тебя?» – а после того, как у него взял все, лишил его всего, и Иов сохранил ту же самую любовь к Богу, тогда совершенно замкнулись бесстыдные уста, и дьявол не мог уже сказать ничего, потому что еще славнее, чем прежде, был праведник. Итак, будучи лишенным всего, мужественно и с благодарностью переносить (несчастье), как показано на примере этого праведника, – гораздо большая добродетель, чем, живя в богатстве, творить милостыню. Тогда у Иова было великое дружелюбие к со-рабам, теперь он показал великую любовь к Владыке. Не напрасно я распространяюсь об этом, а потому, что многие, творя милостыню, питая вдовиц, часто лишаются имения; другие теряют все благодаря приключившемуся пожару, иные подвергаются крушениям, еще иные, благодаря ложным обвинениям и подобным неправдам, после обильной милостыни доводятся до крайней бедности, до бессилия

---

² Μαρτύριον – этим именем назывался храм Спасителя в Иерусалиме.

и болезни, и ни от кого не получают никакой помощи. Итак, не станем говорить, как говорят многие: «никто ничего не знает», – всего сказанного достаточно, чтобы устранить такое смущение. Один, говорят, творя столько милостыни, потерял все. И что в том, что он все потерял? Если он возблагодарит за эту утрату, то приобретет у Бога гораздо большее благоволение и получит в будущей жизни не вдвое, как Иов, а во сто крат больше. Если же он бедственно страдает здесь, то именно это самое, т. е. что он все мужественно переносит, готовит ему большее сокровище, потому что, призывая его к большим подвигам и к более тяжелой борьбе, Бог допустил (ему) впасть из богатства в бедность. Случающийся пожар часто уничтожает твой дом и истребляет все имущество? Вспомни случившееся с Иовом, возблагодари Владыку, который мог воспрепятствовать и не воспрепятствовал, – и ты получишь такую же награду, какую получил бы, если бы все это отдал в руки бедных. Но ты влачишь жизнь в бедности и голоде и среди бесчисленных опасностей? Вспомни Лазаря, боровшегося и с болезнью, и с бедностью, и с лишениями; вспомни апостолов, которые проводили жизнь в голоде, и в жажде, и нагоде; вспомни пророков, патриархов, праведников, – и ты найдешь, что все они были не из числа богатых и наслаждавшихся жизнью, а из числа терпевших нужду, скорби и тесноту.

11. Слагая это в себе, возблагодари Владыку за то, что Он сподобил тебя такой участи, не по ненависти, а по сильной любви, потому что Он не попустил бы и тем потерпеть таких бедствий, если бы не сильно любил (их), ибо через эти бедствия Он сделал их более славными. Нет блага, равного благодарности как нет ничего хуже хулы. Не будем дивиться, что, прилежая к духовным делам, мы терпим много бедствий. Подобно тому, как разбойники делают подкопы и тщательно выслеживают не там, где сено, мякина и солома, а где золото и серебро, так и дьявол налегает больше всего на тех, кто занимается духовными делами. Там много козней, где добродетель; там зависть, где милостыня. Но у нас есть одно величайшее оружие, которое способно отразить все такие козни – благодарить за все это Бога. Авель, не тогда ли, как приобрел жертву от начатков пал от братней руки, скажи мне? И, однако, Бог попустил это, не по ненависти к почтившему, а по сильной любви и желая доставить ему, кроме венца за прекраснейшую ту жертву, другой венец – мученичества. Моисей захотел помочь несправедливо обижаемому, и подвергся крайней опасности, (так что) бежал из отечества. И Бог попустил это, чтобы ты знал терпение святых. В самом деле, если бы мы принялись за духовные дела, зная наперед, что не потерпим никакого несчастья, то при таком ручательстве в безопасности мы оказались бы не делающими ничего великого; теперь же делающие такие дела больше всего достойны удивления именно потому, что, предвидя и опасности, и лишения, и смерть, и бесчисленные бедствия, все-таки не отстают от таких подвигов и не становятся недейтельными из опасения страданий. Поэтому, как три отрока говорили: «есть Бог» на небе «силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся» (Дан. 3:17–18), так и ты, когда должен совершать что-нибудь, подобающее Богу, предусматривай много опасностей, много лишения, много смертей, и ни изумляйся, ни смущайся, когда это случается. «Сын мой», говорит мудрый, «если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению» (Сирах. 2:1). Никто, решаясь состязаться, не ожидает стяжать венка без ран; поэтому и ты, начав всеми силами бороться с дьяволом, не гонись за безопасной и полной приятностей жизнью, потому что не здесь Бог обещал тебе воздаяния и обетования, а все славное в будущем веке. Поэтому, когда ты или сам, сделав что-нибудь доброе, получишь неприятности, или увидишь, что другой потерпел это, то веселись и радуйся, потому что это служит тебе к большему воздаянию. Не падай духом, не бросай усердия, не становись ленивым, а – напротив – прилагай еще большее рвение. И апостолы, когда проповедовали, то, подвергаясь бичеваниям, побиванию камнями, постоянно обитая в темницах, не только после избавления от опасностей, а и в самых опасностях возвещали проповедь истины с большим рвением. И можно видеть, как Павел в самой темнице, в самых узах обучает, наставляет тайным, и на суде, опять, делает

то же самое, и во время крушения, и в бурю, и среди множества опасностей. И ты соревнуй этим святым, – пока в силах, не отказывайся от добрых дел, и хотя бы видел, что бесконечное число раз прерывает тебя дьявол, никогда не отставай. Ты, перенося деньги, подвергся, может быть, крушению; а Павел, неся то, что дороже было всяких денег, – слово, отправился в Рим, подвергся крушению и потерпел множество бедствий. И это он сам выразил, говоря: много раз «хотел» прийти к вам, но «воспрепятствовал нам сатана» (1 Фесс. 2:18). И Бог попускал это, с избытком, проявляя Свою силу и показывая, что хотя бы дьявол представлял бесчисленные препятствия, дело проповеди нисколько от этого не терпело ущерба и не прекращалось. Поэтому-то Павел за все благодарит Бога, зная, что через это Он делал его более славным, и во всем обнаруживал великую силу своей ревности, не будучи удерживаем никакими препятствиями. Поэтому и мы, сколько бы раз ни постигла нас неудача, всякий раз будем приступать к духовным делам, и не будем говорить: для чего допустил Бог препятствия? Потому и допустил Он, чтобы ты больше показал свою ревность многим и великую любовь, так как любящему больше всего свойственно никогда не отказываться от того, что нравится любимому. Слабый и малодушный падает духом тотчас же при первом ударе, а сильный и бодрый, хотя бы без конца встречал преграды, тем более будет прилежать к делам Божиим, исполняя все, что ему следует, и благодаря за все. Сделаем же это и мы. Благодарность – великое сокровище, великое богатство, непобедимое благо, крепкое оружие, равно как хула усиливает настоящую уже потерю и заставляешь нас лишиться еще больше сверх того, что мы уже потеряли. Ты лишился имущества? Если ты будешь благодарить, то ты приобрел душу и овладел большим сокровищем, снискав у Бога большее благоволение. Если же ты будешь хулить, то потерял и свое спасение, и того не возвратил, и душу, которую имел, и ту убил.

12. Но раз у нас зашла теперь речь о хуле, то я хочу просить всех вас об одной услуге, взамен этой речи и рассуждения, – именно, чтобы вы унимали в городе тех, кто богохульствует. Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулить Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет ударить его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом; и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди. И если судья перед судилищем потребует ответа, смело скажи, что он похулил Царя ангелов, ибо если следует наказывать хулящих земного царя, то гораздо больше оскорбляющих Того (Царя). Преступление – одного рода, публичное оскорбление, обвинителем может быть всякий, кто хочет. Пусть узнают и иудеи и эллины, что христиане – хранители, защитники, правители и учителя города; и пусть то же самое узнают распутники и развратники, что – именно – им следует бояться рабов Божьих, дабы, если и захотят когда сказать что-либо подобное, оглядывались всюду кругом и трепетали даже теней, опасаясь, как бы христианин не подслушал, не напал и сильно не побил. Ты слышал, что сделал Иоанн? Он увидел тирана, ниспровергающего брачные законы, и смело посреди площади заговорил: «не должно тебе иметь жену брата твоего» (Марк. 6:18). А я привел тебя не к тирану, не к судье, и не за противозаконные браки, не за оскорбляемых со-рабов, а достаиваю тебя исправлять равного за бесчинное оскорбление Владыки. Не правда ли, ты счел бы меня сумасшедшим, если бы я сказал тебе: наказывай и исправляй царей и судей, поступающих противозаконно? И, однако, Иоанн сделал это; следовательно, это не свыше наших сил. Теперь же исправляй, по крайней мере, хоть со-раба, хоть равного себе, и если даже надо будет умереть, не переставай вразумлять брата. Это будет для тебя мученичеством. И Иоанн ведь был мучеником. Ему не приказывали ни принести жертвы, ни поклониться идолу, но он сложил голову за святые законы, когда они подвергались поруганию. Так и ты до смерти борись за истину, и Господь будет поборать за тебя. И не говори мне таких бессердечных слов: что мне заботиться? У меня нет с ним ничего общего. У нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми же людьми мы имеем много общего. Они имеют одну и ту же с нами природу, населяют одну и ту же землю, питаются одной и той же пищей, имеют одного и того же Владыку, получили одни и те же законы, призываются к тому же самому добру, как и мы. Не будем, поэтому,

говорить, что у нас с ними нет ничего общего, потому что это голос сатанинский, дьявольское бесчеловечие. Не станем же говорить этого, а покажем подобающую братьям заботливость. А я обещаю со всей уверенностью и ручаюсь всем вам, что если все вы, присутствующие здесь, захотите разделить между собой заботу о спасении обитающих в городе, то последний скоро исправится весь. И хотя здесь малейшая часть города, но малейшая по количеству, а по благочестию главная. Разделим между собой заботу о спасении наших братьев. Достаточно одного человека, воспламененного ревностью, чтобы исправить весь народ. А когда на лицо не один, и не два, и не три, а такое множество могущих принять на себя заботу о нерадивых, то не по чему иному, как по нашей лишь беспечности, а отнюдь не слабости, многие погибают и падают духом. Не безрассудно ли, в самом деле, что если мы увидим драку на площади, то бежим и мирим дерущихся; да, что говорю я – драку? Если увидим, что упал осел, то все спешим протянуть руку и поставить его на ноги; а о гибнущих братьях не заботимся? Богохульник – тот же осел, не вынесший тяжести гнева и упавший. Подойди же и подними его и словом и делом, и кротостью и силой; пусть разнообразно будет лекарство. И если мы устроим так свои дела, будем искать спасения и ближних, то вскоре станем желанными и любимыми и для самих тех, кто получает исправление. И – что всего важнее – мы насладимся предстоящими благами, которые все мы да достигнем благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ БЕСЕДА ВТОРАЯ, произнесенная в Антиохии, в церкви, так называемой, старой, когда он был пресвитером – о бедствии, постигшем город, по случаю низвержения статуи благочестивого царя Феодосия Великого, на слова апостола: «богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали» (1 Тим 6:17), и против любостыжания

Что мне сказать, и о чем говорить? Теперь время слез, а не слов; рыданий, а не речей; молитвы, а не проповеди. Так тяжко преступление, так неизлечима рана, так велика язва: она выше всякого врачевства и требует высшей помощи. Так и Иов, лишившись всего, сидел на гноище, и, услышав об этом, друзья пришли и, увидев его издали, разодрали одежды, посыпали себя пеплом и сильно восстенали. То же и теперь надлежало бы сделать всем окрестным городам, – придти к вашему городу и с полным участием оплакать случившееся. Тогда Иов сидел на гноище; ныне наш город сидит в великой сети. Тогда дьявол напал на стада, на рогатый скот и на все достояние праведника: теперь он излил свое неистовство на целый город. Впрочем, и тогда и теперь попустил это Бог: тогда для того, чтобы тяжкими испытаниями более прославить праведника; теперь для того, чтобы этим чрезмерным бедствием сделать нас более смиренными. Дайте мне оплакать настоящее. Семь дней молчал я, как друзья Иова: дайте мне теперь открыть уста и оплакать это общее бедствие. Кто пожелал зла нам, возлюбленные? Кто позавидовал нам? Откуда такая перемена? Ничего не было славнее нашего города; теперь ничего не стало жальче его. Народ, столь тихий и кроткий и, подобно ручному и смирному коню, всегда покорный рукам правителей, теперь вдруг рассвирепел и натворил таких бедствий, о которых и говорить непристойно. Плачу и рыдаю теперь – не о великости угрожающего наказания, а о крайнем безрассудстве сделанного. Если царь и не оскорбится, и не разгневается, не накажет нас и не предаст мучениям: то, скажи мне, как мы перенесем стыд от наших дел? От плача прерывается моя беседа; едва могу открыть уста, двигать языком и произносить слова: тяжкая печаль, как узда, удерживает мой язык и останавливает слова. Ничего не было прежде счастливее нашего города; теперь нет ничего горестнее его. Жители его, как пчелы, жужжащие около

улья, каждый день толпились на площади, и все доселе почитали нас счастливыми за такое многолюдство. Но вот теперь этот улей опустел; потому что, как пчел (разгоняет) дым, так и нас разгоняет страх. И что сказал пророк, оплакивая Иерусалим, то же и нам прилично сказать теперь: город наш стал, «как дуб, которого лист опал, и как сад, в котором нет воды» (Ис. 1:30). В неорошаемом саду торчат деревья без листьев и плодов; таков стал теперь и наш город: как оставила его помощь Всевышнего, он опустел и лишился почти всех жителей. Нет ничего любезнее родины; но теперь нет ничего горестнее ее. Все бегут из родного города, как из сети; оставляют его, как пропасть, выскакивают, как из огня. Как от дома, объятого пламенем, с великой поспешностью бегут не только живущие в нем, но и все соседи, стараясь спасти хоть нагое тело; так и теперь, когда гнев царя, подобно огню, угрожает упасть сверху, каждый спешит удалиться и спасти хоть нагое тело, прежде чем этот огонь, идя своим путем, не дойдет и до него. Наше бедствие стало загадкой: без врагов бегство; без сражения переселение; без пленения плен! Не видали мы огня варварского; не видали и лица врагов: а терпим то же, что плененные. Все знают теперь о нашем бедствии, потому что, принимая к себе наших беглецов, слышат от них о поражении нашего города.

2. Но я не стыжусь этого и не краснею. Пусть знают все о злополучии нашего города, для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общий от всей земли голос к Богу и единодушно умолили Царя небесного о спасении общей всем им матери и питательницы. Недавно наш город подвергся землетрясению, а теперь сотрясаются самые души жителей; тогда колебались основания домов, теперь содрогается у каждого самое основание сердца. Все мы каждый день видим смерть перед глазами, живем в непрестанном страхе и терпим наказание Каиново, страдая более, нежели заключенные в темнице, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснее которой и вообразить нельзя. Выдерживающие осаду от врагов бывают заключены только внутри городских стен, а для нас и площадь сделалась недоступной и каждый заключен в стенах своего дома. И как для осажденных не безопасно выйти за городскую стену, по причине окружающих ее врагов; так для многих из жителей нашего города не безопасно выйти из дома и явиться на площади, потому что везде ловят виновных и невинных хватают среди площади и влекут в суд без всякого разбора. Поэтому господа, вместе со слугами своими, сидят в домах своих, как связанные. Кто схвачен? Кто посажен в темницу? Кто сегодня наказан? Как и каким образом? Вот о чем только и выведывают и спрашивают они у всякого, у кого только можно узнать безопасно. Они влачат жизнь, которая жалче всякой смерти: принуждены каждый день оплакивать чужие бедствия, трепещут за собственную безопасность и ничем не лучше мертвых, потому что сами давно умерли от страха. А если бы кто, не имея этого страха и беспокойства, и захотел выйти на площадь, то печальный вид ее тотчас прогнал бы его домой: он увидел бы, что там, где за несколько дней перед тем людей было более, нежели волн в реке, бродит один, много два человека, и то с поникшим лицом и в глубоком унынии. Теперь все прежнее многолюдство исчезло. Неприятен вид леса, в котором вырублено множество деревьев, или – вид головы, во многих местах лишенной волос: так и наш город, когда меньше стало в нем людей и только немногие появляются там и здесь, сделался скучным и на всех, кто ни посмотрит на него, наводит густую мглу скорби. И не только город, – самый воздух и даже светлый круг солнца, кажется, теперь помрачился скорбью и сделался темнее, не потому, чтобы изменилось свойство стихий, но потому, что наши глаза, омраченные мглой печали, не могут ясно и с прежней легкостью принимать свет солнечных лучей. Теперь сбылось, что некогда оплакивал пророк: «зайдет» для них «солнце в полдень и омрачится земля среди светлого дня» (Ам. 8:9). А это сказал он не потому, чтобы в самом деле скрылось солнце и померк день, но потому, что скорбящие, по причине мрака печали, не могут видеть света даже в полдень. Что и случилось теперь: куда бы кто ни посмотрел, на землю ли, на стены ли, на столпы ли города, или на своих ближних, везде он, кажется, видит ночь и глубокий мрак. Так все исполнено печали! Везде страшное безмолвие и пустота; исчез приятный шум многолюдства; город так безмол-

вен, как будто все жители его скрылись под землей; все стали похожи на камни; уста, связанные бедствием, как оковами, хранят такую глубокую тишину, как будто напали враги и сразу истребили всех огнем и мечем. Прилично теперь сказать: «позовите плакальщиц, чтобы они пришли, и к женам» мудрым и поднимут плач о нас (Иер.9:17). Пусть очи ваши источат воду, и ресницы ваши прольют слезы. Плачьте холмы, и рыдайте горы. Призовем всю тварь сострадать нашим бедствиям. Город столь великий, глава восточных городов, находится в опасности быть изглаженным с лица вселенной; имевший много чад, теперь вдруг сделался бесчадным и некому помочь, потому что оскорблен тот, кому нет равного на земле; он – царь, вождь и глава всех живущих на земле. И потому прибегнем к Царю небесному; Его призовем на помощь: если не получим милости свыше, то нам не останется никакого утешения в бедствии.

3. Я хотел было на этом и окончить слово, потому что души скорбящие не любят продолжительных речей. Как черная туча, став на пути солнечных лучей, преграждает весь блеск их, так и облако печали, когда станет перед нашей душой, не дает свободного прохода слову, но подавляет его и с великим насилием удерживает внутри. И это бывает не только с проповедниками, но и со слушателями, потому что печаль как не позволяет слову свободно изливаться из души говорящего, так не дает ему упасть, со свойственной ему силой, и на сердца слушателей. И иудеи, удрученные «глиной и кирпичами» (Исх. 1:14), не могли слушать Моисея, когда он часто и много говорил им об их избавлении (Исх. 6:9), потому что печаль преграждала слову путь к их душе и закрывала у них слух. Поэтому и я хотел окончить здесь слово: но подумал, что облако не всегда только пресекает путь солнечным лучам, а часто и само подвергается от него действию, так как солнце, постоянно усиливающейся теплотой своей, разрежая облако, часто разрывает его в самой середине, и тогда, вдруг просияв, во всем свете предстает перед нашими взорами. Это же и я надеюсь сделать сегодня; надеюсь, что слово, постоянно действуя на ваши души и долго пребывая в них, расторгнет облако печали и осветит ваши мысли обычным наставлением. Предайте же мне ваши души, приклоните на некоторое время ваш слух; отбросьте печаль; возвратимся к прежнему обычаю; и как привыкли мы всегда быть здесь с благодушием, так сделаем и теперь, возложив все на Бога. Это послужит нам и к прекращению бедствия, потому что когда Он увидит, что мы со вниманием слушаем Его слово и в самое бедственное время не оставляем любопытствия, то скоро подаст нам помощь, совершит благоую перемену и утишит настоящую бурю.

Христианин должен и тем отличаться от неверных, чтобы все переносить благодушно, и, окрыляясь надеждой на будущее воспарять на высоту, недостижимую для человеческих бедствий. На скале стоит верный, и потому не доступен ударам волн. Пусть воздымаются волны испытаний: они не достигнут до его ног; он стоит выше всякого такого навета. Не упадем же духом, возлюбленные! Не столько мы сами заботимся о своем спасении, сколько сотворивший нас Бог; не столько мы печемся, чтобы не потерпеть какого-либо бедствия, сколько Тот, кто даровал нам душу, и затем еще дает такое множество благ. Окрылим себя такой надеждой, и с обычной ревностью выслушаем что будет сказано. Недавно предлагал я вашей любви пространную беседу [Разумеется 1-я беседа, произнесенная еще до мятежа в Антиохии.], – и видел, что все следовали за мной и никто не воротился с половины дороги. Благодарю вас за такое усердие; в нем получил я награду за труды. Но тогда же просил я у вас еще и другой награды; вы, думаю, знаете это и помните. Какой же награды? – Наказать и вразумить богохульников, находящихся в нашем городе, обуздать оскорбляющих Бога и бесчинствующих. Не думаю, чтобы я сказал тогда это от себя; но сам Бог, предвидящий будущее, вложил в мою душу такие слова, и если бы мы наказали тех, которые так дерзко поступали, – теперь не случилось бы того, что случилось. Если уже надобно было подвергаться опасности, то не лучше ли было потерпеть что-нибудь, вразумляя и обуздывая этих людей (что принесло бы нам и венец мученичества), – нежели теперь бояться, трепетать и ожидать смерти из-за их бесчинства? Вот преступление сделано немногими, а вина пала на всех. Вот все мы из-за них теперь в страхе, и за

причиненное ими буйство сами терпим наказания. Но если бы мы предварительно изгнали их из города, или вразумили и исцелили больной член, то не подвергались бы настоящему страху. Знаю, что жители нашего города издавна отличаются благородным нравом, и что некоторые только пришельцы и бродяги, нечестивцы и злодеи, отчаявшиеся в своем спасении, решились на такую дерзость. Поэтому я непрестанно взывал к вам и настаивал; укротим неистовство богохульников, образумим их, позаботимся об их спасении, хотя бы это стоило нам жизни; великую награду принесет нам такой подвиг; не допустим, чтобы нанесено было оскорбление общему Владыке; городу приключится великое несчастье, если мы оставим это без внимания.

4. Так я предсказывал, так и случилось теперь, и мы за эту беспечность терпим наказание. Ты не обратил внимания на то, что оскорбляешь Бога, – и вот Он попустил, чтобы нанесено было оскорбление царю, и чтобы всем нам угрожала крайняя опасность, и, таким образом, в настоящем страхе мы получили наказание за свое нерадение. Неужели напрасно и без причины я предсказывал и постоянно тревожил вашу любовь? И, однако же, успеха не было. По крайней мере, теперь пусть будет иначе: умудрившись настоящим бедствием, обуздаем бесчинную наглость этих людей, заградим им уста, заключим, как смертоносные источники, и обратим в противную сторону: тогда прекратятся бедствия, постигшие город.

Церковь – не зрелище, чтобы в ней слушать нам для одного удовольствия; из нее выходить должно с назиданием, с каким-нибудь важным приобретением; вот как должно выходить отсюда! Напрасно и попусту приходим сюда, если только на время получив наставление, выйдем без всякой от него пользы. Что мне за польза от этих рукоплесканий? Что – в похвалах и кликах? Для меня будет похвалой то, если вы своими делами оправдаете все мои слова. Тогда я счастлив и блажен, когда вы с полным усердием будете не принимать только, но исполнять все, что услышите от меня. Пусть каждый исправляет своего ближнего, потому что сказано: «назидайте» друг друга (1 Фессал. 5:11). Если же мы не станем делать этого, то преступление каждого будет наносить общий и тяжкий вред всему городу. Вот и теперь, хотя мы и не принимали участия в преступлении дерзких людей, однако же, не менее их поражены страхом, и трепещем, чтобы всех нас не постиг гнев царя. И нам нельзя сказать в извинение: я не был при этом, не знал, не участвовал. За это-то самое, говорят, ты и должен быть наказан и осужден по всей строгости, что ты не был при том, не воспрепятствовал, не удержал бесчинных, не подверг себя опасности за честь царя. Ты не участвовал в дерзости виновных? – Хвалю это и одобряю; но ты не воспрепятствовал тому, что случилось, а это достойно осуждения. Такие же слова мы услышим и от Бога, если будем молчать в то время, когда против Него раздаются хулы и поношения. Закопавший талант (Матф. 25:25–30) осужден не за то, что умалил его, потому что он возвратил вверенные деньги в целостности, а за то, что не увеличил его, – не научил других; что не отдал серебра купцам, т. е. не наставил, не посоветовал, не удержал, не исправил своих ближних, – бесчинных грешников: вот за что он без всякой пощады предан тяжкому наказанию! Но если не прежде, то, по крайней мере, теперь вы позаботитесь – я твердо уверен – о таком исправлении, и не допустите, чтобы Бог подвергнулся оскорблению. Если бы к этому и никто не убеждал, то уже случившееся достаточно может убедить самых бесчувственных позаботиться о своем спасении. Но уже время мне предложить вам обычную трапезу из слов Павла; и мы возьмем и предложим всем ныне вычитанное изречение. Что же сегодня было читано? «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе» (1 Тим. 6:17). Сказав: «богатых в настоящем веке», он показал, что есть и другие богатые – будущего века. Таков был Лазарь, нищий в настоящей жизни, и богатый в будущей, – богатый не золотом, серебром и тому подобными гибнущими и преходящими вещами, но теми неизреченными благами, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1 Кор. 2:9).

В самом деле, истинное богатство и изобилие состоит в благах совершенных и неподверженных никакой перемене. Но не так был богат презревший Лазаря: напротив, он стал беднее всех, так что впоследствии просил капли воды, но и ее не мог получить: до такого крайнего

дошел убожества! Апостол для того назвал их богатыми в «нынешнем веке», чтобы ты знал, что здешнее изобилие оканчивается с настоящей жизнью и не простирается далее, не переходит в другую жизнь вместе со своими обладателями, но часто оставляет их еще прежде смерти. На это самое и он указывает, говоря: «уповали не на богатство неверное» (1 Тим. 6:17). Подлинно, – как уже часто говорил я и не перестану говорить, – нет ничего столь ненадежного, как богатство: это – беглец неблагодарный, раб неверный; наложи на него тысячу цепей, – он уйдет и с цепями. Владельцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли к нему стражу из рабов; но оно, обольстив самых рабов, убегало вместе со своими стражами, увлекая их с собой, как цепь, и таким образом самая стража ни к чему не служила. Что же может быть ненадежнее богатства? Что жальче тех, которые так заботятся о нем? Они всеми силами стараются собирать то, что так скоро гибнет и исчезает, и не слушают, что говорит пророк: горе «надеющимся на силы свои и хвальщимся множеством богатства своего» (Псал. 48:7). Почему же, скажи, горе? «Суетится, собирает», говорит он, «и не знает, кому достанется то» (Псал. 38:7): труд несомненен, а наслаждение ненадежно. Часто ты трудишься и мучишь себя для врагов; часто, после твоей смерти, твое достояние переходит к тем, которые наносили тебе обиды и строили тысячи козней, и вот тебе достались одни грехи, а наслаждение другим!

5. Но надобно рассмотреть и то, почему апостол не сказал: «богатым в нынешнем веке» заповедуй не обогащаться, заповедуй обнищать, заповедуй растратить имение, а сказал: «увещевай, чтобы они не высоко думали о себе». Знал он, что гордость есть корень и основание богатства, и что, кто умеет жить скромно, тот не станет много заботиться о богатстве. И для чего, скажи мне, ты окружаешь себя множеством рабов, тунеядцев, ласкателей и всеми другими знаками пышности? Конечно, не по нужде, а по одной гордости, чтобы через это показаться важнее других людей. Кроме того (апостол) знал, что богатство не запрещено, если кто употребляет его для своих нужд. Не вино зло, как уже говорил я, а пьянство: так точно не богатство – зло, а любостыжание и сребролюбие. Иное дело сребролюбец, и иное – богач. Сребролюбец не есть богач; сребролюбец во многом нуждается, а нуждающийся во многом никогда не может быть богатым. Сребролюбец есть страж своего имения, а не владелец; раб, а не господин. Для него легче отдать кому-либо часть своего тела, нежели уделить сколько-нибудь из закопанного золота. Он с такой заботливостью хранит свое сокровище, как будто ему строго запретил кто даже дотрагиваться до этого клада, и бережет свое, как чужое. И в самом деле, это – чужое; потому что как может он считать своим то, чего никак не решится разделить с другими и дать бедным, хотя бы потерпел тысячу наказаний? Какой же это владелец имущества, когда не употребляет его и не пользуется им? К тому же, апостол не всем все заповедует, но снисходит к немощи слушателей, как и Христос делал. Тому богачу, который пришел и беседовал с Ним о жизни вечной, не сказал Он: «иди, продай имение твое» (Матф. 19:21); но, оставив это, говорил ему о других заповедях. Потом, когда тот спросил Его: «чего еще недостает мне» (Матф. 19:20), и тогда не просто сказал: «продай имение твое», но – «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое»: предоставляю это твоему произволению, даю тебе власть самому решить, не ставлю тебя в необходимость. Поэтому и Павел говорил богачам не о бедности, но о смиренномудрии, – как по немощи слушателей, так и потому, что знал совершенно, что скромность скоро заставит их отказаться от гордости и заботы о богатстве. Заповедав не высокоумудрствовать, он научил и тому, каким образом могут они не высокоумудрствовать. Каким же это образом? – Если узнают свойство богатства, – как оно ненадежно и неверно. Поэтому он и сказал далее: «и уповали не на богатство неверное» (1 Тим. 6:17). Богат не тот, кто приобрел много, но тот, кто много роздал. Авраам был богат, но не был сребролюбив; потому что не заглядывал в чужой дом, не любопытствовал о чужом имении, но, выходя (из своего дома), смотрел, нет ли где странника, нет ли где нищего, чтобы помочь нищете и принять путника. Не под золотым кровом жил он, но, поставив кущу у дуба, довольствовался тенью листьев: и жилище его было столь великолепно, что даже ангелы не стыдились остановиться у него,

потому что искали не дома великолепного, но души добродетельной. Будем, возлюбленные, и мы подражать Аврааму, и разделим, что есть у нас, с бедными. Жилище у него было самое простое, но оно сделалось блистательней царских дворцов.

Ни один царь никогда не принимал у себя ангелов, а он удостоился такой чести, сидя под дубом и поставив кущу: не за простоту жилища он был почтен, но получил такой дар за красоту души и за сокровище в ней богатство. Будем же и мы украшать не дома, но, прежде домов, души свои. Да и как не стыдно украшать мрамором стены без нужды и без пользы, и допускать, чтобы Христос ходил среди нас без одежды! Что тебе, человек, в доме? Умирая, разве ты возьмешь его с собой? Нет, не возьмешь; а душу непременно возьмешь. Вот теперь постигла нас такая опасность: пусть же помогут нам дома, пусть избавят нас от грозящей опасности: но они не могут сделать этого! Свидетели тому вы, которые совсем оставляете их и убегаете в пустыню, страшаетесь их, как сетей и западни. Пусть помогают теперь деньги: но они ничего не значат. Если же деньги бессильны и против гнева человеческого, то тем более на божественном и неподкупном суде. Если теперь, когда мы оскорбили и разгневали человека, золото нисколько не помогает нам, то тем более бессильно будет оно, когда разгневается Бог, не имеющий нужды в деньгах. Мы строим дома, чтобы в них жить, а не тщеславиться ими. Все, что сверх нужды, излишне и бесполезно. Надень обувь, которая больше ноги, и она обеспокоит тебя, потому что будет препятствовать тебе идти: так и дом, более обширный, чем нужно, препятствует идти к небу. Ты хочешь строить великолепные, обширные дома? Не запрещаю, только строй не на земле; построй обители на небесах, в которых бы мог ты и других принять, – обители, которые никогда не разрушатся. Почему ты с таким неистовством гонишься за тем, что убегает и остается здесь? Нет ничего обманчивее богатства; оно сегодня с тобой, а завтра против тебя; оно со всех сторон вооружает против тебя завистливые глаза; это неприятель, живущий под одним с тобой кровом; это враг домашний. Свидетели этому вы, которые владеете им и всячески зарываєте и скрываете его: и ныне именно богатство и увеличивает для нас тяжесть бедствия. Ты видишь, как легки, ничем не связаны и на все готовы бедные, и как, напротив, богатые испытывают множество затруднений, ходят туда и сюда, и ищут, где бы скрыть свое золото, ищут, у кого бы его положить. Зачем ищешь, человек, подобных тебе рабов? Вот Христос готов принять и сохранить, что ты ни веришь Ему, и не только сохранить, но и умножить и возвратить с большей прибылью! Из Его руки никто не похитит; Он не только сберегает вверенное Ему, но и освобождает тебя от неразлучных с этим беспокойств. Люди, приняв на сохранение наше богатство, думают, что оказали нам услугу, если сберегают принятое: Христос, напротив, говорит, что когда принял Он от тебя богатство, то не Он тебе, но ты Ему оказал услугу, и за свою заботливость, с какой Он сохраняет твоё сокровище, не требует от тебя награды, но сам награждает тебя.

6. Итак, какого заслуживаем мы извинения, какого прощения, когда оставляем Того, Кто и может сохранить наше достояние, и за сохранение умеет быть благодарным, и воздает неизреченные и великие награды; а вручаем свою собственность слабым блюстителем, – людям, которые думают, что этим оказывают нам услугу, и возвращают нам впоследствии только то, что получили от нас? Ты здесь странник и пришелец; твоё отечество на небесах: переложить туда все, чтобы еще прежде тамошнего наслаждения и здесь получить награду. Кто питается благими надеждами и с уверенностью ожидает будущего, тот уже и здесь вкусил царства (небесного); потому что ничто столько не услаждает и не усовершенствует душу, как благая надежда на будущее, – если, т. е. туда переложить ты своё богатство и с надлежащим усердием позаботишься о собственной душе. Заботящиеся только об украшении своего дома, богатые только внешними благами, не радят о внутренних благах и не обращают внимания на то, что душа их пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрев внешнее, они всю свою заботливость обратят на душу свою и будут украшать ее со всех сторон: душа таких людей делается жилищем Христовым. А что может быть блаженнее того, в ком живет Христос? Хочешь ли быть

богатым? Найди себе друга в Боге, и будешь богаче всех. Хочешь быть богатым? Не будь высокомерен; это полезно для жизни не только будущей, но и настоящей. Ничто так не возбуждает зависти, как человек богатый; а если еще присоединится гордость, то двойная пропасть открывается перед ним, и все объявляют ему жесточайшую войну. Если же ты сумеешь вести себя скромно, то своим смиренномудрием отнимешь силу у зависти, и безопасно будешь владеть своим имением. Таково свойство добродетели, что она не только полезна нам для будущего, но и здесь доставляет уже награду. Не будем же гордиться богатством и ничем другим. Если падает и погибает надмевающийся духовными совершенствами, то тем более – телесными. Подумаем о своей природе, поразмыслим о своих грехах, познаем, кто мы, и это будет для нас достаточным побуждением к смиренномудрию. Не говори мне: «у меня лежат доходы, собранные во столько-то и столько лет, – тысячи талантов золота, прибыли, возрастающие с каждым днем».

Все, что ты не скажешь, скажешь напрасно и попусту. Часто все это улетает из дому в один час и в краткое мгновение времени, подобно тому, как легкий прах поднимается вверх от дуновения ветра. Таких примеров полна жизнь ваша, и Писание наполнено учением об этом. Сегодня богат, завтра беден. Поэтому я часто смеялся, читая в завещаниях: «такой-то пусть владеет полями, или домом, а другой пусть ими пользуется». Все мы пользуемся, а владеть никто не может; потому что если бы богатство и оставалось при нас во всю жизнь, не испытав никакой перемены, то при смерти, волей или неволей, мы уступим его другим, и таким образом только попользовавшись им, отойдем в ту жизнь, потеряв над ним всякую власть. Отсюда видно, что только те владеют богатством, которые и употреблением его не дорожат и наслаждение им презирают. Кто отказался от своего имущества и роздал его нищим, тот воспользовался им, как должно, и сохранит власть над ним при переходе и в другую жизнь; и не только не лишится своего стяжания во время самой смерти, но все, и даже гораздо больше получит тогда, когда особенно нужна будет помощь – в день суда, когда все мы должны будем дать отчет в своих делах. Итак, кто хочет и приобрести богатство, и пользоваться и владеть им, тот пусть откажется от всего имения; так как не сделавший этого неминуемо оставит его во время смерти, а часто еще и прежде смерти потеряет среди бесчисленных опасностей и бедствий. И тяжко не только то, что такая перемена происходит вдруг, но и то еще, что богачу приходится терпеть нищету, не приготовившись к ней. Не такова участь бедного. Он «уповает» не на золото и серебро, эти бездушные вещества, «но на Бога, дающего все обильно» (1 Тим. 6:17). Таким образом, состояние богатого более сомнительно, нежели бедного, потому что оно подвержено частым и разнообразным переменам. Что же значат слова: «дающего нам все обильно для наслаждения»? Бог в изобилии нам подает все, что гораздо нужнее денег, как-то: воздух, воду, огонь, солнце и все подобное. Нельзя сказать, что богатый наслаждается лучами солнца более, а бедный менее; нельзя сказать, что богатый более вдыхает воздуха, чем бедный: но все это дано в равной мере всем. Для чего же Бог сделал общим то, что важнее и необходимее, от чего зависит наша жизнь; а то, что маловажное и ничтожнее, не составляет общей собственности, – разумею деньги? Для чего? – Чтобы жизнь наша была обеспечена, и мы имели поприще для добродетели. В самом деле, если бы необходимое не было общим, быть может, богатые, по обычному любостыжанию, подавили бы бедных; потому что, если они это делают в отношении денег, то чего не сделали бы в отношении тех благ. Опять, если бы и деньги были общими, и всем равно принадлежали, не было бы случая к милостыне и повода к благотворительности.

7. Итак, чтобы нам можно было жить безопасно, для этого общим у нас сделано все, от чего зависит наша жизнь; а чтобы нам иметь случай заслужить венцы и похвалы, для этого деньги не сделаны общими, – дабы мы, отвращаясь любостыжания и любя правду и раздавая свое имение нуждающимся, могли таким способом получать некоторое облегчение в своих грехах. Бог сделал тебя богатым: зачем же ты сам делаешь себя бедным? Бог сделал тебя богатым для того, чтобы ты помогал нуждающимся, чтобы своей щедростью к другим искупал собственные грехи; дал тебе богатство не для того, чтобы ты запер его на свою погибель, но чтобы

расточил для своего спасения. Для того Он и самое обладание богатством сделал ненадежным, чтобы и через это самое ослабить безумную страсть к нему. Если владеющие богатством, и теперь, когда не могут положиться на него, а напротив видят, что оно порождает множество опасностей, воспаляются такой страстью к нему: то кого бы они пощадили, если бы еще богатство имело и эти качества – постоянство и неизменность? Кого бы не коснулись? Какой вдовы, каких сирот, каких убогих? Посему не будем почитать богатство великим благом: великое благо – не деньги нажить, но стяжать страх Божий и благочестие. Вот теперь, если бы среди нас был праведник, имеющий великое дерзновение к Богу: он хотя бы был беднее всех людей, мог бы прекратить настоящие бедствия; довольно было бы только ему вздеть руки к небу и призвать Бога, и туча прошла бы. А между тем (у нас) лежит столько золота, и – оно меньше всякой грязи способно прекратить постигшее нас бедствие! И не только в настоящей опасности, – но и тогда, когда постигает нас болезнь, или смерть, или другое что-нибудь подобное, обнаруживается, как ничтожна сила денег, и как они не могут сами по себе доставить нам никакого утешения в несчастье. Одним только богатство, по-видимому, превосходит бедность – тем, что дает возможность каждый день веселиться и вкушать много удовольствий на пирах. Но это случается видеть и за столом бедных; они наслаждаются даже большим удовольствием, чем все богатые. Не изумляйтесь и не почитайте странностью слова мои; я объясню это вам свидетельствами самого опыта. Все вы, конечно, знаете, и согласны в том, что удовольствие на пирах зависит обыкновенно не от свойства яств, но от расположения пирующих. Например: кто садится за стол проголодавшись, для того и самая простая пища будет приятнее всяких приправ, сластей и разных лакомств. Напротив, кто идет к столу, не имея потребности в пище и предупреждая чувство голода, как это делают богатые: тот, хотя бы нашел на столе самые любимые кушанья не почувствует удовольствия, потому что в нем еще не пробудился позыв на пищу. Что это действительно так, тому и вы все свидетели; а вот и Писание говорит то же самое: «Сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко» (Притч. 27:7). Что может быть слаще соты медовой? Но и он, говорит, не доставляет удовольствия тому, кто не голоден. А что неприятнее горького? Но и оно бывает сладко для живущих в нужде. А что бедные приступают в пище не иначе, как, почувствовав потребность в ней и голод, богатые же не ожидают такого побуждения, это известно всякому: оттого богатые и не вкушают настоящего и чистого удовольствия. Это самое бывает не только в отношении пищи, но и в отношении питья: как там голод производит удовольствие, независимо от свойства пищи, так и здесь жажда, обыкновенно, делает питье самым приятным, хотя бы это была простая вода. И на это самое указывает пророк, когда говорит: «насыщал бы их медом из скалы» (Псал. 80:17). Но мы нигде не читаем в Писании, чтобы Моисей извел из камня мед, а везде находим, что он извел реки воды, прохладные источники. Что же значат эти слова? Писание не говорит неправды. Когда жаждущие и истомленные нуждой нашли холодные источники, пророк, желая представить приятность этого питья, назвал медом воду – не потому, чтобы природа ее превратилась в мед, но потому, что состояние пивших сделало эти источники слаще меда. Понял ты, как и питье обыкновенно делается сладким от расположения жаждущих? Так и бедные, после труда и утомления, палимые жаждой, пьют простую воду с вышесказанным удовольствием: а богатые, и тогда, когда пьют вино сладкое, благовонное и имеющее все наилучшие качества, не чувствуют подобного удовольствия.

8. То же самое можно заметить и относительно сна. Не мягкая постель, не посеребренное ложе, не тишина в спальни и не другое что-либо подобное делает сон сладким и спокойным, но труд, усталость и обыкновение ложиться спать, когда сильно клонит ко сну и нападает дремота. Об этом свидетельствует и опыт, а еще прежде опыта приговор Писания. Соломон, живший всегда в удовольствии, желая показать это самое, сказал «сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест» (Екклес. 5:11). Почему он присовокупил: «мало ли, много ли он съест»? Потому что и то и другое – и голод и пресыщение, обыкновенно производят бессонницу: голод

– иссушая тело, окостеняя веки и не давая им сомкнуться; пресыщение – стесняя и подавляя дыхание, порождая множество болезней. Но таково благотворное действие трудов, что раб может спать в том и другом случае (в голоде и пресыщении). Целый день бегая повсюду на служении своим господам, подвергаясь побоям, перенося усталость, и нисколько не отдыхая, рабы получают достаточную за такие беспокойства и труды награду в приятном сне. И это – дело человеколюбия Божия, что удовольствия покупаются не золотом и серебром, а трудом, работой, нуждой и всяким любомудрием. Не так у богатых: лежа на своих постелях, они часто проводят в бессоннице целую ночь и, не смотря на множество ухищрений, не вкушают приятного сна. А бедняк, окончив дневные труды, с усталыми членами, едва упадет в постель, уже погружается в глубокий, сладкий и здоровый сон, и в нем получает немалую награду за свои праведные труды. Итак, если бедный и спит, и ест, и пьет с большим удовольствием, нежели богатый; то какую, после этого, имеет цену богатство, когда оно не доставляет и того, в чем только, по видимому, и состоит его преимущество перед бедностью? Поэтому и в начале Бог наложил на человека труд, не в наказание и мучение, но для вразумления и научения его. Адам, когда жил без трудов, ниспал из рая; но апостол, когда проводил жизнь труженическую и тягостную, «в труде и подвиге», как сам он говорит, «ночь и день» (2 Фессал. 3:8), – взошел в рай и восхищен на третье небо. Не будем оуждать труд, не будем пренебрегать работой; потому что от них мы получаем, еще прежде царствия небесного, величайшую награду, – сопровождающее их удовольствие, и не только удовольствие, но – что еще важнее удовольствия – самое цветущее здоровье. Богатых, кроме лишения этого удовольствия, постигают многие болезни; а бедные не впадают в руки врачей. Если иногда они и подвергаются недугам, то скоро и восстанавливают себя, будучи далеки от всякой неги и имея здоровое телосложение.

Бедность – великое стяжание для тех, которые мудро переносят ее; это сокровище некрадомое, жезл несокрушимый, приобретение неоскудеваемое, убежище безопасное. Но бедного, говорят, угнетают? Зато богатый подвержен гораздо большим наветам. Бедного презирают и обижают: богатому завидуют. Одолеть бедного не так легко, как богатого; потому что последний со всех сторон представляет к этому случаи, как дьяволу, так и коварным людям, и бывает рабом всех, по великому множеству дел. Имея надобность во многих лицах, он принужден многим льстить и угождать с великим раболепством; бедного же, если он благоразумно ведет себя, не может одолеть и дьявол. Иов и прежде был крепок, а когда лишился всего, тогда сделался еще могущественнее и одержал над дьяволом блистательную победу. Бедный даже не может быть и обижен, если он ведет себя мудро; и что я сказал об удовольствии в пище, именно, что оно зависит не от роскошных яств, а от расположения ядущих, – то же говорю и об обиде, именно, что обида состоится, или не состоится не по желанию наносящих ее, но по расположению тех, которые терпят обиду. Например, тебе нанес кто-нибудь обиду тяжкую и нестерпимую. Если ты посмелся над этой обидой, не принял к сердцу оскорбительных слов, ты стал выше удара, – не обижен. Если бы у нас было алмазное тело, то, хотя бы со всех сторон сыпались на нас тысячи стрел, мы не чувствовали бы ударов; потому что раны происходят не от руки, пускающей стрелы, а от свойства тел, подверженных страданию. Так и здесь: обиды и унижения, соединенные с обидами, происходят не от злобы обижающих, но от слабости обижаемых. Если бы мы были мудры, то могли бы и не обижаться и не чувствовать никаких оскорблений. Тебя обидел кто-нибудь, но ты не почувствовал обиды, и не опечалился? Тогда ты не обижен: напротив, скорее ты поразил, чем сам поражен. Когда обидевший видит, что его удар не достигает до души оскорбляемых им, тогда сам он сильно терзается; и как обижаемые молчат, то удар обид сам собой обращается назад и поражает того, кем он послан.

9. Итак, возлюбленные, будем во всем любомудрыми, и – бедность нисколько не сможет повредить нам; она даже принесет величайшую пользу и сделает нас славнее и богаче всех богачей. Кто, скажи мне, был беднее Илии? Но потому он и превзошел всех богачей, что был так беден и что самую бедность избрал по богатству своей души. Он возлюбил такую бедность

потому, что все обилие богатства ставил ниже своей высокой души и почитал недостойным своего любомудрия. Если бы он высоко ценил настоящие блага, то имел бы не одну милоть; но он так пренебрегал всей настоящей суетой и смотрел на золото, как на попираемую персть, что, кроме той одежды, не имел ничего более. Потому и царь нуждался в этом бедняке, и имевший столько золота с жадностью ловил слова того, кто не имел ничего, кроме милоти. Настолько милоть была блистательнее порфиры, и пещера праведника величественнее царских чертогов! Поэтому, и возносясь на небо, он не оставил своему ученику ничего, кроме милоти. С ней, говорил он, я сражался с дьяволом; ей и ты вооружайся против него; нестяжательность есть оружие крепкое, убежище неодолимое, столп незыблемый. Елисей принял милоть, как величайшее наследие; и действительно, это было величайшее наследие, драгоценнее всякого золота. И с того времени Илия сделался сугубым: был Илия на небе и Илия на земле. Знаю, что вы ублажаете этого праведника, и каждый из вас желал бы быть таким, как он. Но что, если докажу вам, что все мы, участвующие в таинствах, получили нечто такое, что даже несравненно больше того?

Илия оставил своему ученику милоть, а Сын Божий, возносясь, оставил нам Свою плоть. Илия остался без милоти, а Христос и нам оставил плоть Свою, и с ней же вознесся. Не будем же падать духом, не будем сетовать, не будем бояться тяжелых времен: откажется ли сделать что-либо для нашего спасения Тот, кто не отрекся пролить за всех нас Свою кровь, и дал нам плоть и ту же самую кровь Свою? Воодушевляясь такими надеждами, будем непрестанно взывать к Нему и воссылать молитвы и моления; будем со всем усердием заботиться о всякой добродетели, чтобы и избежать настоящих опасностей и достигнуть будущих благ; чего и да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

**О СТАТУЯХ БЕСЕДА ТРЕТЬЯ, по случаю отправления
епископа Флавиана для ходатайствования перед
царем о городе, также о том, – что такое истинный
пост, что злословить хуже, чем снестать человеческую
плоть, – о казненных за возмущение, и против
жаловавшихся на то, что многие схвачены невинно**

Когда посмотрю на этот престол, праздный и оставленный учителем, то вместе и радуюсь и плачу: плачу, потому что не вижу здесь отца; радуюсь, потому что он отправился в путь для нашего спасения, и пошел избавить такое множество народа от царского гнева что и для вас украшение, и для него венец: для вас украшение, что имеете такого отца; для него венец, что так он любвеобилен к чадам, и оправдал самыми делами то, что сказал Христос услышав, что «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Иоан. 10:11), он пошел с готовностью положить свою душу за всех нас, хотя и многое препятствовало ему отправиться в путь и принуждало его остаться здесь. Это, прежде всего, его престарелые лета; потом – немощь телесная, и время года, и приближение святого праздника; наконец – сестра, которая у него одна и находится при последнем издыхании. Но он презрел и родство, и старость, и немощь, и трудность времени, и тягость путешествия: и, всему предпочитая вас и ваше спасение, расторг все эти узы, и, как юноша, летит теперь старец, окрыленный ревностью. Если Христос, говорил он, предал Себя за нас; то какого извинения и прощения будем достойны мы, которым вручено управление столь многочисленным народом, если не решимся и сделать и потерпеть все для безопасности вверенных нам? Если, говорил он, патриарх Иаков, приставленный к животным, пасший бессловесных овец и имевший дать отчет человеку, проводил ночи без сна, и переносил и зной, и стужу, и все перемены воздуха, чтобы не погибло ни одно из этих животных; то

тем более мы, поставленные не над бессловесными, а над духовными овцами, и обязанные дать отчета в этом служении не человеку, а Богу, не должны отказываться и уклоняться ни от чего, что только может быть полезно для стада. Напротив, чем лучше наше стадо того стада, люди – бессловесных, а людей – Бог; тем большее и сильнейшее и мы должны показывать попечение и усердие. Он хорошо понял, что у него теперь дело не об одном городе, но обо всем востоке; так как наш город есть глава и мать городов, лежащих на востоке. Поэтому он порешил потерпеть всякую опасность, и ничто не могло удержать его здесь. И уповаю, что наши надежды будут не тщетны; потому что Бог не презрит такого усердия и попечения, и не попустит, чтобы Его слугитель возвратился без успеха. Знаю, что, как только он предстанет и увидит благочестивого царя, то одним своим видом в состоянии будет тотчас укротить гнев; потому что у святых не только слова, но и самые лица исполнены духовной благодати. А он исполнен и великой мудрости, и, будучи сведущ в божественных законах, скажет ему то же, что и Моисей сказал Богу: «прости им грех их, а если нет» умертви и меня с ними (Исх. 32:32). Таково сердце святых, что умереть со своими чадами им приятнее, чем жить без них. Он и в самом времени найдет защиту нам, укажет на святую Пасху, напомним о времени, в которое Христос отпустил грехи всей вселенной; убедит (царя) подражать Господу; приведет ему на память и притчу о тысяче талантов и ста динариях. Знаю я дерзновение нашего отца; он не преминет устрашить его этой притчей и сказать: смотри, чтобы и тебе не услышать в тот день: «злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего» отпустить клеветам твоим (Матф. 18:32–33); для себя сделаешь больше пользы, чем для них, потому что за прощение немногих грехов получишь отпущение больших. Присовокупит к сказанному и ту молитву, которой вводившие царя в священные таинства научили его молиться и говорить: «прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Матф. 6:12). Затем изъяснит, что преступление сделано не целым городом, но несколькими людьми – чужими и пришельцами, которые все делают не с рассуждением, но дерзостно всяким бесчестием; что было бы несправедливо за безрассудство нескольких человек разорить столь большой город и казнить не сделавших никакой вины. Да хотя бы и все согрешили, – они довольно уж наказаны, будучи терзаемы страхом в продолжение столь многих дней, ожидая каждый день смерти, будучи преследуемы, предаваясь бегству, ведя жизнь более жалкую, чем осуждаемые на казнь, чувствуя, что кровь течет в их жилах, и – не имея уверенности в своей жизни. Удовлетворись таким наказанием, не простирайся далее в гневе, умильшись для себя верховного Судью, оказав человеколюбие к своим со-рабам. Подумай о величии города, и о том, что у нас теперь дело не об одной душе, не о двух, не о трех, не о десяти, но о несчетных тысячах, о главе всей вселенной. Это тот город, в котором в первый раз верующие стали называться христианами; почти же Христа, уважь город, который первый провозгласил это вождевленное и сладостное для всех имя. Он был жилищем апостолов, обителью праведников. Это теперь первое и единственное его преступление против державных, а все прошедшее время (благоприятно) свидетельствует о нравах этого города. Если бы в нем постоянно происходили мятежи, то следовало бы обвинить его в злонравии; но если это случилось однажды за все время, то ясно, что преступление произошло не от врагов города, но от людей, которые без нужды и без дела пришли в него.

2. Все это и еще больше этого скажет святитель с великим дерзновением; и царь выслушает это! Царь человеколюбив, а епископ тверд, так что с обеих сторон подаются благие надежды. Но еще больше, чем на твердость учителя и человеколюбие царя, будем уповать на Божью милость: Бог сам станет посредником между умоляемым царем и умоляющим святителем, смягчая сердце царя, воодушевляя язык святителя, даруя успех словам его, располагая душу царя благосклонно выслушать слова и внять мольбам. И город наш любезнее Христу всех городов по добродетели, как предков, так и вашей. Как из апостолов Петр первый проповедал Христа, так из городов, – как я уже сказал, – наш город первый украсился, точно

дивным венцом, наименованием христиан. Если же Бог обещал спасти всех жителей такого города, в котором было бы только десять праведников; то, как не ожидать доброго и не надеяться всем нам на пощаду, когда здесь верных служителей Божьих не десять только или двадцать, и не вдвое столько, но гораздо более? Многие, слышал я, говорят: «гнев царя – как ревля» (Притч. 19:12), и от этого впадают в малодушие и уныние. Что сказать им? То, что Тот, Кто сказал: «волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком, и лев, как вол, будет есть солому» (Иса. 11:6–7), – может и этого льва сделать кротким агнцем. Призовем же Его и помолимся Ему – и Он, несомненно, укротит гнев царя, и избавит нас от всех угрожающих нам скорбей. Отец там предстательствует (перед Царем земным), а мы здесь будем предстательствовать перед Царем небесным и помогать ему молитвами. Много может целая церковь, если мы вознесем молитвы со скорбящей душой и сокрушенным сердцем. Не нужно переплывать моря, не нужно пускаться в дальний путь; каждый и каждая, и приходящие в церковь и остающиеся дома, призовем Бога с усердием, и Он, конечно, приклонится к нашим мольбам.

Из чего это видно? Из того, что Он сильно желает, чтобы мы всегда к Нему прибегали, молили Его обо всем, и без Него не делали и не говорили ничего. Люди, когда мы постоянно беспокоим их своими делами, раздражаются, убегают нас и питают к нам неприязнь. Бог совершенно напротив, – не тогда гневается, когда мы постоянно молимся Ему о своих делах, но, когда не делаем этого, тогда наиболее негодует. Послушай, в чем Он укоряет иудеев: «делают», говорит Он, «совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по духу Моему» (Иса. 30:1). Таково свойство любящих они желают, чтобы через них совершались все дела любимых ими, и чтобы без них те ничего и не делали и не говорили. Потому и Бог, не только здесь, но и в другом месте, укоряя иудеев в том самом, сказал: «поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома» (Ос. 8:4) Не обленимся же постоянно прибегать к Нему, и, какое бы ни случилось бедствие, оно непременно будет иметь благоприятный исход. Устрашил тебя человек? Прибегни к вышнему Владыке – и не потерпишь никакого зла. Так избавлялись от бедствий древние, не только мужчины, но и женщины. Была одна женщина-еврейка, имя ей Есфирь; эта Есфирь избавила целый народ иудейский от угрожавшей ему гибели таким образом. Когда персидский царь повелел совершенно истребить всех иудеев, и никто уже не мог остановить этого гнева, – эта женщина, сложив с себя светлую одежду, облекшись во вретиче и посыпав себя пеплом, начала молить человеколюбивого Бога, да внидет Он с ней к царю, и молясь об этом, так говорила: даруй, Господи, благодать словам моим, «даруй устам моим слово благоприятное» (Есф. 4:17). Этого же будем теперь просить у Бога и для нашего учителя. Если женщина, умолявшая об иудеях, могла укротить гнев варвара, – тем более наш учитель, ходатайствующий о таком городе и с такой церковью, успеет преклонить этого милостивейшего и кротчайшего царя. Если он получил власть разрешать грехи против Бога, – тем более ему будет возможно изгладить и уничтожить грехи против человека. И он – владыка, и владыка честнейший того: потому что священные законы предали и подчинили его рукам даже царственную главу; и когда нужно бывает испросить какое-нибудь благо свыше, то, обыкновенно, царь прибегает к святителю, а не святитель к царю. И он имеет броню правды, имеет и препоясание истины, имеет и гораздо более великолепную обувь «благовествования мира» (Еф. 6:15), имеет и меч, не железный, но духовный, имеет и венец на главе. Это всеоружие его блистательнее, эти доспехи славнее, дерзновение тверже, сила могущественнее. Таким образом, и по высоте власти, и по величию своей души, а прежде всего другого – по надежде на Бога, он будет говорить к царю с великим дерзновением, с великим. благоразумием.

3. Не будем же отчаиваться в своем спасении, но станем воссылать к небесному Царю прошения, молитвы, моления и предстательства со многими слезами. Пусть и настоящий пост будет нашим сподвижником и помощником в этом благом предстательстве. Как по прошествии зимы и с наступлением лета, мореходец выводит в море свое судно, воин чистит оружие и гото-

вит коня на сражение, земледелец точит серп, путешественник смело отправляется в дальнюю дорогу, борец слагает с себя одежду и готовится к борьбе; так и мы, с наступлением поста, этого духовного лета, как воины – вычистим оружие, как земледельцы – наточим серп, как кормчие – противопоставим свои помыслы волнам беспорядочных пожеланий, как путники – начнем путь к небу, как борцы – подготовимся к борьбе. Верующий есть и земледелец, и кормчий, и воин, и борец, и путник. Поэтому и Павел говорит: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей. Для сего примите всеоружие Божье» (Еф. 6:12–13). Видел ты борца? Видел воина? Если ты борец, тебе надобно вступать в борьбу нагим. Если ты воин, тебе должно стать в строю вооруженным. Как же возможно то и другое вместе: быть и нагим и не нагим, одетым и не одетым? Я скажу – как. Сложи с себя житейские дела, и ты стал борцом. Облекись в духовные доспехи, и ты стал воином. Обнажись от забот житейских, потому что наступило время борьбы. Облекись в духовные доспехи, потому что у нас возгорелась жестокая война с демонами. Для того и должно быть нагим, чтобы дьяволу, вступая в борьбу с нами, не за что было схватить нас; должно облечь себя доспехами со всех сторон, чтобы нам ни с которой стороны не получить смертельного удара. Возделай ниву твоей души, посеки терния, посеи слово благочестия, насади прекрасные растениялюбомудрия и с великой заботливостью ухаживай за ними, – и ты будешь земледельцем, и скажет тебе Павел: «трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов» (2 Тим. 2:6). И он занимался этим искусством, и потому в послании к Коринфянам сказал: «я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1 Кор. 3:6). Изостри твой серп, который притупил ты пресыщением, – изостри постом. Вступи на путь, ведущий к небу, вступи на путь тесный и узкий, – и поди по нему. Как же ты можешь и вступить на этот путь, и идти по нему? Изнуряя и поработав свое тело; потому что на тесном пути много препятствует тучность от пресыщения. Укроти волны беспорядочных страстей, усмири бурю злых помыслов, сохрани в целости ладью, покажи большую опытность, – и ты кормчий. Для всего этого да будет у нас и поприщем и учителем пост, – пост разумею не тот, который содержат многие, но тот истинный, – воздержание не от пищи только, но и от грехов: потому что пост сам по себе не может спасти соблюдающих его, если не будет сообразен с поставленным законом. И борец, сказано, «не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим. 2:5). Итак, чтобы нам, и совершив подвиг поста, не лишиться венца за него, поучимся, как и каким способом должно совершать этот подвиг. И фарисей постился, но после поста вышел (из храма) лишенным плодов, произращаемых постом. Мытарь же не постился, и не постившийся превзошел постившегося, чтобы ты знал, что нет никакой пользы от поста, если ему не сопутствует и все прочее.

Постились ниневитяне, и привлекли к себе благоволение Божье; постились и иудеи, и не только ничего не успели, но и были осуждены (Иса. 58:3,6). Если же пост угрожает такой опасностью не знающим, как надобно поститься, то изучим законы поста, чтобы нам «не течь безвестно» (1 Кор. 9:26), не бить воздуха, не сражаться с тенью. Пост есть лекарство; но лекарство, хотя бы тысячу раз было полезно, часто бывает бесполезным для того, кто не знает, как им пользоваться. Нужно знать и то, в какое время должно принимать его, и – количество самого лекарства, и телосложение того, кто принимает, и свойство страны, и время года, и приличный род пищи, и многое другое; и если одно что-нибудь будет оставлено без внимания, то нанесен будет вред всему прочему. Если же для нас нужна такая точность, когда надобно лечить тело; то тем более необходимо со всей строгостью разбирать и рассматривать все, когда лечим душу и врачуем помыслы.

4. Посмотрим же, как постились ниневитяне, и как они избавились от гнева того. «Ни люди», говорит (пророк), «ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили» (Ион. 3:7). Что говоришь, скажи мне? И бессловесные постятся? И лошади и мулы покрываются вретисцем? Да, говорит. Как по смерти богатого человека родственники одевают во вретисце не только рабов и рабынь, но и коней, и, поручив их конюхам, заставляют

следовать за гробом, чтобы этим выразить тяжесть потери и возбудить во всех сожаление; так и тогда, когда городу (Ниневии) угрожало истребление, жители облекли во вретнице бессловесную тварь и наложили на нее иго поста. Бессловесных, говорили они, нельзя вразумить в гнев Божьим словом: пусть же вразумятся голодом, что Бог послал это наказание; потому что если погибнет город, то будет общим гробом не только для нас, но и для них; они должны будут разделить с нами наказание, пусть же разделят и пост. Впрочем, ниневитяне в этом случае поступили так же, как делают пророки: они, когда увидят, что с небес угрожает тяжкий удар, и обреченные на наказание не имеют никакой защиты, покрыты стыдом и никакого не заслуживают прощения и извинения; то, не зная, что делать и где найти для осужденных защиту, обращаются к животным, и, оплакивая их смерть, ради их умоляют о пощаде, указывая на их гибель, как на достойную жалости и многих слез. Так, когда голод постиг иудеев, и их страна подверглась великой засухе и все погибало, один из пророков говорил: «как стонет скот! Уныло ходят стада волов, ибо нет для них пажити, животные на поле взывают к Тебе, потому что иссохли потоки вод» (Иоил. 1:18,20). Другой пророк, оплакивая бедствия бездождия, опять вот что сказал: «даже и лань рождает на поле и оставляет [детей], потому что нет травы. И дикие ослы стоят на возвышенных местах и глотают, подобно шакалам, воздух; глаза их потускли, потому что нет травы» (Иер. 14:5–6). Так и сегодня вы слышали, что сказал Иоиль: «пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы, соберите отроков и грудных младенцев» (Иоил. 2:16). Почему, скажи мне, он призывает к молитве этот незрелый возраст? Очевидно, по той же самой причине. Так как все достигшие мужеского возраста огорчили и прогневали Бога; то пусть, говорит, умоляет Прогневанного возраст еще не знающий греха. Но, как я сказала, посмотрим, что же удалило этот неотвратимый гнев? Не пост ли только и вретнице? Нет, но перемена всей жизни. Из чего это видно? Из самых пророческих слов. Тот же самый пророк, который сказал о гневе Божьем и о посте (ниневитян), о примирении (с ними Божьем) и причине примирения говорит так: «и увидел Бог дела их» (Ион. 3:10). Какие дела? Что они постились, что облекались во вретнице? Совсем не то: но, умалчивая обо всем этом, он присовокупил: «то они обратились от злого пути своего, и пожалел» Господь «о бедствии, о котором сказал, что наведет на них», (Ион. 3:10). Видишь, что не пост избавил от опасности, но перемена жизни сделала Бога благим и милостивым к иноплеменникам.

Это сказал я не для того, чтобы мы бесчестили пост, но чтобы почитали его; а честь поста составляет не воздержание от пищи, но удаление от грехов, так что кто ограничивает пост только воздержанием от пищи, тот более всего бесчестит его. Ты постишься? Докажи мне это своими делами. Какими, говоришь делами? Если увидишь нищего, подай милостыню; если увидишь врага, примиришь; если увидишь своего друга счастливым, не завидуй; если увидишь красивую женщину, пройди мимо. Пусть постятся не одни уста, но и зрение, и слух, и ноги, и руки, и все члены нашего тела. Пусть постятся руки, пребывая чистыми от хищения и любостыжания. Пусть постятся ноги, перестав ходить на противозаконные зрелища. Пусть постятся глаза, приучаясь не устремляться на благообразные лица, и не засматриваться на чужую красоту. Зрение есть пища очей: если она противозаконна и запрещена, то вредит посту и разрушает спасение души; если же законна и дозволена, то украшает пост. Всего нелепее было бы – в отношении яств воздерживаться и от позволенной пищи, а глазами пожирать и то, что запрещено. Ты не ешь мяса? Не вкушай же и глазами нескромности. Пусть постится и слух; а пост слуха в том, чтобы не принимать злословия и клеветы: «не внимай» говорит (слово Божие), «пустому слуху» (Исх. 23:1).

5. Пусть и язык постится от сквернословия и ругательства. Что за польза, когда мы воздерживаемся от птиц и рыб, а братьев угрызаем и снедаем? Злословящий снедает тело братнее, угрызает плоть ближнего. Потому и Павел с угрозой сказал: «если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5:15). Ты не вонзил зубов в плоть (ближнего), но вонзил в его душу злую речь, ранил ее худой молвой, сделал

тысячу зол и себе самому, и ему, и многим другим; потому что, осуждая ближнего, ты (во-первых) причинил зло и тому, кто тебя слышал. Если это грешник, то он делается беспечным, нашедши себе сообщника в грехе; а если – праведник, то впадает в гордость и надмевается из-за чужого греха, получая повод высоко думать о себе самом. Вместе с тем, ты (во-вторых) повредил всей церкви, потому что все слышащие не грешника осуждают, но поражают укорижами весь народ христианский. Не слышно, чтобы неверные говорили, что такой-то блудник и развратник; но, вместо виновного, тенью поносят всех христиан. Затем, (в-третьих) ты подал повод к унижению славы Божьей, потому что имя Божье славится, когда мы живем хорошо, а когда грешим, оно хулится и бесчестится. В-четвертых, ты посрамил того, о ком распускаешь худую молву, сделал его через то более бесстыдным, и нажил в нем себе врага и неприятеля. В-пятых, ты сделал самого себя достойным взыскания и наказания, взявшись за такие дела, которые нисколько не касаются тебя? Никто не говорит: «тогда злословил бы я, когда бы говорил неправду; но, если говорю истину, то уже не злословлю». Хотя бы в твоём злословии и была истина, и в таком случае оно преступно. Фарисей, злословя мытаря, говорил истину; но это не принесло ему никакой пользы. В самом деле, скажи мне, разве мытарь не был мытарь и грешник? Всякий видит, что – мытарь; но при всем том, фарисей, за осуждение его, все потерял. Хочешь исправить брата? Поплачь, помолись Богу, дай ему увещание наедине, посоветуй, попроси. Так и Павел делал: «опять, когда приду», говорит он, «не унижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали» (2 Кор. 12:21). Покажи любовь к грешнику; уверь его, что напоминаешь ему о грехе, усердствуя и заботясь о нем, а не желая обесславить его; обними его ноги и облобызай, не устыдись, если только истинно хочешь исцелить его. Так часто поступают и врачи: несговорчивых больных они целуют, упрашивают, и, таким образом, заставляют принять спасительное лекарство. Так и ты сделай: покажи рану священнику; это и будет значить, что ты беспокоишься, печешься и заботишься (о ближнем). Но убеждаю тебя заграждать уши не только от злословящих, но и от тех, которые слушают злословящих, и подражать пророку, который говорит: «тайно клеветующего на ближнего своего изгоню» (Псал. 100:5). Скажи ближнему: ты намерен похвалить кого-нибудь и одобрить? Открываю слух, чтобы принять это благовоние. Если же хочешь злословить, заграждаю вход твоим словам, потому что не могу принять помета и нечистоты, что за польза для меня узнать, что такой-то злой человек? Напротив, отсюда величайший вред и крайний урон. Скажи ему: позаботимся о себе самих, – о том, как нам дать ответ за свои грехи; и обратим на собственную жизнь эту пытливость и это беспокойное выведывание. Какого нам ждать извинения, какого прощения, когда мы о своих грехах и не думаем, а о чужих так любопытствуем? Как неприлично и весьма стыдно мимоходом заглядывать в дом и подмечать, что в нем делается; так крайне неблагоприятно и любопытствовать о чужой жизни. Еще смешнее то, что ведущие такую жизнь и не заботящиеся о своих делах, открывая какую-нибудь тайну, умоляют и заклинаят того, кто их слушает, не пересказывать никому другому, чем и доказывают, что они сделали дело, достойное осуждения. Если ты упрашиваешь его не пересказывать никому другому, то тем более тебе самому не следовало прежде говорить ему об этом. Слово было у тебя в полной власти; а ты, предав его, теперь заботишься о сохранении его! Если хочешь, чтобы оно не перенесено было к другому, то и сам не говори. А когда уже ты передал хранение слова другому, то лишнее и бесполезное дело уговаривать и заклинаят, чтобы он хранил, что ему сказано. Но приятно злословить? – Нет, приятно-то не злословить. Злословящий бывает беспокоеен, подозрителен и боязлив, раскаивается и кусает свой язык, страшась и трепеща, чтобы слово, разнесшееся между многими, не навлекло на тех, кем оно сказано, большой опасности, и не произвело напрасной и пагубной вражды. А кто хранит у себя (слово), тот будет жить в совершенной безопасности и великом удовольствии.

«Выслушал ты слово», говорит (премудрый), «пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя» (Сир. 19:10). Что значит – «пусть умрет оно с тобою»? – Скрой его, закопай, не позволяй ему выйти, ни даже как-нибудь вообще двинуться. Но всего более старайся даже не допускать, чтобы тебе говорили худо о других. А если когда и услышишь что-нибудь, подави, умертви сказанное; предай забвению, как будто ты и не слышал: тогда будешь проводить настоящую жизнь весьма мирно и безопасно. Сами злословящие, когда узнают, что мы питаем больше отвращения к ним, нежели к тем, кого они оговаривают, оставят когда-нибудь эту худую привычку, исправятся от своего недостатка, станут потом хвалить (других), и нас самих провозгласят своими спасителями и благодетелями. В самом деле, как доброе слово и похвала служат началом дружбе, – так злоречие и клевета бывают началом и поводом к вражде, ненависти и тысяче распрей. И не другое что доводит нас до нерадения о своих делах, как пытливость и разведывание о чужих делах, – потому что кто любит злословить и разведывать о чужой жизни, тому некогда позаботиться о собственной жизни. Так как он употребляет все свое старание на разведывание о чужом, то все принадлежащее ему самому, по необходимости, остается в пренебрежении. И как было бы хорошо, если бы ты, употребляя все время на попечение и суждение о своих собственных грехах, мог сделать какой-нибудь успех! Но так как ты постоянно заботишься о чужом, то когда тебе подумать о своих собственных недостатках?

б. Будем же, возлюбленные, избегать злословия, зная, что это – настоящая пропасть дьявола и западня, устроенная его коварством. Дьявол довел нас до этой привычки для того, чтобы мы не заботились о самих себе и подвергли себя тяжчайшей ответственности. Но беда не в том только, что мы дадим тогда отчет в словах своих, но и в том, что мы через это сделаем свои собственные грехи более тяжкими и лишим себя всякого извинения. Кто строго расследует чужие проступки, тот не получит никакого снисхождения к своим собственным, потому что Бог произнесет суд соответственно не только свойству наших преступлений, но и твоему суду о других. Поэтому и внушает Он: «не судите, да не судимы будете» (Матф. 7:1); так как грех явится там не только таким, каков он был, но и получит большое и неизбежное прибавление от произнесенного тобой суда о твоём собрате. Как человеколюбивый, кроткий и снисходительный человек значительно уменьшает тяжесть грехов; так жестокий, суровый и неумолимый много прибавляет к своим грехам. Исторгнем же из уст наших всякое злословие, зная, что, если станем есть и прах, то и от такой строгой жизни не будет нам никакой пользы, когда не воздержимся от злословия; потому что «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» (Матф. 15:11). Если бы кто-нибудь начал ворочать помет в то время как ты проходишь, – скажи мне, не стал ли бы ты бранить его и укорять? Так поступи и со злословящими, – потому что не столько тронутая с места нечистота поражает обоняние тех, до кого доходит ее зловоние, сколько рассказы, выводящие наружу чужие грехи и раскрывающие нечистую жизнь, оскорбляют и возмущают душу тех, кто их слышит. Будем же воздерживаться от злословия, сквернословия, хулы, и не станем злословить ни о ближнем, ни о Боге, так как многие из злоречивых дошли до такого безумия, что от со-рабов обратили свой язык на Господа. А как велико это зло, можешь судить по вашим теперешним обстоятельствам. Вот оскорблен человек, и все мы боимся и трепещем – как нанесшие оскорбление, так и те, которые не чувствуют за собой никакой подобной вины. А Бога оскорбляют каждый день; что говорю: каждый день? – каждый час, – оскорбляют богатые, бедные, наслаждающиеся покоем, терпящие скорбь, обижающие, обижаемые, – и никто об этом не подумает. Потому Он и попустил потерпеть оскорбление со-рабу³, чтобы ты из опасности, последовавшей за этим оскорблением, познал человеколюбие Господа. Это оскорбление было теперь первое и единственное; но и, несмотря на это, мы не надеемся получить прощение и извинение. Бога же мы гневим каждый день, и нисколько не раскаиваемся, а Он все переносит со всяким долготерпе-

³ т. е. императору.

нием. Видишь, сколь велико человеколюбие Господа? И хотя виновники настоящего преступления схвачены, посажены в темницу и наказаны, но мы все еще боимся. Оскорбленный еще не слышал о том, что случилось, и не произнес суда, – а мы все трепещем. Бог же каждый день слышит оскорбления, Ему наносимые, и никто не обращает на это внимания, – и это тогда, как Бог столь кроток и человеколюбив! Перед Ним довольно только исповедать грех, и вина разрешится. У людей совершенно напротив: когда виновные признаются в преступлении, тогда более и наказываются, – что и теперь случилось.

Одни погибли от меча, другие от огня, иные отданы на растерзание зверям, – и не только взрослые, но и дети. Ни незрелость возраста, ни многочисленность обвиненных, ни то, что все это сделали люди, объятые бешенством демонов, ни видимая невыносимость взыскания, ни бедность, ни то, что это общий всех грех, ни обещание никогда более не делать подобного, и ни что другое не спасло виновных; но без всякой пощады они были отводимы на смерть, окруженные вооруженными воинами, которые наблюдали, чтобы кто-нибудь не освободил осужденных. Матери следовали издали, смотря на разлученных с ними детей, но оплакивать свое несчастье не смея, потому, что страх побеждал любовь, и боязнь одолевала природу. Как смотрящие с земли на подвергшихся кораблекрушению, сколько ни сожалеют, однако же, не могут придти и спасти утопающих; так и здесь матери, удерживаемые, как бы волнами какими, страхом от воинов, не только не смели подойти и освободить детей от наказания, но боялись и плакать. Понимаете ли вы отсюда, каково человеколюбие Божье? Как оно неизреченно, как беспредельно, как превышает всякое слово! Здесь оскорбленный и одинаковую имеет с нами природу, и только однажды во все время понес это оскорбление, и не лично, не в своем присутствии, не видя и не слыша; и, однако же, никто из виновных не получил прощения. О Боге же нельзя сказать ничего этого. Расстояние между человеком и Богом таково, что и самое слово не может выразить того, а терпит Он оскорбления каждый день, присутствуя при них, видя и слыша их; однако же, ни молнии не посылает, ни морю не велит выступить на землю и всех потопить, ни земле расступиться и поглотить всех, оскорбивших Его, – но сносит и долготерпит, и обещает даже прощение оскорбителям, если только они покаются и дадут обещание впредь не делать этого. Поистине прилично теперь воскликнуть: «кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его» (Псал. 105:2)? Сколь многие не только ниспровергли, но и попрали образы Божьи? Потому что, когда ты душишь должника, когда грабишь, когда влачишь его, то попираешь образ Божий. Послушай, как говорит Павел, что «муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия» (1 Кор. 11:7), и еще, как говорит сам Бог: «сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1:26). Если скажешь, что человек неодинаковой природы с Богом, так что ж из этого? И медная статуя не одинаковой природы с царем, и, однако же, виновные преданы наказанию. Так и в отношении людей: пусть они и не одинаковой природы с Богом, как и в самом деле не одинаковой; но они названы образом (Божьим), и ради такого названия им надлежит воздать честь. А ты за малость золота попираешь их, душишь, влачишь, и доселе еще не понес никакого наказания.

7. Дай Бог, чтобы произошла какая-нибудь добрая и счастливая перемена. Я, однако же, предсказываю и объявляю, что, если и пройдет эта туча, а мы останемся при прежней беспечности, то нас постигнут бедствия еще более тяжкие, нежели те, каких мы теперь ожидаем. Да и теперь боюсь не столько гнева царского, сколько вашей беспечности. Чтобы получить нам прощение, не довольно помолиться два и три дня; надобно произвести перемену во всей жизни, и оставив порок, постоянно пребывать в добродетели. Как для больных, если они не ведут постоянно правильной жизни, нет никакой пользы от того, что они благоразумно проведут два или три дня; так и грешники, если не навсегда воздержатся от порока, ничего не получают от двухдневного или трехдневного исправления. Как, говорят, моющийся, потом опять марающийся в грязи не получает никакой пользы; так и кающийся в течение трех дней и опять возвратившийся к прежнему не сделал никакого успеха (в добродетели).

Не поступим же и теперь так, как мы всегда поступаем. Когда нас так часто постигали землетрясения, и голод, и засуха, мы делались на три и четыре дня скромнее и воздержаннее, а потом опять возвращались к прежнему: оттого и случилось настоящее несчастье. Но, если уже не прежде, по крайней мере, теперь будем постоянны в благочестии, сохраним навсегда одинаковую скромность, чтобы нам опять не иметь нужды в другом ударе. Разве Бог не мог предотвратить того, что случилось? Но Он допустил это, чтобы страхом от со-раба более вразумить и смирить оскорбляющих Его. И никто не говори мне, что многие из виновных укрылись, а многие из невинных схвачены; и это, слышу я, часто многие говорят не только во время настоящего волнения, но и при многих других подобных обстоятельствах. Что же сказать говорящим это? – То, что если схваченный и невинен в настоящем возмущении, однако же, когда-нибудь сделал другой более тяжкий грех, и, поелику не исправился впоследствии, то и наказан теперь. Так обыкновенно поступает Бог: когда мы грешим, Он не тотчас карает за преступления, но отлагает наказание, давая нам время для покаяния, чтобы мы исправились и переменились. Но, если из того, что мы не наказаны, заключим, что грех уже изглажен, и предадимся беспечности; то после этого нас непременно постигнет наказание там, где мы и не ожидаем. А это бывает для того, чтобы мы когда согрешим и не будем наказаны, не оставались спокойными, доколе не переменимся, зная, что непременно подвергнемся наказанию там, где мы и не ожидаем. И потому, возлюбленный, если ты согрешишь и не будешь наказан, не надмевайся этим, но тем более страшись, зная, что для Бога всегда, когда только захочет, легко воздать тебе. Тогда Он не наказал тебя для того, чтобы дать тебе время для покаяния. Не будем же говорить, что такой-то невинный схвачен, а другой виновный укрылся. Невинный, который теперь схвачен, получил, как я сказал, наказание за другие грехи; а укrywшийся теперь, если не исправится, впадет в другую сеть. Если мы будем так рассуждать, то никогда не забудем о своих грехах, но, всегда страшась и трепеща как бы не подвергнуться когда-нибудь наказанию, легко будем вспоминать о них. Обыкновенно ничто так не напоминает о грехе, как взыскание и наказание. Это видно из примера братьев Иосифа. Хотя с тех пор, как они продали праведного, прошло тринадцать лет; но, опасаясь наказания и страшась за свою жизнь, они вспомнили о грехе, и один другому говорили: «точно мы наказываемся за грех против брата нашего» Иосифа (Быт. 42:21). Видишь, как страх напомнил им о том преступлении. Когда они совершили грех, не чувствовали этого; а когда ждали наказания, вспомнили (о грехе).

Зная все это, переменим и исправим свою жизнь, и, прежде избавлены от гнетущего нас бедствия, позаботимся о благочестии и добродетели. А между тем я хочу предложить вам три заповеди, которые выполнили бы вы во время поста: никого не злословить, ни с кем не быть во вражде и совершенно изгнать из уст злую привычку клясться. Как всякий, услышав, что наложена подать, спешит домой, и, призвав жену, детей и рабов, думает с ними и советуется, чем бы ему уплатить этот налог; так сделаем и мы в отношении этих духовных заповедей. Каждый, возвратившись домой, призови жену и детей, и скажи, что сегодня наложена подать духовная – подать, от которой будет зависеть освобождение и избавление от настоящего бедствия, – подать, которая платящих делает не бедными, но более богатыми; вот она: ни с кем не быть во вражде, никого не злословить и отнюдь не клясться. Подумаем, позаботимся, посоветуемся, как бы нам выполнить эти заповеди; приложим все старание, будем друг другу напоминать, друг друга исправлять, чтобы перейти нам туда должниками, и потом, когда будет нам нужно занять у других, не подвергнуться участи глупых дев, и не лишиться вечного спасения. Если так настроим свою жизнь, даю вам слово и обещаю, что за это будет конец и настоящему бедствию и избавление от этих зол, и, что всего важнее, наслаждение вечных благ. Надлежало бы внушить вам исполнений всех добродетелей; но считаю наилучшим способом исправления то, чтоб исполнять заповеди по частям, принимаясь сперва за одну, потом переходить к другим. Как земледелец с наступлением полевых работ распахивает на поле одну часть за другой, и, таким образом, доходит до конца; так и мы, если положим себе такой закон, чтобы в настоящую

четыредесятницу исполнить в точности эти три заповеди, то, без сомнения, твердо укоренив в себе добрую привычку, с большей легкостью перейдем и к прочим заповедям, и достигнув самой вершины любомудрия, и настоящую жизнь проведем с благой надеждой, и в будущей предстанем Христу с великим дерзновением, и получим неизреченные блага. Чего да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ Увещание к народу о твердости и терпении примерами Иова и трех отроков и о воздержании от клятв

БЛАГОСЛОВЕН Бог, утешивший ваши скорбящие души, успокоивший ваши мятущиеся мысли! А что вы получили достаточное утешение, это показали вы своим усердием и ревностью к слушанию, потому что душа скорбящая и объятая облаком печали не может с охотой слушать наставлений, а вы, я вижу, внимаете мне с великою охотой и с полным усердием, отрясши всю печаль и любовь к слушанию отогнав настоящую скорбь. Потому благодарю Бога, вместе с вами, это несчастье не одолело вашего любомудрия, страх не ослабил вашей бодрости, скорбь не погасила вашей ревности, опасность не охладила вашего рвения, страх от людей не победил вашей любви к Богу, тяжкое время не сокрушило вашего усердия, – и не только не сокрушило, но еще укрепило, не только не ослабило, но еще усилило, не только погасило, но еще более воспламенило. Опустела площадь, но наполнилась церковь; та возбуждает печаль, эта подает радость и духовное веселье. И потому, возлюбленный, когда ты выйдешь на площадь, и вздохнешь, увидев ее пустою, прибегни к матери, – и она тотчас утешит тебя множеством своих чад, покажет тебе полный лик братьев и прогонит от тебя всякую печаль. В городе мы ищем людей, как будто живем в пустыне, а когда прибегаем в церковь, нас объемлет многолюдство. Когда море волнуется и ярится от сильной бури, страх принуждает всех убегать оттуда в пристань; так и теперь волны площади и буря города заставляют всех стекаться отовсюду в церковь, и связуют членов между собою союзом любви. Возблагодарим же Бога и за то, что от скорби мы получили такой плод, что искушение доставило нам такую пользу. Не будь искушения, не было бы и венца; не будь подвигов, не было бы и наград; не будь борьбы, не было бы и почестей; не будь скорби, не было бы и утешения; не будь зимы, не было бы и лета. И это можно видеть не только на людях, но и на самых семенах. И здесь, чтобы мог вырасти тучный колос, нужны – большой дождь, большое скопление облаков, большой холод: время сеяния есть вместе и время дождя. И теперь, когда настало ненастье не в воздухе, а в душах, посеем и мы, во время этого ненастья, чтобы пожать летом; посеем слезы, чтобы пожать радость. Не я говорю это, но возвещает пророк: «сеявшие со слезами будут пожинать с радостью» (Пс. 125:5). Не столько дождь, падающий на семена, помогает им прозябать и возрастать, сколько дождь слезный возвращает и приводит в зрелость семя благочестия; он очищает душу, орошает ум и помогает быстро возрастать семени учения. Для этого надобно проводить и глубокою борозду, к чему убеждает и пророк, говоря так: «распахните себе новые нивы и не сейте между тернами» (Иер. 4:3). Как земледелец глубоко разрывает землю плугом, приготавливая надежное хранилище для семян, чтобы они, будучи посеяны, не оставались на поверхности, но скрывались в самых недрах земли и безопасно пускали корни: так и нам должно делать, и скорбью, как бы плугом, разрыть глубину сердца. К этому убеждает и другой пророк, говоря: «раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши» (Ио. 2:13). Расторгнем же сердца, чтобы если в нас есть какое-нибудь худое растение и лукавый помысл, исторгнуть его с корнем и очистить нивы для семян благочестия. Если теперь не обновим (ниву), если теперь не посеем, если теперь не прольем слез, когда у нас скорбь и пост, – в какое же другое время предадимся сокрушению? Ужели во время покоя и веселья? Но это невозможно, потому что покой и веселье обыкновенно ведут к беспечности,

тогда как скорбь приводит к заботливости и заставляет душу, рассеянную вовне и развлеченную многими предметами, обращаться к самой себе. Не будем же унывать из-за настоящего бедствия, но еще возблагодарим Бога, потому что много пользы от скорби. Земледелец, посеяв семена, собранные им с большим трудом, молится о том, чтобы пошел дождь; и незнающий дела с изумлением будет смотреть на все это, и, может быть, скажет сам в себе: что такое делает этот человек? Он разбрасывает то, что собрал, и не только разбрасывает, но еще весьма старательно смешивает с землею, так, чтобы нельзя было и собрать легко; и не только смешивает с землею, но еще и молится, чтобы пошел сильный дождь, и чтобы все посеянное сгнило и превратилось в грязь. И беспокоится такой человек, видя, как раздаются грома и ниспадают молнии. А земледелец не так: напротив, радуется и ликует, видя ненастье, потому что смотрит не на настоящее, но ожидает будущего, думает не о громах, но о снопах, не о гниющих сменах, но о зеленеющих колосьях, не о сильном дожде, но о приятнейшей для него пыли на гумне. Так и мы будем смотреть не на скорбь и печаль настоящую, а на пользу, которая из нее происходит, на плод, который она рождает. Будем ожидать снопов на гумне: потому что, если станем бодрствовать, то можем собрать за это время много плодов и наполнить житницы нашей души. Если станем бодрствовать, то не только не потерпим никакого зла от этой скорби, но и получим неисчислимыя блага. Если же будем беспечны, то и покой нас погубит. Беспечному то и другое вредит, а старательному и то и другое приносит пользу. Как золото сохраняет свой блеск и тогда, когда лежит в воде, и еще светлее делается, когда брошено в горнило, напротив глина и сено, и упав в воду, первая расплывается, а последнее гниет, попав же в огонь, первая засыхает, а последнее сгорает: так и праведник и грешник, – первый, и наслаждаясь покоем, остается светлым как золото, погруженное в воду, и подвергшись искушению, делается еще светлее, как золото, испытываемое огнем, а грешник, и вкушая покой, расплывается и гниет, как сено и глина, брошенные в воду, и подвергшись искушению, сгорает и гибнет, как сено и глина от огня.

2. Не будем же сетовать о настоящем бедствии. Если у тебя есть грехи, они легко истребятся и попалятся скорбью. Если же у тебя есть добродетель, от скорби она сделается светлее и блистательнее. Если станешь непрестанно бодрствовать и трезвиться, то, будешь выше всякого вреда, потому что причиною падений, обыкновенно, бывает не свойство искушений, а беспечность искушаемых. Итак, если хочешь быть веселым и наслаждаться покоем и удовольствием, – не удовольствия ищи, и не покоя, но старайся, чтобы душа твоя обладала мужеством и была способна к терпению, потому что, если не будешь иметь этих качеств, тебя не только победит искушение, но еще скорее погубит и низложит покой. А дабы увериться, что не удар бедствий, а беспечность нашей души разрушает наше спасение, послушай, что говорит Христос: «всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7:24–27). Видишь, что не удары искушений, а неразумие строителей было причиною падения, потому что и там дождь и здесь дождь; и там реки и здесь реки; и там напоры ветров и здесь то же самое; и тот строил и этот строил; то же строение и те же искушения, но неодинаков конец, потому что неодинаково основание. Таким образом, не свойство искушений, а неразумие строившего было причиною падения. Иначе бы должен был упасть и дом, построенный на камне; но вот он не потерпел ничего такого. Но не думайте, что это сказано о доме: речь идет о душе, которая, слушая слово Божие, делами или подтверждает его, или отвергает. Так устроил дом своей души Иов: «пошел дождь», то есть, ниспал с неба огонь и истребил все стада; «разлились реки» – частые, непрерывные, один за другим следовавшие вестники бедствий, которые говорили о гибели: один – стад, другой –

верблюдов, третий – детей; «подули ветры» – жестокие слова жены: «похули», говорила она, «Бога и умри» (Иов. 2:9); «и он не упал» – не преткнулась душа, не произнес хулы праведник, но еще возблагодарил и сказал: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1:21). Видишь ли, что не свойство искушений, а небрежность беспечных, обыкновенно, бывает причиною падения? А крепкого скорбь делает еще более крепким. Кто сказал это? – Воспитанный в скорби, блаженный Павел; он так говорил: «от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда» (Рим. 5:3–4). Как крепких деревьев не вырывают с корнем порывы ветра, сколько бы ни устремлялись на них, ни нападали со всех сторон; напротив делают их через эти порывы еще более твердыми и крепкими: так и душу святую и живущую благочестиво напирание порывы искушений и скорбей не низвергают, но возбуждают еще к большему терпению, как и блаженного Иова сделала она более славным и досточтимым. Теперь человек гневается на нас, – человек подобострастный и имеющий такую же, как и мы, душу, – и мы страшимся; а тогда злобствовал на него демон коварный и лютей, и не просто злобствовал, но еще воздвиг всякие козни, употребил все лукавство, – и все-таки никак не одолел доблестного праведника. Царь, как человек, сегодня гневается, а завтра престаёт от гнева, тем не менее мы умираем от страха; а тогда враждовал дьявол, который никогда примиряется с человечеством, но ведет с нашим родом брань непримиримую и войну нескончаемую, и тем не менее праведник посмеялся над его стрелами. Какое же мы можем иметь извинение, или какое прощение, когда не переносим человеческого искушения, мы – благодатью наученные такому любомудрию, тогда как он, еще до благодати, в ветхом завете, так доблестно выдержал ту тяжкую борьбу?

Будем же, возлюбленные, всегда беседовать между собою об этом, и такими беседами наставлять друг друга. Вы и ваша совесть свидетели, сколько пользы получили мы от настоящего испытания. Невоздержный сделался теперь целомудренным, дерзкий более скромным, беспечный заботливым; никогда не видевшие церкви, но проводившие все время на зрелищах, теперь по целым дням находятся в церкви. Ужели ты, скажи мне, скорбишь о том, что Бог посредством страха сделал тебя старательным, чрез скорбь привел тебя к мысли о своем спасении? Но твоя совесть мучится, но твое сердце терзается каждый день, ожидая смерти и лютейшей казни? И от этого будет у нас великое приращение в добродетели, так как скорбью увеличивается наше благочестие. Бог может и сегодня же прекратить все бедствия; но Он не прекратит скорби, пока не увидит, что мы очистились, пока не увидит, что в нас произошла перемена и (наступило) покаяние твердое и непоколебимое. И золотых дел мастер не вынимает золота из горна, пока не увидит, что оно хорошо не очистилось. Так и Бог не ответит этой тучи, пока совершенно не исправит нас. Попустивший испытание сам знает и время, когда положить конец испытанию. Играющий на цитре и не слишком натягивает струну, чтобы не оборвать ее, и не ослабляет чрез меру, чтобы не расстроить гармонического созвучия; так поступает и Бог: не оставляет нашей души ни в постоянном покое, ни в продолжительной скорби, устраивая то и другое по Своей мудрости. Он не попускает нам наслаждаться всегда покоем, чтобы мы не сделались беспечнее; но не попускает также быть и в непрерывной скорби, чтобы мы не упали духом и не пришли в отчаяние.

3. Итак, Ему предоставим время прекращения бедствий, а сами будем только молиться, сами будем жить благочестиво; потому что наше дело обратиться к добродетели, а прекратить бедствия – дело Божие. Бог сильнее, чем ты, подверженный испытанию, хочет погасить этот огонь, но Он ожидает твоего спасения. Поэтому, как от покоя произошла скорбь, так и от скорби надобно ожидать покоя. Не всегда зима, и не всегда лето; не всегда волны, и не всегда тишина; не всегда ночь, и не всегда день: так и не всегда скорбь, но наступит и покой, если только мы будем, во время скорби, непрестанно благодарить Бога. Три отрока были ввергнуты в печь и, несмотря на это, не забыли благочестия, их не устрасил пламень, но, объятые огнем, они усерднее сидящих в чертоге и не терпящих никакого зла воссылали священные те

молитвы. Потому огонь сделался для них стеною, пламень – одеждою, и печь – источником; приняв их связанными, она возвратила их разрешенными: приняла тела смертные и не коснулась их, как бессмертных; не познала природы, но почтила благочестие. Мучитель связал ноги, а ноги связали силу огня. О чудное дело! Узников разрешил пламень, и сам потом был связан узниками. Благочестие отроков изменило природу вещей, а лучше сказать – не природу изменило, но, что еще удивительнее, не изменяя природы, остановило (ее) действие. Оно не угасило огня, но заставило его, и горя, не оказывать своей силы, и, что также чудно и дивно, это случилось не только с телами святыми, ни и с их одеждою и обувью. Как у апостолов – одежды Павла прогоняли болезни и демонов, и тень Петра обращала в бегство смерть; так и здесь обувь этих отроков погасила огонь. Не знаю, как и сказать, потому что чудо превышает всякий рассказ. Огонь и угасал и не угасал; потому что, когда прикасался к телам святых отроков, тогда угасал, а когда надобно было расторгнуть оковы, не угасал; и оковы расторг, но пят не коснулся. Видишь, какое совпадение. Огонь и не потерял своей силы, и не дерзнул идти далее оков. Сковал мучитель, а разрешил пламень, чтобы узнал ты и свирепость варвара, и покорность стихии. Для чего же мучитель сковал их, вознамерившись ввергнуть в огонь? – Чтобы чудо было величественнее, чтобы знамение было удивительнее, чтобы происходящего не принял ты за обман глаз. Если бы этот огонь не был огнем, то не сжег бы оков, и, что еще более, не попалил бы воинов, которые были вне печи. Но теперь он на бывших вне показал силу, а на бывших внутри обнаружил свою покорность. А ты примечай везде, как дьявол тем, чем вооружается против рабов Божиих, разрушает собственную силу, не по своей воле, но потому, что премудрый и благоустроющий Бог обращает его оружие и хитрости на его же голову, – что и здесь случилось. Дьявол, по внушениям которого действовал тогда мучитель, не попустил ни обезглавить святых мечом, ни предать их зверям, ни казнить другим каким-либо подобным способом, но внушил ввергнуть их в огонь, чтобы не сохранились даже и останки святых отроков, когда уничтожатся их тела и их пепел смешается с пеплом дров. Но Бог это самое обратил к низложению нечестия, и вот каким образом.

Огонь у персов признается богом, и варвары, живущие в той стране, еще и теперь воздают ему поклонение. И потому Бог, желая низложить нечестие в самом основании, попустил такой род казни, чтобы даровать победу своим рабам пред глазами всех поклонников огня, и убедить их самым делом, что боги язычников боятся не только Бога, но и рабов Божиих.

4. Еще заметь, как неприятели сплетают венец победный, как сами враги делаются свидетелями торжества! «И послал», говорит Писание, «Навуходоносор собрать сатрапов, наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, блюстителей суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на торжественное открытие истукана, которого поставил царь Навуходоносор. И собрались» [все] (Дан. 3:2–3). Враг составляет зрелище, сам собирает зрителей, сам назначает состязание; и (составляет) зрелище не из случайных, не из простых людей, не все из почетнейших и начальствующих, чтобы свидетельство их было более достоверно для народа. Созваны были все для одного, а увидели другое; пришли поклониться истукану, а ушли с презрением к нему, быв поражены Божьей силой, открывшейся в чудесных событиях с отроками. И заметь: где было устроено зрелище. Не в городе, и не в каком-нибудь селении, но на полях ровных и открытых устроится это публичное зрелище. На поле Деире, вне города поставлен был истукан, и вестник, всюду проходя, взывал: «объявляется вам, народы, племена и языки: в то время, как услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии и всяких музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, которого поставил царь Навуходоносор» (и в самом деле, поклониться идолу значило: пасть); «а кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем» (Дан. 3:4–6). Видишь, какая трудная борьба, какая непреодолимая сеть, какая глубокая пропасть и стремнина с той и другой стороны! Но не бойся: чем больше козней употребит враг, тем более обнаружит он мужество отроков. Для того приготовлено было согласие столь многих музыкаль-

ных орудий, для того разожженная печь, чтобы душами зрителей овладело или удовольствие, или страх. Тверд и непреклонен кто из предстоящих? Пусть смягчит его, говорил мучитель, очаровательная мелодия стройной музыки. Стоит он выше этой сети? Пусть же устрашит и поразит его вид пламени. Так действовал и страх и удовольствие: удовольствие вкрадывалось в душу посредством слуха, страх посредством зрения. Однако же ни то, ни другое не победило мужества отроков; но как вверженные в огонь, они одолели пламень, так посмеялись и над всяким удовольствием и страхом. Все это для них приготовил дьявол, потому что не сомневался в подданных царя, напротив был твердо уверен, что никто из них не воспротивится царскому повелению. Но когда все пали и были побеждены, тогда выводятся на середину одни отроки, чтобы и от этого самого победа была блистательнее, – что они побеждают и являются торжествующими среди такого множества народа. Не так было бы удивительно, если бы они показали мужество, явившись первыми, пока никто еще не преткнулся. Но то весьма велико и чудно, что множество падших не устрашило и не ослабило их; и не сказали они друг другу что-нибудь такое, что многие привыкли часто говорить: если бы мы первые и одни решились поклониться истукану, то наш поступок был бы достоин обвинения, если же мы делаем это вместе с столь многими тысячами, то кто не простит, кто нас не сочтет достойными извинения? Нет, увидев падения столь многих своих мучителей, ничего такого и не сказали, и не подумали они. Посмотри и на злобу обвинителей, как они и хитро и жестоко обвиняли отроков: «Есть», говорят они, «мужи Иудейские, которых ты поставил над делами страны Вавилонской» (Дан. 3:12). Не просто напомнили об их происхождении; но упомянули и о почести, для того, чтобы воспламенить в царя гнев; они как бы так говорили: рабов, пленных, лишенных отечества, сделал ты нашими начальниками, а они и эту честь презирают, и оскорбляют того, кто удостоил их такой чести. Поэтому говорят: «эти мужи не повинуются повелению твоему, царь, богам твоим не служат и золотому истукану, которого ты поставил, не поклоняются» (Дан. 3:12). Обвинение это – величайшая похвала; укоризны эти – одобрение и свидетельство несомненное, потому что его представляют сами враги! Что же царь? Он повелел вывести их на середину, чтобы устрашить всячески; но ничто не поколебало их, ни гнев царя, ни то, что они одни стояли отдельно среди такого множества, ни вид огня, ни трубные звуки, ни то, что все смотрели на них сверкающими, как огонь, глазами; но посмеявшись над всем этим, они, как бы собираясь броситься в струи прохладного источника, вошли в печь, произнося блаженные эти слова: «богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся» (Дан. 3:18). Не без цели рассказал я эту историю, но для того, чтобы убедились вы, что ни гнев царя, ни коварство воинов, ни зависть врагов, ни плен, ни пустыня, ни огонь, ни печь, ни тысячи бедствий, – ничто не может победить или устрашить праведника. Если там, где царь был нечестивый, отроки не устрашились гнева мучителя; тем более мы, у коих царь человеколюбивый и кроткий, должны не унывать, а благодарить Бога за эту скорбь, узнав из сказанного, что скорби делают более славными, и пред Богом и пред людьми, тех, которые умеют переносить их мужественно. Если бы отроки не сделались рабами, мы не узнали бы и об их свободе; если бы они не сделались пленниками, мы не уразумели бы благородства их души; если бы они не лишились дольного отечества, мы не узнали бы, что они по добродетели достойны отечества горнего; если бы на них не разгневался земной царь, мы не уразумели бы благоволения к ним Царя небесного.

5. Посему и ты, если Он благоволит к тебе, не отчаивайся, хотя бы ввергли тебя и в печь; а если Он гневается, не предавайся самонадеянности, хотя бы ты был в раю. Адам и в раю был, но как прогневал Бога, то и рай ничего не помог ему; отроки были в печи, но как благоугодили (Богу), что и печь не причинила им вреда. Адам был в раю, и – пал, потому что сделался беспечным; Иов сидел на гноище, – и победил, потому что был бдителен. Во сколько раз рай лучше гноища?.. Однако же превосходство жилища не помогло обитателю, когда он сам предал себя, точно так, как и нечистота места не повредила тому, кто со всех сторон огражден был добро-

детелью. Укрепим же и мы свою душу, и тогда будем блаженнее всех, хотя бы достигла нас потеря богатства и даже смерть, только бы никто не похитили у нас благочестия. Это заповедал и Христос, говоря: «будьте мудры, как змии» (Мф. 10:16). Как змей готов потерять все тело, только бы спасти голову; так и ты не унывай, хотя бы тебе пришлось потерять богатство, хотя бы тело, хотя бы настоящую жизнь, хотя бы все, только бы сохранить благочестие: потому что если с ним отойдешь, Бог все возвратит тебе в большем блеске – и тело воскресит в большей славе, и вместо богатства даст такие блага, которых не может выразить никакое слово. Иов не нагой ли сидел на гноище, проводя жизнь, которая тягостнее тысячи смертей? Но так как он не оставил благочестия, то опять в преизбытке получил все прежнее, – здоровье и красоту тела, весь состав детей, имущество и, что всего важнее, блистательный венец терпения. Как бывает с деревьями, что, хотя бы кто и сорвал плод с листьями, хотя бы отсек все ветви, но, если останется корень, дерево снова вырастает в совершенной целости и еще большей красоте; так бывает и с нами: если останется корень благочестия, то, хотя бы отнято было богатство, хотя бы расстроилось тело, все опять возвращается нам с большей славой. Посему, оставив всякое беспокойство душевное и излишнюю заботливость, обратимся к самим себе, и украсим и тело и душу красотой добродетели, «представляя члены» нашего тела «в орудия праведности», а не «в орудия неправды» (Рим. 6:13); и прежде всего приучим язык быть служителем духовной благодати, извергнув из уст всякий яд злоречия и сквернословия. В нашей власти сделать каждый член свой орудием и лукавства и правды. Послушай, как они сделали свой язык орудием греха, а другие орудием правды: «язык» их «острый меч» (Пс. 56:5); а другой говорит о своем языке: «язык мой – трость скорописца» (Пс. 44:2). Тот язык совершил убийство, а этот написал Божественный закон, и потому тот был мечом, а этот – тростью, не по собственной природе, но по воле употреблявших; природа того и другого одна, но действие не одно. И в отношении к устам опять можно видеть то же самое. У одних уста были полны гнилости и лукавства, и поэтому обличающий их сказал: «уста» их «полны проклятия, коварства и лжи» (Пс. 9:28), а уста его самого не таковы; нет, – «уста мои изрекут премудрость, и размышления сердца моего – знание» (Пс. 48:4). У других, опять, руки были осквернены беззаконием, и, осуждая их, он опять сказал: «у которых в руках злодейство, и которых правая рука полна мздоимства» (Пс. 25:10); а у него самого руки ни в чем другом не упражнялись, как только в том, чтобы простираться к небу, почему он и сказал о них: «воздеяние рук моих – как жертва вечерняя» (Пс. 140:2). И в отношении к сердцу опять можно видеть то же самое. У тех сердце суетно, а у него истинно, и потому об их сердце он говорит: «сердце их – суетно» (Пс. 5:10), а о своем: «излилось из сердца моего слово благое» (Пс. 44:2). То же самое можно видеть и в отношении к слуху. Те имели слух зверский, безжалостный и неумолимый, и, осуждая их, он сказал: «как глухого аспида, который затыкает уши свои» (Пс. 57:5); а у него слух был вместилищем Слова Божия, что самое и показал он, говоря: «приклоню ухо мое к притче, на гусях открою загадку мою» (Пс. 48:5).

6. Итак, зная это, оградим себя со всех сторон добродетелью, и этим отвратим гнев Божий. Сделаем члены нашего тела орудиями правды; приучим и глаза, и уста, и руки, и ноги, и сердце, и язык, и все тело служить одной добродетели. Вспомним и о тех трех заповедях, о которых говорил я вашей любви, когда внушал ни с кем не быть во вражде, не говорить худо о ком-либо из оскорбивших вас, и изринуть из уст ваших греховную привычку клясться. О других двух заповедях поговорим в другое время, а в продолжение всей настоящей недели будем говорить вам о клятвах, полагая начало с заповеди более легкой. Совсем нетрудно победить привычку клясться, если захотим приложить хотя бы немного старания, делая друг другу напоминания, вразумления, замечания, а забывающих подвергая взысканию и ответственности. И что за польза нам воздерживаться от пищи, если не изгоним из души порочных привычек? Вот теперь целый день провели мы без пищи, а вечером поставим себе трапезу, непохожую на вчерашнюю, но уже другую, более скромную. Но может ли кто из нас сказать, что

он сегодня переменял и жизнь свою, как и трапезу, что отменил и порочную привычку, как и пищу? Не думаю. Что же нам за польза от поста? Поэтому убеждаю и не перестану убеждать, чтобы вы, взяв каждую заповедь отдельно, два-три дня употребляли на ее исполнение. Иные соревнуют друг другу в воздержания от яств, и вступают между собою в чудное состязание: одни целые два дня проводят без пищи, а другие, удалив с своего стола не только вино и масло, но и всякое варево, в течении всего Великого Поста употребляют только хлеб и воду. Так и мы станем состязаться друг с другом, чтоб искоренить употребление клятв: это полезнее всякого поста, это благодетельнее всякой строгой жизни. Покажем в воздержании от клятв такое же старание, какое прилагаем к воздержанию от пищи; иначе подвергнемся обвинению в крайнем неразумии, что не обращаем внимания на запрещенное, а выказываем всю заботливость о вещах безразличных. Не есть запрещено, но запрещено клясться; а мы, отказываясь от позволенного, посягаем на запрещенное. Поэтому прошу любовь вашу сделать какую-либо перемену, и начало ее показать нам отселе. Если настоящий пост проведем с такою ревностью, что в эту неделю вовсе перестанем клясться, в следующую погасим гнев, в ту, которая за нею наступит, искореним злословие, а в дальнейшую – исправимся и во многом другом; то, восходя этим путем выше и выше, мало-помалу достигнем самой вершины добродетели. Тогда и избегнем настоящей опасности, и умилостивим Бога; и возвратится в наш город многолюдство, и ныне убежавших научим вверять надежду нашего спасения – не местам безопасным, не какому-нибудь убежищу и уединению, но душевному благочестию и добрым нравам. Таким образом мы достигнем и земных, и небесных благ, которых да удостоимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, со святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ БЕСЕДА ПЯТАЯ Еще увещание к народу о мужественном перенесении угрожающего бедствия по примеру того, что случилось с Иовом и ниневитянами; и о том, что бояться должно не смерти, а греха; и о том, что, значит умереть худо; и о том, что нужно со всяким тщанием избегать клятв

ПОВЕСТВОВАНИЕ о трех отроках и печи вавилонской немало, кажется, утешило вчера любовь вашу; а еще более, пример Иова и гноище, которое славнее всякого царского престола, так как от воззрения на царский престол видевшим его нет никакой пользы, только кратковременное удовольствие, не приносящее никакой выгоды, от воззрения же на гноище Иова каждый получает великую пользу, великое вразумление и наставление в терпении. Поэтому многие ныне предпринимают дальний и морской путь, и с концов земли отправляются в Аравию, чтобы увидеть это гноище, и, увидев, облобызать землю, которая была поприщем подвигов этого венценосца, и приняла в себя кровь, драгоценнее всякого золота. Не столько блестит багряница, сколько блистало тогда это тело, обагренное не чужой, но собственной кровью. А раны его были драгоценнее всяких камней, потому что жемчужины сами по себе не приносят нам в жизни никакой пользы, и у владеющих ими не восполняют никакой существенной нужды, раны же те доставляют утешение во всякой скорби. И, дабы тебе увериться в истине этого, покажи тому, кто лишился законного и единственного сына, бесчисленное множество жемчужин: ты не облегчишь его несчастья и не уврачуешь скорби; но если напомним ему о ранах Иова, то легко можешь уврачевать такими словами: зачем печалишься, человек? Ты лишился одного только детища, а блаженный тот, потеряв целый сонм детей, поражен был и в самую плоть, и нагой сидел на гноище, обливаясь со всех сторон гноем, между тем как плоть его мало-помалу истаявала; а это был муж «непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов. 1:1), о добродетели коего свидетельствовал Бог. Если скажешь эти слова, то потушишь в сетующем

печаль и уничтожишь все горе, – и, таким образом, раны праведника оказываются полезнее жемчужин! Посему, вообразите и вы себе этого подвижника и представьте, что видите сами то гноище, и на этом гноище сидит он, – эта золотая статуя, осыпанная драгоценными камнями, и, как бы еще назвать, не знаю, – потому что не могу приискать столь дорогого вещества, которому бы можно было уподобить это окровавленное тело. Так плоть эта была несравненно драгоценнее всякого и самого дорогого вещества, и раны – светлее лучей солнечных. Лучи озаряют телесный взор, а те просвещают очи ума нашего; они же совершенно ослепляют дьявола. Вот почему дьявол, после того поражения, отступил, и – не являлся более. Ты же, возлюбленный, познай и отсюда, сколь велика бывает польза от скорби. Пока праведник был богат и наслаждался покоем, дьявол имел повод клеветать на него; хоть и ложно, однако же, мог сказать: «разве даром богобоязнен Иов» (Иов. 1:9)? А, как отнял у него все и сделал его бедным, то не смел уже и уст открыть. Пока Иов был богат, дьявол обещал бороться с ним, и грозил низринуть его; а как сделал его бедным, лишил всего, и поверг в крайнюю болезнь, тогда удалился. Пока тело его было здорово, дьявол поднимал на него руки, когда же покрыл ранами плоть его, то, побежденный, обратился в бегство.

Видишь, насколько для рассудительных бедность лучше и полезнее богатства, немощь и болезнь – здравия, искушение – спокойствия, и насколько более славными и сильными делают они подвижников! Кто видел, кто слышал о столь чудесном состязании? Обыкновенные борцы, лишь только поразят в голову своих противников, тотчас одерживают победу и получают венцы; а дьявол, когда поразил тело праведника, покрыл многоразличными язвами и довел до изнеможения, тогда-то и побежден был и отступил прочь; и хотя со всех сторон пронзил ребра его, однако не добился этим ничего, потому что не похитил хранившегося там сокровища, а для нас сделал его виднее, и сквозь эти отверстия дал всем возможность смотреть во внутренность (страдальца) и видеть все богатство его. Когда надеялся он одержать верх, тогда-то и удалился с великим стыдом, и не испустил более ни одного звука. Что случилось, дьявол? Для чего убегаешь? Разве не исполнилось все по твоему желанию? Разве не истребил ты его овец, волов, коней и мулов? Разве не погубил и всех его детей, и не изранил всей плоти? Для чего же убежал ты? А вот для чего, – отвечает он: хотя исполнилось все по моему желанию, но то, чего я особенно домогался и для чего сделал все прочее, не исполнилось: он не произнес хулы на Бога! Для того чтобы добиться этого, я и делал все другое; а как скоро этого не случилось, то мне нет никакой пользы от истребления его богатства, гибели детей и поражения его тела; вышло противное тому, чего я желал: своего противника я сделал более славным и блистательным. Убедился ли ты, возлюбленный, сколь велика польза от несчастья? Красиво было здоровое тело Иова; но стало еще прекраснее, когда изъязвлено было ранами: так, шерсть красива бывает и до окраски, но, сделавшись пурпуровой, получает неизъяснимую красоту и приятность. И если бы дьявол не обнажил Иова, мы не узнали бы доблести победителя; если бы не поразил тела его язвами, то изнутри не просияли бы лучи; если бы не посадил его на гноище, мы не узнали бы его богатства. Не столь блистателен царь, сидящий на престоле, сколь славен и блистателен был Иов, сидящий на гноище: после царского престола смерть, а после этого гноища царство небесное.

2. Размышляя обо всем этом, ободримся от овладевшего вами уныния. Эти истории предлагаю я вам не для того, чтобы вы хвалили речь мою, но чтобы подражали добродетели и терпению тех доблестных мужей; чтобы из самых дел узнали вы, что из всех зол человеческих один грех есть действительное зло, а не бедность, не болезнь, не обида, не злословие, не бесчестие и даже не смерть, – это, по-видимому, самое крайнее из всех зол. Эти бедствия для любопытствующих таковы только по имени, а не на самом деле: прогневать Бога и сделать что-либо Ему неуютное, – вот истинное несчастье! В самом деле, что страшного в смерти, скажи мне? То ли, что она скорее приводит тебя в тихую пристань и в ту безмятежную жизнь? Если и не умертвит тебя человек, то самый закон природы, в известный срок, разве не разлучит тела

с душой? Пусть теперь и не случится то, чего мы боимся; но это будет спустя немного. Говорю так не потому, чтобы ожидал я чего-либо страшного или печального, но потому, что стыдно мне за тех, кто боится смерти. Ожидаешь ты таких благ, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1 Кор. 2:9), и не спешишь насладиться ими, нерадишь и медлишь, и не только медлишь, но еще боишься и трепещешь? И как тебе не стыдно скорбеть из-за смерти, когда Павел вздыхал из-за настоящей жизни, и в послании к Римлянам говорил: «вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем» (Римл. 8:22–23)? И говорил это не в осуждение настоящего, но по сильному желанию будущего. Вкусил я, говорит он, благодати, и не терплю замедления; имею начаток духа, и стремлюсь к полному обладанию; восходил я на третье небо, видел неизреченную ту славу, видел царственное великолепие, узнал, чего лишаяюсь, пребывая здесь, и поэтому вздыхаю. Скажи мне, – если бы кто ввел тебя в царский дворец и показал сияющее на всех стенах золото и всякое другое благолепие, потом перевел бы тебя оттуда в хижину бедного, а через несколько дней обещал бы опять ввести в тот царский дворец и дать тебе там место для вседневного жительства: не стал ли бы ты скорбеть и тяготиться даже и в эти немногие дни? Так рассуждай и о небе и земле, и вздыхай с Павлом не из-за смерти, но из-за настоящей жизни. Так дай мне, говоришь ты, сделаться подобным Павлу, и – я никогда не стану бояться смерти. А что тебе, человек, препятствует сделаться подобным Павлу? Разве он был не беден? Разве не делатель палаток? Разве не простой человек? Если бы он был богат и благородного происхождения, бедные, призываемые к подражанию ему, конечно, могли бы отговариваться своей бедностью. Но теперь ты ничего такого сказать не можешь, потому что этот человек был ремесленник и снискивал себе пропитание ежедневными трудами. К тому же, ты в детстве наследовал от родителей благочестие, и с первых лет напитан Святым Писанием; а он был и богохульник, и гонитель, и обидчик, и разорял церковь, – но, несмотря на это, так внезапно изменился, что превзошел всех силой своей ревности, и – взывает: «будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11:1). Он подражал Господу, а ты не подражаешь и со-рабу, ты, который от юности воспитан в благочестии, – тому, кто уже впоследствии изменился и принял веру. Ужели не знаешь, что грешники, хотя и живут, мертвы, а праведники, хотя и умирают, живы? И это не мои слова, а приговор Христа, сказавшего Марфе: «верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Иоан. 11:25). Разве басня наше учение? Если ты христианин, то веруй Христу; если веруешь Христу, то покажи мне веру в делах. Как же ты покажешь веру в делах? – Если будешь презирать смерть: этим мы и отличаемся от неверных.

Они справедливо боятся смерти, потому что не имеют надежды на воскресение; но ты, идя лучшим путем и имея возможность любомудрствовать о надежде на будущее, какое найдешь оправдание, когда, веруя в воскресение, боишься смерти, подобно неверующим в воскресение? Но я боюсь, говоришь ты, не смерти; не умереть боюсь, но умереть худо, быть обезглавленным. Так неужели Иоанн умер худо, потому что был обезглавлен? И Стефан также худо умер, потому что побит камнями? И мученики все, по-вашему, умерли жалкой смертью, потому что одни огнем, а другие железом лишены жизни; одни брошены в море, другие со стремнин; а иные в челюсти зверей, и таким образом скончались? Умереть худо, человек, значит не насильственной смертью умереть, но умереть в грехах. Послушай, как любомудрствует об этом пророк. «Убьет грешника зло» (Псал. 33:22), – говорит он. Не сказал: насильственная смерть люта, но: «убьет грешника зло». И справедливо: потому что, по отшествии их отсюда – нестерпимое наказание, нескончаемые муки, червь ядовитый, огонь неугасающий, тьма крошечная, узы неразрешимые, скрежет зубов, скорбь, теснота и вечное осуждение.

3. Когда такие бедствия ожидают грешников, – какая будет им польза от того, дома ли и на постели своей они окончат жизнь? Равно как и праведникам не будет никакого вреда от того, что окончат настоящую жизнь от меча, или железа и огня, когда они имеют перейти к вечным благам. Поистине «убьет грешника зло». Такова была смерть того богача, который

показал презрение к Лазарю и, хотя окончил жизнь дома, на постели, в присутствии друзей, своей смертью, но, по отшествии, горел в огне и не мог найти там никакого утешения в благоденствии настоящей жизни. Не то с Лазарем: хотя он на дворе богача, среди псов, лизавших раны его, потерпел насильственную смерть (ибо, что может быть мучительнее голода?), но, по отшествии, стал там наслаждаться вечными благами, веселясь на лоне Авраама. Какой же был ему вред оттого, что он умер насильственно, и какая польза богачу оттого, что он умер ненасильственно?

Но мы, говоришь, боимся умереть не насильственно, а безвинно; боимся, не сделав ничего такого, в чем нас подозревают, быть наказанными наравне с уличенными в преступлении. Что говоришь? – скажи мне. Боишься умереть безвинно, умереть по делам – хочешь? И кто же будет так жалок и несчастен, что, когда бы предстояла ему незаслуженная смерть, захотел бы лучше умереть по делам? Если должно бояться смерти, то бояться той, которая постигает нас по делам: потому что умерший незаслуженно, через это самое входит в общение со всеми святыми. Большая часть благоугодивших Богу и прославившихся умерла незаслуженной смертью, и первым из них – Авель. Убит он не за то, что погрешил в чем против брата, или оскорбил Каина, но за то, что почитал Бога. А Бог попустил это, любя ли его, или ненавидя? Очевидно, что, любя и желая за столь несправедную смерть дать ему блистательнейший венец. Видишь, что должно бояться не насильственной и незаслуженной смерти, но смерти в грехах. Авель умер незаслуженно, Каин жил «стена и трясся» (Быт. 4:12): кто же, скажи, был блаженнее, – почивший ли в правде, или живущий в грехах, – умерший ли незаслуженно, или наказываемый по делам? Хотите, я скажу любви вашей, почему мы боимся смерти? Нас не уязвила любовь к царствию, не воспламенило желание будущих благ; иначе мы, подобно блаженному Павлу, презрели бы все настоящее; сверх того, мы не боимся геенны, и потому боимся смерти; не знаем нестерпимой тяжести тамошнего наказания, и потому боимся не греха, а кончины. Если бы тот страх поселился в душе нашей, то этот не мог бы войти в нее. И это попытаюсь объяснить не дальними какими-либо обстоятельствами, но здешними, – теми самыми, которые на этих днях случились с нами. Когда пришел от царя указ о собрании подати, которая оказалась несносной, все возмутились, все заспорили, начали досадовать и негодовать, и, встречаясь друг с другом, говорили: «нам жизнь не в жизнь; город разорен; никто не в состоянии вынести столь тяжкого налога!» – и все сокрушались, как будто доведены были до последней крайности. Потом, когда совершилось преступное дело; и некоторые непотребные и развратные люди, поправ законы, ниспровергли статуи, и всех вовлекли в крайнюю опасность, так что, раздражив царя, мы стали бояться теперь за самую жизнь, – нас уже не тревожит более потеря имущества, но, вместо всех тех речей, я слышу другие: «пусть царь возьмет наше достояние; мы охотно откажемся и от полей и от имений, – только бы обещал нам спасти хоть голое тело». Итак, пока не объял нас страх смерти, мы беспокоились о потере имущества; когда же произведены были те незаконные буйства, наступивший страх смерти изгнал скорбь о потере. Точно так, если бы обладал душами нашими страх геенны, не овладел бы нами страх смерти; но как в телах, когда постигнут нас две болезни, сильнейшая обыкновенно подавляет слабейшую, так и тут случилось бы. Если бы был в душе страх будущего наказания, он подавил бы всякий человеческий страх, так что, кто непрестанно будет памятовать о геенне, тот с улыбкой станет смотреть на всякую смерть; и это не только освободит его от настоящей скорби, но избавит и от будущего пламени. Кто всегда боится геенны, тот никогда не впадет в огонь геенский, потому что этот постоянный страх умудряет его. Позвольте мне теперь благовременно сказать вам: «братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы» (1 Кор. 14:20).

Мы действительно питаем детский страх, когда боимся смерти, а не боимся греха. Малые дети пугаются масок, а не боятся огня, и, если случится поднести их к зажженной свече, они, ничего не опасаясь, протягивают руку к свече и огню; ничтожная маска пугает их, а того, что, в самом деле, страшно – огня – они не боятся. Так и мы боимся смерти, которая есть ничтожная

маска, а не боимся греха, который действительно страшен и, подобно огню, пожирает совесть. И это, обыкновенно, происходит не от существа самого дела, но от нашего неразумия: так что, если мы рассудим, что такое смерть, то никогда не будем ее бояться. Что же такое смерть? То же, что снятие одежды: тело, подобно одежде, облекает душу, и мы через смерть слагаем его с себя на краткое время, чтобы опять получить его в светлейшем виде. Что такое смерть? Временное путешествие, – сон, который дольше обыкновенного. Поэтому, если боишься смерти, бойся и сна, если сокрушаешься об умерших, то сокрушайся о ядущих и пьющих: как это дело естественное, так и то. Не печалься о том, что бывает по закону природы, – печалься более о том, что происходит от злого произволения; не плачь об умершем, но плачь о живущем в грехах.

4. Хочешь, скажу и другую причину, по которой мы боимся смерти? Мы не живем, как должно, не имеем чистой совести. Будь это, – нас ничто не устрасило бы, ни смерть, ни голод, ни потеря имущества, ни другое что-либо такое. Живущему добродетельно ничто подобное не может повредить и лишить его внутреннего удовольствия, потому что кто питается благими надеждами, того ничто не может повергнуть в уныние. В самом деле, могут ли люди сделать что-либо такое, что мужа доблестного заставило бы скорбеть? Отнимут у него деньги? Но у него есть богатство на небесах. Выгонят из отечества? Но через это переселяют его в горный град. Наложат на него оковы? Но он имеет свободную совесть, и не чувствует внешних цепей. Умертвят тело? Но оно опять воскреснет. И как сражающийся с тенью и бьющий по воздуху никого не может поразить; так и враждующий против праведника сражается только с тенью, тратит свою силу, а тому не может нанести ни одного удара. Итак, дай мне только твердую веру в царствие небесное, и – умертви меня, ежели хочешь, сегодня же. Я поблагодарю тебя за смерть, потому что через нее ты скоро переселяешь меня к тем благам. Об этом-то особенно, говорят, и мы скорбим, что, задерживаемые множеством грехов, не достигнем тамошнего царствия. Так перестань плакать о смерти и плачь о грехах своих, чтобы загладить их. Для того и печаль, чтобы мы пользовались ею к уничтожению наших грехов, а не для того, чтобы скорбели о потере имущества, о смерти, или о чем-либо другом тому подобном. Что это так, объясню вам примером. Лекарства назначены для тех только болезней, которые могут они уничтожать, а не для тех, которым от них нет никакой пользы. Примерно скажу, чтобы речь моя была еще яснее: лекарство, которое может пользоваться только больные глаза, а не другую какую-либо болезнь, справедливо признаешь назначенным только для глазной болезни, а не для желудка, не для рук, и не для другого какого-либо члена. Переведем же речь на печаль и – найдем, что она ни в каких других обстоятельствах не помогает нам, а только исправляет грех: поэтому, очевидно, она и назначена только для уничтожения его. Разберем же каждое из приключаящихся нам бедствий, и, приложив к ним печаль, посмотрим, какая от нее польза. Потерял кто имущество? Опечалился он; но не вознаградил потери. Лишился кто сына? Поскорбел он; но не воскресил мертвого, и не принес пользы отошедшему. Потерпел кто побои, заушение, обиду? Предался он горести; но обиды не отвел от себя. Впал кто в немощь и в самую тяжкую болезнь? Стал он сокрушаться; но болезни не уничтожил, напротив еще усилил ее. Видишь, что ни в одном из этих бедствий печаль не помогает нисколько? Но согрешил кто, и опечалился: он уничтожил грех, загладил вину свою. Откуда видно это? Из слов Господа: говоря об одном грешнике, Он сказал: «за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца» (Ис. 57:17). Поэтому и Павел сказал: «ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние к спасению, а печаль мирская производит смерть» (2 Кор. 7:10). Посему, как видно из сказанного, если печаль не может вознаградить ни потери имущества, ни обиды, ни позора, ни побоев, ни болезни, ни смерти, ни чего-либо другого тому подобного, но только способствует к уничтожению греха и изглаживает его; то, очевидно, что для него одного она и назначена. Итак, не будем более скорбеть о потере имущества, но станем скорбеть тогда только, когда грешим. В этом случае великая польза от

скорби. Лишился ты чего? Не скорби: этим нисколько не пособишь. Согрешил? Скорби: это полезно. Вникни в разум и премудрость Божью. Два плода породил нам грех: скорбь и смерть. «В день, в который ты вкусишь от него», говорит Бог, «смертью умрешь» (Быт. 2:17), и к жене: «в болезни»⁴ «будешь рождать детей» (Быт. 3:16). Этими же двумя средствами (Бог) истребил и грех, и устроил так, что мать гибнет от чад своих. А что, подобно скорби, и смерть уничтожает грех, – это видно как из примера и учеников, так и из слов Павла к согрешающим: «от того многие из вас немощны и больны и немало умирает» (1 Кор. 11:30). Вы грешите, говорит, потому и умираете, дабы смертью загладились грехи. Почему и прибавил: «ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11:31–32). Как червь и рождается от дерева, и точит дерево, и как моль съедает шерсть, от которой и зарождается; так скорбь и смерть родились от греха и истребляют грех. Итак, не будем бояться смерти, но станем бояться только греха и о нем скорбеть. Это говорю я не потому, чтобы ожидал чего-либо страшного: нет, но потому, что желаю, дабы вы постоянно имели в себе этот страх, и самым делом исполняли закон Христов. «Кто не берет креста своего», говорит Господь, «и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Матф. 10:38). Сказал же так не для того, чтобы мы носили дерево на плечах, но чтобы всегда имели смерть перед своими глазами, как и Павел умирал каждодневно (1 Кор. 15:31), смеялся над смертью и презирал настоящую жизнь. Ты воин, и непрестанно стоишь в строю; а воин, который боится смерти, никогда не сделает ничего доблестного. Так и человек христианин, который боится опасностей, не сделает ничего великого и славного; напротив, его самого легко одолеть могут; смелый же и великодушный – неодолим и непобедим. И как три отрока, не убоившись огня, избежали огня; так и мы, если не будем бояться смерти, избегнем смерти. Они не убоились огня, потому что сгореть – не преступление; но убоились греха, потому что жить нечестиво – преступление. Будем подражать этим и всем подобным им праведникам; не станем бояться опасностей – и избегнем опасностей.

5. «Я не пророк и не сын пророка» (Амос. 7:14), однако же, верно знаю, что будет; и громко и ясно возглашаю, что если мы переменимся, попечемся сколько-нибудь о своей душе и отстанем от греха, то не будет нам ничего неприятного и печального. И это ясно знаю на основании человеколюбия Божия и того, как поступал Господь с людьми, с городами, племенами и целыми народами. Он угрожал и городу ниневитян, и сказал: «еще три дня⁵ и Ниневия будет разрушена» (Ион. 3:4). Что же – скажи мне, – превратилась Ниневия и город разрушен? Нет; а вышло противное: она восстала, сделалась еще славнее и, по истечении стольких лет, не потеряла своей славы; напротив, все еще и ныне воспевают Ниневию и удивляются ей за то, что с того времени она сделалась наилучшей пристанью для всех согрешающих, не попуская им впасть в отчаяние, но всех призывая к покаянию, и тем, что она сделала и чем заслужила милость Божью, убеждая никогда не отчаиваться в своем спасении, но вести жизнь добродетельную и питать благую надежду, и затем твердо верить, что все завершится счастливым исходом. В самом деле, кто, слыша о бывшем с ниневитянами, не ободрится, хотя бы он был самый беспечный человек? Так, Бог попустил лучше не исполниться Своему пророчеству, чем погнать городу. Впрочем (нельзя сказать, что), и пророчество не исполнилось. Если бы приговор не приведен был в исполнение тогда, как люди оставались в тех же грехах, то можно бы еще порицать предсказание; но если Бог перестал гневаться тогда, как они переменились и перестали грешить, то кто может еще обвинять пророчество и обличать во лжи предсказание? Бог и тогда сохранил тот закон, который от начала постановил Он всем людям через пророка. Какой же закон? «Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю

⁴ Везде, где в Септуагинте и славянском переводе стоит «три дня и Ниневия будет разрушена», в синод. переводе стоит «сорок дней».

⁵ Везде, где в Септуагинте и славянском переводе стоит «три дня и Ниневия будет разрушена», в синод. переводе стоит «сорок дней».

его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему» (Иер. 18:7–8). Сохраняя этот закон, Он спас исправившихся, и отступивших от беззакония избавил от своего гнева. Знал Он добродетель иноплеменников, потому и понуждал пророка спешить. И вот смутился город, услышав пророческий глас; но от этого страха не потерпел вреда, а еще получил пользу. Страх этот породил спасение; угроза отвела опасность; приговор о разрушении остановил разрушение (Ион. 3:4). О, чудное и изумительное дело! Приговор, угрожавший смертью, породил жизнь! Приговор, после того, как уже был произнесен, остался без исполнения, не так, как у мирских судей: у этих – произнести приговор, значит, привести его в исполнение, а у Бога, напротив, произнести приговор, значит, сделать его недействительным. Если бы приговор не был произнесен, грешники не услышали бы; а если бы не услышали, то не раскаялись бы, не отклонили бы наказания и не получили бы чудесного спасения. И как же не чудное дело, когда судья произносит приговор, а подсудимые уничтожают приговор покаянием? Они ведь не убежали из города, как мы теперь, но остались и тем укрепили его. Он был западней, а они сделали его оплотом; был рвом и пропастью, а они превратили его в охранную башню. Слышали они, что падут здания – и не убежали от зданий, но убежали от грехов; никто не оставил своего дома, как мы теперь, но каждый оставил злой путь свой. Неужели, в самом деле (говорили они), стены породили гнев Божий? Мы виновники раны, – мы же должны и врачевство приготовить. Поэтому ниневитяне вверили свое спасение не перемене мест, но перемене нравов.

6. Так поступили и иноплеменники: а мы не стыдимся и не краснеем оттого, что, тогда как те переменили свои нравы, мы меняем только места, делаем дела, свойственные людям нетрезвым, и выносим свое имущество? Господь гневается на нас, а мы, не заботясь отвратить гнев Его, носимся всюду со своим именем и бродим, отыскивая места, где бы положить его; между тем как следовало бы поискать такого места, где бы положить свою душу, а лучше бы и этого не искать, но поручить безопасность ее добродетельной и честной жизни. Мы сами, если бы разгневались и вознегодовали на слугу, а он вместо того, чтобы оправдать себя в виду этого гнева, ушел бы в свою комнату и, собрав и связав все платья и домашние вещи свои, порешил бежать, – мы сами не перенесли бы благодушно такой дерзости. Бросим же неблагоприятную заботливость и скажем, каждый о себе, к Богу: «куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу» (Псал. 138:7)? Поревнуем любознательности иноплеменников: они покаяться при неизвестности прощения, потому что в приговоре не было прибавлено, что, если обратитесь и покаетесь, оставлю в целости города; но просто сказано: «еще три дня, и Ниневия будет разрушена» (Ион. 3:4). Что же они? «Кто знает», говорят, «может быть пожалует Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на нас» (Ион. 3:9-10)? – «Кто знает»? Не знают исхода дела – и не пренебрегают покаянием; не знают свойства человеколюбия Божия – и при такой неизвестности переменяются! Они, в самом деле, не могли посмотреть на других ниневитян, которые бы покаяться и спаслись; не читали пророков, не слышали патриархов, не получали ни совета, ни наставления, и не были убеждены в том, что могут несомненно умолюбить Бога покаянием. Этого не было и в угрозе: но хотя они недоумевали и не были уверены в этом, однако покаяться со всей искренностью. Какое же будет оправдание нам, когда они, не будучи уверены в исходе, показали такую перемену, а мы, которые уверены в человеколюбии Божьем, часто получали много залогов Его попечения, слушали и пророков и апостолов, и научены самыми делами, не поревнуем сравняться с ними в добродетели? Велика и добродетель этих людей, но гораздо больше человеколюбие Божье, и – это можно видеть из самой великости угрозы. Бог для того и не прибавил к приговору: «если покаетесь, пощажу», чтобы самой неопределенностью приговора увеличить страх, а, увеличив страх, скорее побудить к покаянию. Пророк стыдится, предвидя будущее и полагая, что не исполнится предсказание; но Бог не стыдится, а ищет только одного – спасения человеческого, и исправляет раба своего. Когда (Иона) взошел на корабль, Бог тотчас взволновал море: из этого видишь, что где грех, там буря, где непокор-

ность, там волнение; как за грехи ниневитян колебался город, так за непокорность пророка колебался корабль. И вот корабельщики бросили Иону в море, и корабль перестал колебаться: потопим же и мы свой грех, и город наверно успокоится! Итак, нам нет никакой пользы в бегстве, подобно тому, как и Ионе бегство не помогло, но еще повредило. Он убежал с земли, но не убежал от гнева Божия. Убежал с земли, и навел бурю на море, и не только сам не получил от бегства никакой пользы, но и тех, кои приняли его, подверг крайней опасности. Когда он плыл на корабле, и с ним были и корабельщики, и кормчие, и все корабельные снаряды, тогда-то и подвергся крайней опасности: а как брошен был в море, и, заглотив грех этим наказанием, упал в подвижной корабль, т. е. в чрево кита, тогда стал наслаждаться великой безопасностью. Из этого узнай, что, как живущему в грехе не помогает и корабль, так свободного от греха и море не потопляет, и звери не пожирают. Взяли его волны, и не задушили; взял кит, и не умертвил; напротив, и животное и стихия возвратили Богу залог в целости. И все это вразумляло пророка быть человеколюбивым и кротким, а не показать жестокосердие неразумных мореплавателей, свирепых волн и зверей. Да и мореплаватели выбросили его не тотчас, при первой опасности, но уже в крайней необходимости; и море и зверь сберегли его с великой заботливостью, – потому что все это происходило по устройению Божьему. И вот он возвратился, проповедал, произнес угрозу, убедил, спас, устрашил, исправил, обезопасил одной только первой проповедью. Не требовалось много дней и продолжительного увещания: он сказал только несколько простых слов – и всех привел в раскаяние. Бог не прямо с корабля привел его в город, но корабельщики передали его морю, море – киту, кит – Богу, Бог – ниневитянам, и таким долгим путем возвратил Он беглеца, научая этим всех, что руки Божьей избежать невозможно, что, куда бы кто ни ушел, нося с собой грех, – потерпит бесчисленные бедствия, и хотя бы не было ни одного человека, – сама природа со всех сторон восстанет против него с великой силой. Итак, не бегству вверим свое спасение, но перемене нравов. Неужели Бог гневается на тебя за то, что ты находишься в городе, чтобы тебе бежать отсюда? Ты согрешил, – на это Он и гневается. Посему оставь грех и останови источник зла там, где причина раны: и врачи советуют лечить противное противным. Родилась от пресыщения лихорадка, – они врачуют эту болезнь воздержанием. От уныния заболел кто, – говорят, что веселье хорошее для него лекарство. Так должно поступать и в болезнях душевных. Беспечность наша возбудила гнев Божий, – отвратим его усердием и покажем полную перемену. Есть у нас великий помощник и сподобник – пост, а, сверх поста, настоящее бедствие и страх угрожающей опасности. Сделаем же теперь вовремя принуждение душе своей: мы легко можем склонить ее ко всему, чего не захотим. Боязливый и трепещущий, лишенный всяких удовольствий и живущий в страхе легко склоняется к любомудрию и с великой готовностью принимает семена добродетели.

7. Итак, склоним ее (душу) начать исправление избеганием клятв. Хотя я и вчера и третьего дня говорил вам об этом предмете, однако не перестану и сегодня, и завтра, и послезавтра, внушать то же. И что говорю, – завтра или послезавтра? Не перестану, пока не увижу, что вы исправляетесь. Если уже преступающие закон не имеют стыда, тем более мы, внушающие не преступать закон, не должны стыдиться постоянного увещания. Постоянное напоминание об одном и том же зависит не от говорящего, но от слушающих, которые требуют непрерывного наставления в простых и удобоисполнимых делах. Да и что может быть легче того, как не клясться? Это дело одной привычки, и не требует ни телесного труда, ни траты денег. Хочешь знать, как можно преодолеть эту болезнь, как освободиться от этой дурной привычки? Я укажу тебе средство, которым если воспользуешься, то наверно успеешь. Когда увидишь, что или сам ты, или кто из рабов или детей, или жена, подвержены этому пороку, и после неоднократных напоминаний не исправились, прикажи им лечь спать не ужинавши; наложи и на себя и на них это наказание: оно принесет не вред, а пользу. Таковы духовные наказания: они приносят и пользу и весьма скорое исправление. Язык, находясь в постоянной пытке, и без стороннего напоминания, получает достаточное вразумление, когда, например, бывает томим жаждой и

голодом; и – как бы ни были мы бесчувственны, однако, в течение целого дня вразумляемые тягостью этой пытки, не будем нуждаться еще в другом совете и наставлении. Вы одобряете слова мои? Так покажите на деле свое одобрение; иначе, какая будет польза от настоящего собрания? Если отрок каждый день ходит в школу, а между тем ничему не научается – ужели будет достаточным в наших глазах оправданием для него то, что он ежедневно ходит туда? Не выставим ли против него самым большим обвинением то, что он ходит туда каждый день и делает это без пользы? Так станем судить и о нас самих и скажем себе: столько времени ходим мы в церковь и причащаемся страшной и спасительной вечери; но если будем выходить отсюда все такими же, какими приходим, и не исправим ни одного из своих недостатков, – какая будет нам польза от хождения сюда? Многие дела делаются не ради их самих, но ради их последствий. Например: сеющий не для того сеет, чтобы только сеять, но чтобы и пожать, – так что, если этого не будет, сеющий потерпит убыток, сгноив понапрасну семена. Купец не для того плавает, чтобы только плавать, но чтобы через мореплавание умножить свое имение, – так что, если этого не будет, последует крайний убыток, и мореплавание купцов окажется вредным. Так будем рассуждать и о себе: и мы ходим в церковь не для того только, чтобы побывать здесь, но чтобы вынести отсюда великую и духовную пользу. Итак, если мы будем выходить отсюда без всякой пользы, то и усердие будет нам в осуждение. Дабы не случилось этого и нам не причинить себе крайнего вреда, – по выходе отсюда, рассуждайте, друзья между собой, отцы с детьми, господа со слугами, и старайтесь выполнить, что вам заповедано, чтобы когда опять сюда придете и услышите от нас наставление о том же предмете, не придти вам в стыд от упреков совести, но радоваться и веселиться, видя, что большая часть наставления вами уже исполнена. Но не здесь только будем так Любомудрствовать, потому что этого кратковременного наставления недостаточно для искоренения всего (худого): пусть и дома слышит об этом муж от жены, и жена от мужа; пусть между всеми будет взаимное соревнование в исполнении этого закона, и упредивший в исполнении пусть обличает не исполнившего, чтобы упреками сильнее возбудить его; а кто отстал и не исполнил, пусть смотрит на упредившего и старается скорее догнать его. Если будем думать и заботиться об этом, у нас скоро пойдут успешнее и другие дела. Ты позаботься о Божьем, и Бог попечется о твоём. Не говори мне: что если кто поставит нас в необходимость клясться? Что если он не поверит? Там-то особенно, где нарушается закон, и не должно помнить о необходимости; одна необходимость неизбежна – не оскорблять Бога. Между тем советую вот что: воздержись пока от ненужных клятв, произносимых без причины и без необходимости, дома, при друзьях, при слугах. Если отстанешь от этих клятв, то, для избежания прочих, не будешь уже иметь нужды во мне: тогда самые уста, приученные бояться и избегать клятв, хотя бы кто и тысячу раз заставлял (поклоняться), не позволят уже впасть в эту привычку. Как мы теперь, хотя с великим усилием и чрезвычайной настойчивостью устрашаем, угрожаем, увещеваем, советуем, однако же, едва ли успели приучить (ваши) уста к другой привычке; так и тогда, в какую бы кто ни поставил нас крайность, не принудит он нас преступить закона. И как никто никогда не согласится принять яд даже и в самой крайности, так и мы тогда не решимся произнести клятву. Исполнение этого будет для вас увещанием и побуждением приступить и к совершению других добродетелей. Ничего не исполнивший делается беспечным и скоро падает духом; но кто сознает о себе, что исполнил хотя одну заповедь, тот, ободренный этим, с большим рвением приступит и к исполнению прочих заповедей, потом, исполнив другую, скоро перейдет к следующей, и остановится не прежде, как достигнув самой вершины. Если и денег чем более кто приобретает, тем более еще желает; то тем более это может быть в отношении духовных совершенств. Вот почему я спешу и тороплюсь дать начало делу и положить в душах ваших основание добродетели, и прошу и умоляю вас помнить слова мои не только в настоящий час, но и дома, и на площади, и где бы вы ни были. О, если бы мог я постоянно быть с вами! Тогда не было мне нужды в этом долгом собеседовании. Но как это теперь невозможно, то помните, вместо меня, слова мои и, садясь

за стол, представляйте себе, что я вошел, стою перед вами и внушаю то, о чем здесь теперь говорю вам; и, где только у вас зайдет речь обо мне, прежде всего вспомните об этой заповеди, и эту награду дайте мне за мою любовь к вам. Когда увижу, что вы исполнили эту заповедь, тогда я достиг всего, получил полное возмездие за труды! Итак, дабы вы и нас сделали более ревностными, и сами были бодры, и приобрели больше легкости в исполнении прочих заповедей, сохраните тщательно этот закон в душах ваших – и тогда узнаете пользу моего наставления. И золотая одежда, конечно, бывает красива, если даже просто смотрим на нее; но она кажется нам еще красивее, когда наденем ее на наше тело. Так и заповеди Божьи прекрасны и тогда, как только хвалят их; но они оказываются еще прекраснее, когда их исполняют. Вот и вы теперь хвалите слова мои только на короткое время; но если исполните их, то всякий день и во всякое время будете хвалить и нас и самих себя. Но еще не важное дело, что мы будем взаимно хвалить друг друга; важно то, что Сам Бог восхвалит нас, и не только восхвалит, но и наградит теми великими и неизреченными дарами, которых да удостоимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ БЕСЕДА ШЕСТАЯ о том, что бояться начальников полезно, и рассказ о случившемся на пути с теми, кои несли к Царю весть о возмущении; также о том, что кто терпит что-либо несправедливо и благодарит Бога, попускающего это, равен тому, кто терпит за Бога; предлагаются опять примеры трех отроков и печи вавилонской; и о воздержании от клятв

МНОГО, однако, дней мы употребили на утешение любви вашей; не отстанем от этого предмета, но, пока продлится рана печали, будем прилагать и врачевство утешения. Если и врачи не перестают лечить телесные раны, пока не увидят, что болезнь прекратилась; тем более должно делать это по отношению к душе. Печаль есть рана души, и – должно непрестанно лечить ее словами утешения. И не так смягчают телесную опухоль теплые воды, как унимают боль души слова утешения. Здесь не нужна губка, как у врачей, но, вместо губки, употребим язык. Здесь не нужен огонь для согревания воды, но, вместо огня, воспользуемся благодатью Духа. Так вот и сегодня сделаем это же самое. Если мы вас не утешим, от кого же другого получите утешение? Судьи устрашают? Так пусть утешают священники. Начальники угрожают? Так пусть ободряет церковь. И с малыми детьми бывает так: учителя устрашают и наказывают детей, и, как заплачут они, отсылают их к матерям; а матери, взяв их на руки к себе, держат и обнимают крепко, и, утерев слезы, целуют их, и ободряют прискорбную душу их, внушая им своими словами, что бояться учителей для них полезно.

Так, когда и вас начальники устрашили и сделали печальными, церковь, общая мать всех нас, отверзши объятия и приняв (вас) с распростертыми руками, каждодневно утешает, говоря, что полезен и страх от начальников, полезно и предлагаемое здесь утешение. Страх со стороны начальников не позволяет расслабляться от беспечности, а утешение церкви не попускает падать от уныния: и посредством того и другого Бог устраивает наше спасение. Он и начальников вооружил (Римл. 13:4), дабы устрашали дерзких; Он же и священников рукоположил, чтобы утешали скорбящих: о том и другом, вместе с Писанием, учит и самый опыт. В самом деле, когда уже при начальниках и вооруженных воинах, неистовство нескольких бродяг и пришельцев в самое короткое время произвело у нас такой пожар и воздвигло такую бурю, что заставило всех бояться кораблекрушения; то, если бы не было совсем страха от начальников,

до какого неистовства не дошли бы эти люди? Не разрушили ли бы они у нас города до основания, и, перевернув все вверх дном, не лишили ли бы нас и самой жизни? Уничтожь судилица – и уничтожишь всякий порядок в нашей жизни; удали с корабля кормчего – и потопишь судно; отними вождя у войска – и предашь воинов в плен неприятелям. Так, если отнимешь у городов начальников, мы будем вести себя безумнее бессловесных зверей, – станем друг друга угрызать и снедать (Гал. 5:15): богатый – бедного, сильнейший – слабого, дерзкий – кроткого. Но теперь, по милости Божьей, ничего такого нет. Живущие благочестиво, конечно, не имеют нужды в мерах исправления со стороны начальников: «праведнику закон не положен», сказано (1 Тим. 1:9). Но люди порочные, если бы не были удерживаемы страхом от начальников, наполнили бы города бесчисленными бедствиями. Зная это, и Павел сказал: «нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Римл. 13:1). Что связи из бревен в домах, то и начальники в городах. Если те уничтожишь, стены, распавшись сами собой, обрушатся одна на другую: так, если отнять у вселенной начальников и страх, внушаемый ими, – и дома, и города, и народы с великой наглостью нападут друг на друга, потому что тогда не кому будет их удерживать и останавливать, и страхом наказания заставлять быть спокойными.

Итак, не будем скорбеть, возлюбленные, из-за страха от начальников, но еще поблагодарим Бога за то, что он пробудил нас от беспечности и сделал более рачительными. Скажи мне, что вредного произошло от этого опасения и беспокойства? То ли, что мы сделались более степенными и скромными, более рачительными и внимательными? Что не видим ни одного пьяного и поющего любовные песни, а напротив совершаются у нас непрестанные молебствия, и плач, и молитвы? Что отовсюду изгнан неумеренный смех, сквернословие и всякая вольность, и – весь город наш уподобляется теперь скромной и благородной жене? Из-за этого ли ты скорбишь, скажи мне? Нет; из-за этого надобно радоваться и благодарить Бога, что Он немногочисленным страхом вывел нас из такой беспечности. Это правда, говоришь ты; если бы только страхом и оканчивалась беда наша, в таком случае мы уже довольно получили пользы; но вот мы боимся, чтобы зло не простерлось далее, и нам всем не впасть бы в крайнюю опасность. Не бойтесь; утешает вас Павел, говоря: «верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10:13); «ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя» (Евр. 13:5). Если бы Он захотел наказать на деле и на самом опыте, то не предал бы нас страху на столько дней. Когда Он не хочет наказать, тогда устрашает, потому что, если уже намерен Он наказать, то не к чему страх, не к чему угроза. Но вот мы вытерпели такую жизнь, которая хуже тысячи смертей: в продолжение стольких дней страшимся и трепещем, пугаемся самых теней, несем наказание Каиново, и среди сна вскакиваем от непрестанного беспокойства; так что, если мы и прогневали Бога, то уже умилостивили Его, вытерпев такое мучение. Пусть наше наказание и не соответствует еще грехам нашим, но его довольно для человеколюбия Божия.

2. Впрочем, не по этому одному, но и по многим другим причинам мы должны ободриться. Бог дал уже нам не мало залогов доброй надежды. И, во-первых, то, что отправившиеся отсюда с горестной вестью, полетев как бы на крыльях и думая скоро поспеть в столицу, находятся еще на половине пути: столько встретилось им затруднений и препятствий, что, оставив коней, они едут теперь в повозках, – отчего, по необходимости, прибудут туда позже. Как Бог подвинул отсюда святителя и общего отца нашего и побудил его отправиться и взять на себя это ходатайство; так Он же задержал и тех на половине пути, дабы они, опередив, не раздули огня, и, раздражив слух царя, не поставили учителя в невозможность поправить дело. А что такая остановка случилась не без соизволения Божьего, это видно из следующего. Люди, которые всю жизнь провели в таких путешествиях, и только то и делали, что постоянно ездили на конях, теперь, разбившись от самой верховой езды, принуждены остановиться; и случилось ныне противное тому, что было с Ионей. Того (Бог) заставил идти, когда он не хотел; а этим (гонцам) воспрепятствовал идти, когда они хотели. Новое и чудное дело! Тот не хотел пропо-

ведать о разрушении (Ниневии) – и Бог заставил его против воли; эти с великой скоростью спешат возвестить о низвержении (статуй) – и Он остановил их, также против их воли. Что это значит? То, что здесь поспешность причинила бы вред, а там пользу. Поэтому Бог и того понудил через кита, и этих остановил через коней. Видишь ли премудрость Божию? И тот и эти встретили препятствие в том самом, через что надеялись достигнуть желаемого. Иона надеялся на корабле уклониться – и корабль сделался для него цепью; (гонцы) надеялись на конях скорее достигнуть до царя – и кони оказались помехой; но лучше сказать, воспрепятствовали им не кони, как и (Ионе) не корабль, а Промысел Божий, все устраивающий по Своей премудрости. И смотри, какое попечение: и утратил, и утешил! Попустив посланным отправиться к царю с вестью обо всем случившемся, в тот самый день, когда учинены были все те преступные дерзости, Он этой скоростью их отъезда всех утратил; когда же они отправились и два-три дня провели в пути, и мы уже считали бесполезным отъезд нашего святителя, думая, что он опоздает, тогда Бог рассеял наш страх и утешил нас, задержав посланных, как сказал я, на половине пути, и устроив так, что приехавшие к нам оттуда той же дорогой рассказали всем нам о случившихся с теми (гонцами) неприятностях, дабы мы сколько-нибудь отдохнули и сложили с себя часть беспокойства, что и случилось. Услышав об этом, мы воздали поклонение виновнику сего – Богу, Который и ныне благопопечительнее всякого отца устроил все наши обстоятельства, какой-то невидимой силой задержав этих недобрых вестников, и как бы говоря им: что спешите? Зачем торопитесь погубить такой город? Не добрые вести несете вы к царю: стойте же здесь, пока дам я возможность служителю Моему, как опытнейшему врачу, поспешить и упредить ваше прибытие. Если же оказано такое о нас попечение в самом начале раны от преступления, тем большее получим мы успокоение после обращения, после раскаяния, после такого страха, после слез и молитв. Иона с целью был понуждаем, – именно, чтобы привести (ниневитян) к покаянию; но вы уже показали раскаяние и великую перемену: поэтому и нужно теперь утешение, а не угрожающая весть. Вот для чего Бог и подвиг отсюда (нашего) общего отца, хотя и много было препятствий. Если бы Он не заботился о нашем спасении, то не побудил бы его, напротив еще остановил бы, когда он хотел отправиться.

3. Хочу сказать еще и о третьем обстоятельстве, которое может возбудить в вас бодрость, именно о настоящем празднике, который уважают почти все и неверные, – которому и сам боголюбивый царь оказал такое уважение и почтение, что в этом превзошел он всех бывших до него благочестивых самодержцев. В эти дни он, изданным в честь праздника указом, освободил почти всех заключенных в темнице; и этот-то указ святитель наш, пришедши прочтет перед царем, напомним ему о собственных его законах, и скажет к нему: будь сам для себя увещателем и вспомни о собственных делах; пример человеколюбия у тебя дома. Ты не хотел произвести и праведной казни: решишься ли совершить несправедную? Уличенных и осужденных ты из уважения к празднику, освободил: невинных ли и ничего не сделавших злого осудишь, – скажи мне, – и притом в самый праздник? Нет, государь! В этом указе, обращаясь ко всем городам, ты говорил: о, если бы мог я воскресить и мертвых! Вот мы нуждаемся в этом человеколюбии, нуждаемся в этих словах. Для царей не столько славно победить врагов, сколько преодолеть ярость и гнев. Там успех в деле зависит от оружия и воинов: здесь торжество принадлежит тебе одному и никто не разделит с тобой славы любомудрия. Ты одержал победу в войне с варварами: победи же и гнев царский; пусть знают все неверные, что страх Христов может обуздать всякую власть! Прославь своего Господа, простив согрешения со-рабам, дабы и Он еще более прославил тебя, дабы в день суда, вспомнив об этом человеколюбии твоём, воззрел на тебя кротким и милостивым оком. Так и больше того скажет он, и, конечно, избавит нас от (царского) гнева. Впрочем, настоящий пост служит нам величайшим сподобником не только к умилоствлению царя, но и к мужественному перенесению случившегося с нами. Это время доставляет нам не малое утешение: уже то самое, что каждый день собираемся здесь, наслаждаемся слушанием Божественного Писания, видим друг друга, вме-

сте скорбим, молимся, получаем благословение, и таким образом отходим домой, – это одно отнимает у нас большую половину скорби. Итак, не упадем духом и не погубим себя унынием, но будем ожидать лучшего и со вниманием послушаем, что будет говорено. И сегодня хочу я побеседовать опять о презрении смерти. Вчера ⁶ говорил я вам, что мы боимся смерти не потому, что она страшна, но потому, что нас не воспламенила любовь к царствию и не объял страх геенны, а сверх того и потому, что не имеем доброй совести. Хотите, скажу и четвертую причину этой неуместной боязни, – причину не менее важную, и еще более верную, нежели предыдущие. Мы не ведем строгой жизни, какая прилична христианам, но полюбили эту изнеженную, роскошную и беспечную жизнь; отчего конечно, и привязаны к настоящему.

Но если бы мы проводили жизнь в посте, и всенощных бдениях, и воздержании, отсекая беспорядочные свои пожелания, отвергая удовольствия, пребывая в подвигах добродетели, по слову Павла: «умерщвляю тело и поработаю» (1 Кор. 9:27), «попечения о плоти не превращайте в похоти» (Римл. 13:14), идя тесным и скорбным путем; тогда бы мы тотчас возжелали будущих благ и спешили освободиться от настоящих трудов. И дабы увериться тебе, что не ложно слово наше, взойди на вершины гор и посмотри на тамошних иноков, одетых во власяницу, носящих вериги, изнуренных постом, заключившихся во мраке, – и увидишь, что все они желают смерти и называют ее успокоением. Как боец спешит уйти с ристалища, чтобы избавиться от ран, и борец желает окончания зрелища, чтобы освободиться от трудов; так и ведущий добродетельную, строгую и суровую жизнь желает смерти, чтобы и освободиться от настоящих трудов, и беспрепятственно получить уготованные венцы, приплыв в тихую пристань и переселившись туда, где уже не нужно опасаться кораблекрушения. Поэтому Бог и устроил жизнь нашу трудной и тяжелой, чтобы мы, будучи теснимы здешними скорбями, возжелали будущих благ. Если и теперь, когда со всех сторон окружает нас столько огорчений, опасностей, страхов и забот, так привязаны мы к настоящей жизни; то возжелали ли бы мы будущих благ, когда бы ничего такого не было, но вся наша жизнь была бы беспечна и безбедна.

4. Так поступил Бог и с иудеями. Желая пробудить в них мысль о возвращении (в отечество) и заставить их возненавидеть Египет, Он попустил им быть отягощаемыми «глиной и кирпичами» (Исх. 1:14), дабы они, будучи подавляемы величиною трудов и тяжестью работы, воззвали к Богу о возвращении. Если же они, и при таких обстоятельствах вышедши, опять вспоминали о Египте и тяжком рабстве, и готовы были возвратиться под прежнее тиранство; то, не испытав этого от иноплеменников, захотели ли бы когда оставить чужую землю? Посему, чтобы и мы, привязавшись к настоящему, не скорбели и не забыли о будущем, Бог сделал нашу жизнь тягостной. Не будем же более надлежащего любить настоящую жизнь. Какая нам польза, какая выгода от чрезмерной привязанности к этой жизни? Хочешь знать, почему настоящая жизнь составляет для нас благо? Потому что она служит нам началом и приготовлением к будущей жизни, поприщем и местом борьбы для получения тамошних венцев; так что она если не будет для нас этим, жальче тысячи смертей. Если мы в этой жизни не хотим угождать Богу, то лучше умереть. Что особого, что нового для нас здесь? Не то же ли солнце, не ту же ли луну видим ежедневно? Не ту же зиму? Не то же ли лето? Не те же ли предметы? «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться» (Екл. 1:9). Итак, не будем ни живых считать просто блаженными, ни умирающих оплакивать; станем лучше скорбеть о грешниках, будут ли они жить, или умрут, а добродетельных будем ублажать, где бы они ни были. Ты одной смерти боишься и плачешь, а Павел умирал каждодневно, и из-за этого не только не плакал, но еще радовался и веселился. О, если бы и я страдал за Бога, говоришь ты, я ни о чем бы не беспокоился! Но не унывай и теперь: славен не тот только, кто терпит что-либо за Бога, но и тот, кто страдает несправедно и переносит это мужественно и благодарит Бога за таковое попущение; и этот славен не меньше того, кто страдает за Бога. Блаженный Иов безвинно и незаслуженно

---

⁶ См. предыдущ. V бесед. п. 3 и сл.

потерпел много невыносимых ударов от козней дьявола; но как он мужественно перенес их и возблагодарил Бога, попустившего это, то и получил полный венец.

Итак, не скорби из-за смерти: она – от природы; скорби из-за греха: он – незаконное дело произволения. Если же скорбишь об умерших, то скорби и о рождающихся, потому что как это дело естественное, так и то. Посему, если кто станет грозить тебе смертью, скажи ему: от Христа научился я не бояться «убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф. 10:28); если будет грозить отнятием имущества, скажи ему: «наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь» (Иов. 1:21); «ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести» (1 Тим. 6:7); если ты не возьмешь, придет смерть, и возьмет; если ты не умертвишь, закон природы в известный срок принесет смерть. Не будем же бояться ничего такого, что постигает нас по закону природы, но убоимся того, что бывает с нами от злого произволения; это подвергает нас наказанию. При всех постигающих нас нечаянностях, будем непрестанно размышлять, что печалью нам не поправить их, и мы перестанем скорбеть; а вместе с тем подумаем и о том, что если мы в настоящей жизни терпим какое-либо несчастье незаслуженно, то этим заглаживаем множество грехов. Великое благо – сложить грехи здесь, а не там. Богач не потерпел здесь никакого бедствия, зато там горел в огне. И дабы увериться, что это было причиной, почему он не получил никакого утешения, послушай, что говорит Авраам: «чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей», поэтому «страдаешь» (Лук. 16:25). А для удостоверения, что и Лазарь получил блаженство не только за добродетельную жизнь, но и за перенесение здесь бесчисленных бедствий, послушай, как и об этом говорит патриарх. Сказав богачу: «получил уже доброе твое», он присовокупил: «а Лазарь – злое», и поэтому «утешается». Как живущие добродетельно и страждущие получают от Бога двойную награду; так и живущий в грехе и благоденствующий понесет двойное наказание. Опять и это говорю не в обвинение бегущих из города («сердца огорченного» сказано, «не смущай» – Сир. 4:3), и не в укоризну им (потому что больной имеет нужду в утешении); нет, я стараюсь исправить их, желаю, чтобы мы не веряли своего спасения бегству, но бежали бы греха, сошли бы со злого пути. Если греха избежим, то и среди бесчисленного множества воинов никто не может нас поранить, а если его не избежим, то, хотя бы мы взошли на самую вершину гор, и там найдем тысячи врагов. Вспомни опять о тех трех отроках: они были в печи и не потерпели никакого зла; а ввергнувшие их были вне ее, однако же все, сколько их ни стояло вокруг, истреблены. Что чудеснее этого? Тех, кои были во власти огня, он отпустил, а кои не были в его власти, тех охватил! Чтобы познал ты, что не место, но расположение души бывает причиной и спасения и наказания, вот, бывшие в печи остались невредимы, а бывшие вне ее – истреблены. У тех и других одинаковые тела, но не одинаковые мысли, а потому и не одинаковая восприимчивость к страданиям. Сено лежит и вне (печи), но тотчас возгорается; тогда как золото, и, находясь внутри (печи), еще более блестит.

5. Где теперь говорящие: пусть царь возьмет все и оставит нам тело свободным? Пусть узнают они, что это значит: тело свободное. Не безнаказанность делает тело свободным, но жизнь постоянно добродетельная. Вот, тела этих отроков были свободны и брошенные в печь; потому что они давно сбросили рабство греха, а в этом-то единственно и состоит свобода, а не в том, чтобы не терпеть наказания и никакого несчастья. А ты, услышав об этой печи, вспомни об огненных реках, которые потекут в тот страшный день. Как здесь огонь одних охватил, а других пощадил; так будет и в тех реках: у кого будут дрова, сено, тростник, тот даст, чем гореть огню; а у кого будет золото, серебро, тот сам делается блистательнее. Это-то вещество и станем собирать, и будем мужественно переносить настоящие бедствия, зная, что настоящая скорбь избавит нас и от тамошнего наказания, если мы сумеем любомудрствовать, и здесь сделаем лучшими, не только нас, но и притеснителей наших, если мы будем бдительны (такова сила любомудрия), как это и в то время случилось с мучителем. Когда он увидел, что отроки не потерпели никакого вреда, послушай, как он переменял (речь). «Рабы Бога Вышнего», гово-

рит, «выйдите и подойдите» (Дан. 3:93). Незадолго перед тем не ты ли говорил: «тогда какой Бог избавит вас от руки моей» (Дан. 3:15)? Что же случилось? Откуда такая перемена? Бывших вне печи увидел ты погибшими, и зовешь находящихся внутри? Откуда пришло к тебе такое любомудрие? Вот, какая перемена произошла в царе! Когда отроки еще не были в его власти, он богохульствовал; а как ввергнул их в огонь, так и стал любомудрствовать. Поэтому Бог и попустил быть всему, чего хотел мучитель, чтобы показать, что хранимому Им никто не может повредить; здесь Он сделал то же, что сделал с Иовом. И там Он попустил дьяволу выказать всю свою силу; и когда этот истошил все стрелы, и уже не оставалось более никакого рода козней, – тогда-то Бог и вывел подвижника с поприща, чтобы победа была славна и несомненна. Точно так Он сделал и здесь. Захотел мучитель разрушить город их (отроков) – и Он не воспрепятствовал; захотел отвести их в плен – не остановил; захотел связать – дозволил; ввергнуть в печь – допустил; разжечь пламя сверх меры – и это позволил, и когда уже ничего более не оставалось, и мучитель истошил всю свою силу, тогда и Бог показал Свое могущество и терпение отроков. Видишь, что Бог попустил этим бедствиям дойти до крайней степени – для того, чтобы показать притеснителям и любомудрие притесняемых и Свое промышление. И мучитель, познав то и другое, воскликнул: «рабы Бога Вышнего! выйдите и подойдите». Но обрати внимание на великодушные отроков: они не вышли прежде зова, дабы не подумал кто, что они устрашились огня; а, быв позваны, не остались внутри, дабы не почли их честолюбивыми и упорными. Когда узнал ты, говорят, чьи мы рабы; когда познал нашего Господа, – тогда мы выходим, как проповедники силы Божьей всем предстоящим. А сказать правду, – не только они, но и сам гонитель собственным голосом, и устно и посланием, возвестил всем и о мужестве подвижников, и о силе Подвигоположника. Как глашатаи на середине зрелища объявляют имена борцов-победителей и называют их города, говоря: такой-то из такого-то города; так и мучитель, вместо города, провозгласил их Господа: «Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите» (Дан. 3:93). Что случилось, что называешь их рабами Божьими? Не твои ли они были, рабы? Но они, говоришь, сокрушили мою власть, попрали мою гордость, делами показали своего истинного Господа. Если бы они были рабами людей, их не убоялся бы огонь, от них не отступило бы пламя; потому что тварь не умеет уважать и чтить рабов человеческих. Поэтому, говорит, «благословен Бог Седраха, Мисаха и Авденаго» (Дан. 3:95). Здесь обрати внимание на то, как он сперва возвещает о Подвигоположнике: «благославен Бог, Который послал Ангела Своего и избавил рабов Своих» (Дан. 3:95). Это о силе Божьей; скажи и о добродетели подвижников: «которые надеялись на Него и не послушались царского повеления, и предали тела свои огню, чтобы не служить и не поклоняться иному богу» (Дан. 3:95). Что может сравниться с добродетелью? Прежде, когда они говорили: «богам твоим не служим» (Дан. 3:18), он разгорелся сильнее печи; а теперь, когда это доказали на самом деле, он не только не разгневался, но еще похвалил и восхищался по поводу того, что они не послушали его. Вот, какое благо добродетель: она и в самых врагах возбуждает к себе удивление и похвалу. Отроки сразились и победили, а побежденный стал благодарить за то, что их не устрасил вид пламени, но воодушевила надежда на Бога; он и Бога вселенной называет по трем отрокам, не для того, чтобы ограничить Его владычество, но потому, что эти три отрока стоили вселенной. Поэтому и хвалит мучитель презревших его, и, минуя столько правителей, и царей, и начальников, покорных ему, восторгается тремя пленниками и рабами, посмеявшимися над его жестокостью. Они сделали это не по любопрению, но по любомудрию; не по дерзости, но по благочестию; не надмившись гордостью, но воспламенясь ревностью. Подлинно, великое благо надежда на Бога! Это познал и этот иноплеменник, и – желая показать, что через нее избавились отроки от угрожавшей опасности, воскликнул: «которые надеялись на Него» (Дан. 3:95).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.